

83.381

K26

себ.

Г. В. К С Е Н О Ф О Н Т О В

ЛЕГЕНДЫ И РАССКАЗЫ
О ШАМАНАХ

~~Р~~
~~К-86~~
3918

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЕЗБОЖНИК»

ОР

392343

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

1961	ВНИ			
19	АПР	1931		

69. 26.391
K-86

АБОНЕМЕНТ

~~ЧИТАЛЬНЯ~~

Г. В. КСЕНОФОНТОВ

ПЕРЕДАЧА

~~29~~
K86.96

~~20~~
~~2~~
K-86

ЛЕГЕНДЫ И РАССКАЗЫ О ШАМАНАХ

У ЯКУТОВ, БУРЯТ И ТУНГУСОВ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ДОПОЛНЕННОЕ И ПЕРЕРАБОТАННОЕ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ С. А. ТОКАРЕВА

392373
ДВУХ

~~3970~~ ~~3918~~

~~Библиотека Володарск. Р. К. ВЛН(5)
Ленинград, пр. 25 Октября 178.~~

Центральная районная
библиотека
им. Леонида Соболева
Ленинград, Ленинский р-н
ул. Дзержинского, 64
42-37-35

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЕЗБОЖНИК»
МОСКВА — 1930 г.

8100

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В антирелигиозной борьбе не меньше, чем во всякой иной, имеет силу то правило, что для победы над противником необходимо познать его, изучить его силы. Антирелигиозная работа нередко затрудняется тем, что мы недостаточно знаем сильные и слабые места той религии, с которой мы боремся, не всегда учитываем своеобразие условий, коренящихся в особенностях церковной организации, в особенностях идеологии той или иной религии. Отсюда происходит подчас неправильная установка в конкретных формах антирелигиозной работы, возникает ряд ошибок, которыми иногда умело пользуются наши враги.

Для предупреждения подобных ошибок каждому антирелигиознику необходимо вдумчивое и серьезное изучение конкретной религии, господствующей в том районе или в том народе, где ему приходится работать, — будь то православие, христианские секты, ислам, юдаизм, ламаизм, шаманизм и т. п.

Не следует думать, будто шаманизм заслуживает в этом отношении меньшего внимания, чем более высоко развитые религии. Правильно понять шаманизм и найти верную установку в борьбе с ним — задача едва ли более легкая, чем по отношению, напр., к православию или сектантству. Напротив, эта задача сильно затруднена благодаря своеобразному, чуждому для нас характеру тех хозяйственных, социальных и культурных условий, с которыми шаманство связано. Для того, чтобы повести успешную борьбу с шаманизмом, этой религией, вырастающей на основе наиболее примитивных хозяйственно-социальных форм жизни, — для того, чтобы занять правильную методологическую и принципиальную позицию в этой борьбе, — безусловно необходимо внимательно и з у ч и т ь шаманство у каждого данного народа, понять его сущность, его корни, условия его жизнеспособности и найти те средства, которыми можно его преодолеть.

В этом отношении следует приветствовать всякую новую работу, дающую материал, который освещает природу шама-

низма, — поскольку, конечно, такой материал является научно доброкачественным.

Предлагаемая книга Г. В. Ксенофонтова заслуживает с этой точки зрения самого серьезного внимания. Эта книга содержит в себе материал по шаманству главным образом у якутов. Якутское шаманство, вообще говоря, служило предметом внимания довольно многих исследователей. Соответствующий материал мы найдем в работах таких авторов, как Маак, Припузов, Серошевский, Ионов, Виташевский, Трощанский, Приклонский, Васильев, Пекарский и др., не говоря о более ранних (см. библиографию в конце книги). Но, несмотря на это кажущееся богатство материала, якутское шаманство остается до сих пор изученным далеко не достаточно, вернее — односторонне. Сравнительно часто описывалась внешняя, доступная простому наблюдению сторона якутского шаманства, т.-е. ритуал шаманских камланий, облачение и принадлежности шаманов и т. п., но гораздо меньше мы знаем о внутренней стороне шаманской религии, о ее идеологии, верованиях. Это обстоятельство вполне понятно, поскольку исследователями были в большинстве люди чужие для якутов по национальности, нередко не знавшие якутского языка и почти никогда не пользовавшиеся полным доверием со стороны якутов, верования которых они старались изучить. Поэтому наши сведения о шаманских верованиях якутов довольно отрывочны, нередко противоречивы и не всегда надежны.

Как раз с этой стороны работа т. Ксенофонтова вносит много нового и ценного в данный вопрос. Ее содержание — различные поверья, предания, легенды, сказания о прежних и современных шаманах. В книге раскрывается целый мир шаманских верований. Читая ее, получаешь живое и наглядное представление о том, чем является для якутов шаманство, как они смотрят на своих шаманов, живых и умерших, как относятся к ним, какие качества, способности им приписывают. Это, правда, лишь одна сторона шаманства, — так сказать, субъективная, но это как раз та очень существенная сторона его, которая была до сих пор нам, как уже сказано, сравнительно слабо известна. Кроме того, в этих же материалах читатель найдет очень ценные сведения по шаманской демонологии якутов, по их представлениям о светлых и темных духах, небесных и подземных божествах. Эти сведения тем более ценны, что здесь они даются не в отвлеченной и обобщенной форме, как это делается большинством исследователей (при чем при такой передаче народные верования обычно искажаются), а в живом контексте поверий и преданий, т.-е. в сущности в сыром, совершенно нетронutom виде. Нет нужды доказывать, насколько важно для изучения всякой религии иметь под рукой подобный чистый, необработанный материал. Ведь только при такой передаче его имеется возможность изучать

идеологическое — и социальное — значение каждого религиозного образа, каждого верования.

Далее, материал т. Ксенофонтова интересен еще тем, что он относится географически к районам сравнительно слабо изученным. Большинство исследователей — Серошевский, Ионов, Виташевский и др. — работали главным образом на правобережье Лены, в особенности в районе Амгинско-Ленского нагорья. Материал, относящийся к левобережью Лены, содержится почти только у Маака (Вилойский округ). Обследования т. Ксенофонтова охватывают главным образом как раз эту малоизвестную левобережную Якутию (Зап.-Кангаласский улус, ряд улусов Виллоиского округа).

Наконец, самое важное — это качество даваемого Г. В. Ксенофонтовым материала. Сам чистокровный якут, т. Ксенофонтов пользовался большим доверием со стороны якутов, которые передавали ему свои верования и предания с гораздо большей откровенностью и точностью, чем русским исследователям. Испытав на себе административный гнет русского царского чиновничества и казенно-миссионерскую деятельность русского духовенства, якуты с естественным недоверием относились ко всему русскому, и эту недоверчивость, несомненно, пришлось узнать и русским ученым, в особенности когда дело касалось тех «языческих» верований, об искоренении которых больше всего заботился чиновничье-миссионерский аппарат. Далее, сама запись материала на якутском языке, с последующим дословным переводом их самим собирателем на русский язык, — сама по себе гарантирует гораздо большую точность и ценность этих материалов, нежели то, что записывается, — как это чаще бывает — через переводчика, или при недостаточном знании туземного языка собирателем. Особенно хорошее впечатление производит строго соблюдаемая автором научная методика записи текстов, которую он производит с большой добросовестностью, не позволяя себе что-либо изменять, прибавлять (без оговорок) или выбрасывать в услышанном от того или иного информанта.

Следует обратить внимание и на имеющую большую научную ценность точную датировку записанных текстов, которая применяется в издании этнографических материалов, к сожалению, довольно редко. Автор помечает не только время и место записи, но и имя осведомителя, а в особом приложении дает краткие сведения об опрошенных им лицах, сведения, позволяющие читателю до известной степени самому оценивать научное значение каждой отдельной записи и при разногласиях их между собой или со свидетельствами других собирателей самостоятельно разбираться в этих разногласиях.

Как видим, ценность предлагаемого материала в чисто научном отношении сравнительно очень велика.

Эту ценность данный материал представляет совершенно независимо от теоретических взглядов самого автора. Взгляды эти изложены им в его работах «Хрестес», «Культе сумасшествия в урало-алтайском шаманизме», «Пастушеский быт и мифологические воззрения классического Востока», Иркутск, 1929 г. Интересующийся ими читатель может сам обратиться к названным книгам. В насгоящем издании автор сам не решается их повторить, допуская их «скоропелый», по его выражению, характер. Намек на эти взгляды читатель найдет однако в заголовках, данных автором каждому тексту, заголовках, которых редакция не сочла нужным изменять, несмотря на их весьма тенденциозный иногда характер. Уже из этих заголовков видно, напр., что автор весьма настойчиво старается провести параллель между шаманизмом и христианством, заботливо выискивая в шаманских верованиях элементы, сходные с христианской мифологией. Достаточно прочесть оглавление книги, чтобы в этом убедиться, найдя там «идею богоотцовства», «исцеление бесноватых», «хождение по водам как по суше» и т. п. — Более существенно, что точка зрения автора сказалась и в самом подборе материала, в котором преобладает как раз то, в чем Г. В. Ксенофонов видит сходство с христианством. Это обстоятельство, пожалуй, уменьшает ценность данной работы, которая дает, таким образом, несколько одностороннее освещение шаманства.

Откладывая до другого случая критику взглядов т. Ксенофопова, мы только отметим, что общие черты, находимые автором между шаманизмом и христианством, представляют собой в сущности верования, широко распространенные и имеющиеся налицо в очень многих религиях. Таковы поверья о чудесах шаманов (через жрецов, пророков, святых), о родственных связях людей с богами («богоотцовство»), о непорочном зачатии, о смерти и воскресении посвящаемого и т. д. Кроме того, некоторые из сообщаемых здесь верований, особенно напоминающие христианскую мифологию, могут на поверку оказаться попросту занесенными из христианства, — частью под влиянием русских миссионеров XVIII — XIX вв., частью даже в более раннюю эпоху, до переселения якутов на север из Прибайкалья, где они могли (в IX — X вв.) соприкасаться с доходившим туда несторианством. Сопоставлять же шаманизм в целом, как религию, специально с христианством — конечно, является неправильным, по крайней мере для того, кто придерживается историко-материалистического метода, — поскольку хозяйственные и социологические корни обеих религий были совершенно различны.

Этим указанием мы не хотим, конечно, ослабить значения печатаемого материала, а только предотвратить неправильные выводы из него.

В дополнение к примечаниям, сделанным самим собирателем, Г. В. Ксенофонтовым (позади текста, сс. 106), редакцией внесены некоторые примечания (внизу страницы), заключающие в себе главным образом библиографические указания, которые помогут читателю сопоставить те или иные тексты, записанные Г. В. Ксенофонтовым, с данными более ранних исследований, а также ссылки на аналогичные верования у других народов северной Азии. Количество таких примечаний сведено до минимума, чтобы не загромождать книги. От попыток дать теоретическое истолкование или обобщение тех или иных из приводимых в книге фактов (верований) редакция совершенно отказалась, поскольку такая задача требовала бы особой исследовательской работы.

Редакцией составлен также библиографический указатель литературы о шаманстве, в частности о якутском.

Позволим себе выразить надежду, что настоящий сборник принесет известную пользу как в практической антирелигиозной работе, так и при теоретической проработке соответствующих вопросов в наших вузах.

С. А. Токарев.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К 1-МУ ИЗДАНИЮ.

С 1921 г., состоя членом Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, пишущий эти строки принимал посильное участие в общей работе иркутских этнографов по изучению старой и быстро исчезающей культуры туземных племен Восточной Сибири. Все активные работники по этнографии объединялись в Этнографической секции ВСОРГО и обычно к началу каждого рабочего сезона сообща разрабатывали общую программу предстоящих исследовательских работ по тем или другим вопросам туземной этнографии, стараясь согласовать частную инициативу своих сочленов. Иногда намеченная программа вопросов затем проводилась протокольными постановлениями на общих собраниях секции, но чаще общий план создавался сам по себе путем неофициальных обсуждений, бесед и взаимной информации, так как все работники с их излюбленными районами и научными темами были известны наперечет и находились в постоянном общении друг с другом.

До организации самостоятельной Якутской секции ВСОРГО мне пришлось некоторое время работать почти в единственном числе в деле добывания новых научных материалов по Якутскому краю (имею в виду, конечно, только иркутский круг этнографов). Поэтому и не было особой необходимости каждый раз беспокоить своих товарищей предложением обсудить ту или другую программу предстоящих работ. Отдаленность края, трудность и дороговизна совершения туда научных поездок, невозможность предварительного расчета и общей ориентировки в новой обстановке поневоле вызывали личное усмотрение, универсализм и широту обхвата как в выборе тем, так и в определении исследуемых районов, что всегда характерно для всякой провинции, в том числе и научной. Система работы германских этнографов с узкой специализацией, с точно разработанными маршрутами для исследователя отдаленного Якутского края была бы непозволительной роскошью. Приходилось самому на месте, применяясь к обстановке,

намечать как точную программу работ, так и направление своих поездок. Но тем не менее я не могу и не имею права то немногое, что удалось выполнить по мере сил и понимания в деле изучения якутов, считать своим личным делом. Все затронутые за время моих поездок вопросы так или иначе вызваны условиями совместной работы с моими товарищами по Этнологической секции ВСОРГО.

Настоящее маленькое собрание этнографических материалов по так называемой «шаманской вере» некоторых первобытных племен Восточной Сибири представляет собою простые выборки из дорожных дневников, которые я вел при отдельных научных поездках по якутам и тунгусам в 1925 году от января по май включительно и к бурятам Эхирит-Булагатского аймака в ноябре 1926 года. При подборе материала мне не удалось выдержать строгие рамки одной определенной темы, в виду нежелательности разрыва цельных показаний отдельных лиц. Но в общем и целом я имел в виду представить те части своих записей, которые касались шамана, как центральной фигуры шаманистических представлений. В данное собрание вошло не все то, что записано и собрано мною среди якутов. Остаются не разобранными ряд протокольных записей шаманских камланий, ибо перевод на русский язык шаманских стихотворных импровизаций представляется делом не легким.

При подборе материала из дневников я старался отразить все более или менее примечательные повторения общих мест в разных районах, чтобы дать понятие о степени распространенности, однотипности, или, наоборот, индивидуальной разрозненности тех или других понятий и представлений. Для вдумчивого исследователя каждый малейший штрих может представить тот или другой научный интерес.

Все содержание сборника — простая протокольная запись показаний стариков и рядовых якутов, тунгусов и бурят на задаваемые им общие вопросы или их рассказов о бытующих в народе мифах религиозного содержания. Вернее, это были не расспросы и не допросы по детально и заранее измышленным пунктам «ученой программы», но простые беседы на намечаемые мною общие темы. Беседу и запись я вел обычно до тех пор, пока у собеседника чувствовался живой интерес к разговору. Как только у рассказчика иссякало свободное и непринужденное вдохновение, я ставил себе строгим методическим правилом тотчас же прекращать беседу, если не удавалось заинтересовать его другими темами. На мой взгляд, всякий инквизиторский допрос по пунктам от «а» до «б» никогда не дает надежного научного материала. У каждого опрашиваемого, кем бы он ни был, всегда имеется налицо множество мотивов для личного творчества и раз-

ного рода измышлений, смотря по тому — с кем, когда и при какой обстановке он имеет дело.

Якутские показания записывались по-якутски, тунгусские — по-русски через переводчиков, а несколько бурят вели беседы по-русски на ломаном жаргоне, лишь изредка прибегая к помощи случайных и малонадежных переводчиков. За время своей постоянной практики в якутском письме я имел возможность протоколировать нормальную, размеренную речь якута, говорящего «с толком и с расстановкой», почти не прерывая своего собеседника. Лишь очень редко приходилось прибегать к мнемоническим сокращениям при фиксации мимолетных разговоров в дороге и в других случаях крайней спешки.

Якутские показания переведены на русский язык мною же с возможной точностью в передаче мыслей, а не слов. В тех местах, где перевод представлялся мне трудным или спорным, обычно привожу якутский текст, или же даю параллельно буквальное значение тех или других слов и выражений. Свои пояснительные замечания к отдельным местам даю для удобства читателя в скобках внутри текста или же в особых примечаниях, приложенных в конце, если эти замечания выливаются в более подробные разъяснения. Наконец, чтобы облегчить пользование материалами, каждое показание, носящее цельный и самостоятельный характер, снабжено мною особым заголовком. Само собою разумеется, что строгий читатель, желающий исключить все то, что носит печать авторского субъективизма и, может быть, отзвуки скороспелых выводов, легко может игнорировать эти заголовки.

Также я счел необходимым в конце сгруппировать в одно место все данные, касающиеся личности моих собеседников — их лета, административную приписку, местожительство, главное занятие, общественное положение и общее впечатление, производимое ими на собирателя.

На издаваемые материалы собиратель смотрит как на научную разведку и общую программу для работ следующих, более счастливых исследователей, которые смогут работать при лучших условиях, как в смысле общественной поддержки, так и сочувствия научных органов.

Отдельные якутские слова и предложения, встречающиеся в тексте, написаны обыкновенными буквами русского алфавита. Чтение их для каждого знакомого с якутской письменностью вряд ли представит затруднение. Долгие гласные передаются удвоением, сложные звуки сочетанием соответственных букв, как, например, — «нг», «дж» и т. п.

Август 1928 г., г. Иркутск.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО 2-МУ ИЗДАНИЮ.

Для повторного издания «Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов» подверглись существенным изменениям в смысле более систематического расположения отдельных частей в зависимости от содержания, а не по географическим районам, как это было сделано раньше. Вместе с этим отдельные главы пришлось распределить по более мелким параграфам. Кроме того, сборник значительно расширен включением соответствующего фактического материала из ранее изданной другой работы автора — «Хрестес. Шаманизм и христианство» (Иркутск, 1929 год). Этот материал также относится к якутам б. Вилуйского и Якутского уездов. Заголовки, приданные к отдельным рассказам, частью уничтожены в виду систематизации материала по однородным темам, частью же изменены для большего их уточнения. Данные о личностях опрошенных лиц, приложенные в конце книги, расположены в алфавитном порядке по фамилиям, чтобы они могли одновременно служить и именовым указателем.

Будучи кустарем в области теоретической этнографии, не считаю возможным рекомендовать читателям свои, весьма возможно, скороспелые теоретические выводы по поводу собранного фактического материала.

25 января 1930 г., г. Москва.

Г. К.

1. СЛЕДЫ ОБОЖЕСТВЛЕНИЯ ШАМАНОВ¹⁾.

1. Возобновление гробницы шаманов.

Павлов Платон.
Бёртё.

1. На речке Хаастаах есть могила древнего шамана по имени Тимир-Чарапчылаах (в переводе — «имеющий железный козырек над глазами»). Труп положен в колоду, выдолбленную из обрубка лиственничного бревна. Колоду привязали на развилке ветвей большой лиственницы.

Рассказывают, что кости этого шамана в старину поднимали два раза, так как колода и дерево гнивали и кости сваливались на землю. Когда сваливался гроб, то шаман из его кровных родственников закладывая три штуки скотины определенной масти и устроив ысыах, поднимал останки шамана и перекладывал на другое дерево.

Еще на моей памяти останки этого шамана подняли один раз. Я как-то случайно повстречался по дороге с людьми, идущими поднимать их. Они гнали одного трехтравного нехолощенного бычка. Для совершения обряда поднятия были приглашены три шамана, из которых один не пришел. Заколовши того быка, должны были угостить собравшийся народ.

Рассказывают, что останки шаманов поднимают и с жертвой конного скота. Должны заколоть жеребца черной масти, но с бе-

¹⁾ Культ умерших шаманов отмечался у якутов целым рядом исследователей. См., напр.: Сарычев, Путешествие, т. I, сс. 66—7; «Описание якутов», Сев. Архив, 1822 г., ч. 3, сс. 215, 277; Припузов, Изв. ВСОРО, т. 15, № 3—4, сс. 60—1; Алексий, Правосл. Собес. 1900 г., июль—авг., с. 45; Приклонский, Жив. Стар., в. IV, сс. 61—3; Серошевский, Якуты, сс. 663—4 и др. — Помимо якутов, почитание умерших шаманов развито у тех народов северной Азии, у которых шаманство носит наследственный (родовой) характер, — в частности, у юкагиров, алтайско-саянских народов и бурят. — Ред.

лой мордой и с белыми, как неочищенные от коры березовые колья, четырьмя конечностями. При третьем поднятии останки шамана должны быть преданы земле.

Рыкунов Осип.
Остров Тоён-Арыы. Джобулга.
17 января 1925 г.

2. Знаменитого шамана хоронят не в земле, а кладут на открытом воздухе в особое сооружение — арангас. Потом (когда арангас сгнивает и валится от времени) кости шамана в течение веков «поднимают» последовательно три раза при посредстве трех, шести или девяти шаманов. По совершении этого обряда поднятия костей должен умереть один из родственников шамана.

При этом убивают красно-пегую, беломордую корову и такой же масти из конного скота. (Рассказчик употребил слово — «сылгы», которое указывает только видовой признак конного скота без определения пола. Весьма возможно, что и в первом случае не определен ясно пол убиваемой жертвы, ибо у якутов часто «ынах» (корова) с добавлением слова «сюёсю» (скот) тоже означает вообще рогатый скот. В данном случае слово «сюёсю» упустил я при записи, или мог пропустить и сам рассказчик. Г. К. ¹⁾).

2. Шаман — «дух покровитель».

Данилов Петр Данилович.
Тиит Арыы.
30 января 1925 г.

1. Про древнего шамана Кунньяас говорят у нас «Айыы Буол-бут» («ставший божеством, духом - покровителем»), что служит заменой его имени. Также именуют «Сур-Джагыл-Атыырдаах» («имеющий жеребца серой масти с крыланом», грамматический перевод. Житейский смысл этого имени, конечно, — «требующий жеребца»), или еще сокращеннее — «Джагыл-Атыырдаах», или просто — «Атыырдаах».

Ефремов, Николай Григорьевич.
Джобулга.
17 января 1925 г.

2. В глубокой древности жил князь по имени Чёмчэй; сына его звали Юёлэн-Кунньяас. Последний был шаманом.

Однажды летом во время праздника «ысыах» шаману Юёлэн-Кунньяасу подали первую почетную чашу с кумысом (вслед за угощением богов и духов). В тот самый момент, когда он пил

¹⁾ О погребении шаманов см. еще: Описание якутов, с. 369; Щукин, «Поездка в Якутск», с. 297; Припузов, с. 65; Приклонский, «Жив. Стар», IV, сс. 58—9; Серошевский, с. 618. Автор не сообщает об обычае оставлять близ тела шамана его облачение и бубен (который при этом продырявливается). Этот обычай распространен не только у якутов, но почти и у всех других шаманских народов Сибири. — Ред.

кумыс, злой дух-дева Ырья Дуйаак (Певидца-Дуйаак), живущая наверху в багровых облаках, спустила аркан. (Рассказчик поясняет: «старинные люди в данном случае «арканом» называют дыхание злых духов»). Ырья-Дуйаак — одна из девяти небесных дев — шаманок, духи которых наводят на людей сумасшествие, требуя посвящения им конного скота разной масти).

Тотчас же шаман Юёлэн-Куньяас вскочил на своего серого жеребца с крыланом и помчался. (Куда, этого рассказчик не пояснил). Сняв со своего жеребца пестрый волосяной повод (свитый из белых и черных конских волос), он повесился на одной наклоненной березе. Люди, разыскав его труп, похоронили.

Ырья-Дуйаак духа этого шамана вознесла наверх и сделала своим мужем. С тех пор дух этого шамана требует от людей по сей день посвящения ему серых жеребцов с крыланом на оплечьях. Если не находится жеребец с такими приметами, то можно посвятить ему и кобылицу такой же масти с крыланом и с особой отметиной на шерсти бедра («эмэгэттээх бууттаах». Повидимому, и жеребец должен иметь ту же отметину на бедре. Г. К.).

Из всех верхних духов, требующих посвящения конного скота, Юёлэн-Куньяас считается самым старшим (т.-е. грозным и страшным). К нему обращаются в случаях болезни головы (мозга), иногда горла или спины (спинного мозга?).

3. Видение шаманиста.

Павлов, Николай Устинович.

17 января 1925 года.

У моего старшего брата много лет тому назад заболела жена. Он пригласил шамана, и по его указанию посвятил духу шамана Куньяаса, ставшему «Айы», кобылицу с вороним крыланом на оплечьях, в качестве «ытыка» для постоянного почитания¹⁾. Когда эта священная, или «чтимая» кобылица уже состарилась, брат решил продать, и мы вместе повели ее в город (Якутск). Так как от нашего местожительства до города 140 верст, то мы остановились на ночевку в Бэстэхском наслеге в юрте одного знакомого якута.

Уже все улеглись, была тишина. Я почему-то долго не спал, или, может быть, проснулся ночью, теперь хорошо не помню. Но

¹⁾ Обряд посвящения животных божествам или духам засвидетельствован, кроме якутов, еще у тунгусов, самоедов, алтайско-сааянских народов и бурят. Посвященное животное называется у якутов ытык, у алтайцев ийик, у минусинских турок изых, у тунгусов яшил, у бурят онгон. У якутов этот обычай отмечен еще Приклонским (Ж. Ст., IV, сс. 56—7), Серошевским (сс. 648—9), Трещанским (Эвол. черн. веры, сс. 33, 103). Животное после посвящения не употребляют в хозяйстве (или это употребление более или менее ограничено) и не убивают.—Ред.

вдруг среди ночной тишины раздались на дворе совершенно отчетливые чьи-то слова:

«Вот неслыханное явление! Смотрите, мою кобылицу вздумали еще продавать, чтобы разрезали ее цельное тело, чтобы разбросали ее священную плоть!.. Да еще выходят и раскрывают зубы!»

Вечером до ужина один молодой якут выходил на двор и узнав, что мы ведем кобылицу продавать, осматривал и по нашему обыкновению щупал ее там и тут.

Я сам и раньше не одобрял намерения брата продать эту священную кобылицу, но не решался открыто протестовать... Когда же услышал эти сердитые слова, невольно мороз пробежал по коже. (Якуты говорят не по всей коже, а по коже на темени, под волосами — «куньахам кююрэ тустэ»). Я думал сначала съездить в город, но эти ночные слова так неприятно подействовали на меня, что я решил остаться до обратного приезда брата, тем более, что имел намерение выехать в Малтанцы и сговорить себе жену. Я так и сделал; выехал по своим делам в Малтанцы, наслег, находящийся на левом берегу Лены, среди глухой тайги.

Там, сговорив невесту, провел у своего тестя один или два дня. Теперь не помню, в какую ночь, но опять ночью лежу на постели; все спали, в юрте было темно, в комельке чуть светились красные угольки. Вдруг неожиданно на дворе раздались шумные голоса людей. Слов не разобрал. Тут же следом дверь юрты растворилась настезь...

В полном облачении и с прочими принадлежностями порывисто влетел шаман. Раздался его голос:

«Схвати меня за гремящий повод!».

(«Чор тэсииммитэн тут»).

Вот перед самым комельком стремительно закружился он три раза, промелькнуло в воздухе его хвостовое железо. Как только влетел шаман, тотчас же у меня мелькнула мысль — «это наверно он». (Рассказчик понимает духа шамана Куньяас, но стесняется лишний раз называть его по имени). Лежа, я молился и шептал:

«Владыко, дед мой, смилуйся надо мной, я ни в чем не виноват (т.-е. в продаже священной кобылицы), спаси, помилуй!».

Вошедших с шаманом видимо было много; стоял не совсем внятный гомон голосов, и среди них выделялся один женский голос. Как мне теперь представляется, суть их разговоров (духов) заключалась в угрозах, направленных по адресу моего старшего брата за то, что он вознамерился сбыть священную кобылицу, чтобы чужие люди разрезали ее чистое тело. Продолжая в душе молиться, я сказал:

«Владыко, дед мой, вот я вторично женился! Скажи мне, каково определение судьбы обо мне?».

В ответ на это шаман коротко отрезал:

«Сын и дочь!» (т.-е. от жены родятся).

Вслед за тем шаман, как мне показалось, направился к дверям скотского хлева и моментально исчез, утихли и голоса...

После того я долго не мог уснуть, разбудил кого-то и попросил дать огню из пищи.

Поехал домой... Едучи один, вдруг опять слышу звуки шаманского бубна. Бубен гремел над самой головой, но потом звуки удалялись; с громом бубна сплетались беспрерывные, невнятные голоса. Мне казалось, что они пролетали надо мной взад и вперед. Мысленно я стал молить духов местных урочищ («Дойду ич-чититтэн»). Слышал будто женский голос, который говорил:

«Оставьте, не трогайте его!..»

(Духа земли якуты всегда представляют в образе женщины).

После того в течение трех суток грохотание бубна и невнятные речи так и звенели в ушах.

Если бы мы не продали ту кобылицу, то мой старший сын наверное не умер бы!

4. Почитание умерших шаманов жертвами и общественными играми.

С духом Куньяаса вместе почитаются духи двух шаманок — Ырья-Дуйаак и Кырбыйдаан. Одна из этих шаманок — невестка Омуруйа-Князя, а другая — дочь Чынгырийа-Князя. Эти духи всегда восхваляются и почитаются совместно с Куньяасом, им тоже посвящается конный скот с крыланом на лопатках. Обычно полагается ставить «ытык» — жеребца указанной масти, но если нельзя найти такого, то можно поставить и кобылицу. Эти «ытыки» ставятся в случаях серьезных болезней внутренних органов. («Кегюс ыарыта» — не совсем определенный род хронических заболеваний в полости груди, спины, спинного мозга, поясницы и проч.)

При постановке «ытыка» три лета под ряд устраивается «ысыах», общенародное празднество с угощением кумысом. До открытия «ысыаха» шаман возносит душу посвящаемого животного наверх. Только при третьем камлании душа животного доходит до места назначения. При последнем вознесении полагается убивать жеребенка белой масти с крыланом на передних лопатках («кынат джагылаах»), чтобы получить кровь для освящения мачты — «багах», которую водружает шаман.

Священное животное каждое лето возносится шаманом на девять «олохов». («Олох — места отдохновения шамана при его путешествиях в «верх» или в «низ»). Значит, за три раза животное возносится на 27 олохов до конечного пункта.

~~3918~~

3870
 Библиотека Восточ. Р. К. В. И. У. Ц. А. С. С. С. С. С.
 Ленинград, 06. 25 Октября 1954.
 17
 М. Иосифович Соболев
 Ул. Таштаганская, 6а
 30-54-86

5. Моление духу шамана.

Павлов Николай Устинович.

16 января 1925 года.

1. Давно в старину Харыйалахский шаман Батыйалаах, когда у нас была оспенная эпидемия, бодался с оспой и победил ее ¹⁾! Оспа дала ему обязательство не бывать на острове Харыйалаах. Шаман умер.

Значительно позже предыдущего у нас был шаман, по имени Кюстэх; жил он на том же острове Харыйалаах. В его время тоже началась оспенная эпидемия. Люди говорят этому Кюстэху:

«Ты соверши камлание и призови юёр'я (душу) нашего умершего шамана Батыйалаах, вот снова наступает его бывший враг—оспа!» (Просят, чтобы дух умершего шамана предотвратил оспу).

Этот разговор они вели, изрядно напившись. Шаман ответил:

«Почему бы и не так, могу и вызвать его! Если подняться на Кыры-Хаан (что это за имя, мне не удалось установить, не то название места, не то какого-то духа) и позвать его, он наверное придет!».

Вот начал шаманить — орет, кричит, вызывая духа Батыйалааха.

Дух шамана дал ответ (вселившись в камлающего):

«Ровно через семь суток все мои родичи («аймагым») пусть соберутся в местности Булгуннях, зажгут костер и, заколов дитя конного скота («Сылгы уруутуна»; «уруу» — употреблено здесь в устарелом значении—дитя, потомство, плод), сердце и печень его воткнут на острие длинного шеста. Я прибуду к этому времени и огражу мое потомство».

Но люди, которые присутствовали на камлании, были пьяны и мало кто из них внимал словам и молениям шамана; они свалились с ног и не следили за ним. Поэтому и не запомнили, что требовал верхний шаманский дух. Приближался условленный срок, однако никто не думал готовиться к его встрече (т.-е. найти жеребенка и всем собраться в указанное место). Поэтому сам шаман, вызвавший духа, страшно испугался и три дня пролежал, забравшись в погреб чужого дома (боясь гнева духа).

Вот настал седьмой день, приближался урочный час, когда дух Батыйалааха обещал спуститься с громом и молнией. В это самое время со стороны высоких, отвесных утесов Лабыджа (скалы на правом берегу Лены, в 200 верстах от г. Якутска, выше) поднялась темная туча, похожая на распластанную шкуру медведя с лапами и головной кожей, и нависла над указанным ме-

¹⁾ Ср. ниже. Рассказы о борьбе шаманов с оспой, тифом и др. различными болезнями (или с «духами» этих болезней) очень распространены у шаманистских народов: такие рассказы записаны у чукоц, гольдов, бурят и др. Ср. Серошевский, с. 636.—Ред.

стом. При раскатах страшнейшего грома и молнии выпал сильный дождь с градом. Градинки были такой величины, что казалось будто в ноги людей били палками. Молния ударила на самую вершину кургана («Булгунных» — по-якутски — курган), где дух обещал спуститься. Женщины со страху чуть не попадали в обморок.

По прошествии этого события Кюстэх совершил специальное камлание духу и просил:

«О, господин, дед мой, я не виноват и не грешен пред тобой! Это двуногие ураангхаайи («ураангхаай» — в современном якутском языке значит — непросвещенный, дикий, ничего не понимающий), имеющие свободно вращающиеся головы, не поверили моим словам (о твоём явлении) и потому не устроили тебе встречи!».

Сам Кюстэх дожил до старости. Оспа была на Харыйалахском острове и покосила лучших из их людей. Если бы дух шамана Батыйалааха был принят как следует и защитил их, то оспа не посетила бы их.

Кюстэх сам говорил мне, рассказывая про этот случай:

«Вот так-то харыйаллахцы, не веря словам шамана, потеряли!».

Говоров Михаил.

23 декабря 1925 года.

2. Когда-то в древности в Курбусахском наслеге, Борогонского улуса, жил шаман по имени Басылай. Имел он двух братьев, одного из них звали Ниргиэрдээх, а другого — Джэндэгэ. Эти братья шамана имели жительство на самой границе с Бахсытским наслегом, Мегинского улуса. Покосы их находились вокруг известного в Борогонцах озера Дэбилиттэ. В летнюю пору на этом озере линяет масса перелетной дичи. Шаман Басыллай умер.

Однажды ранней осенью, когда все озера уже замерзли, князь Бахсытского наслега Дэллэнгэй приехал с 20-ю людьми к озеру Дэбилиттэ, заставил начисто скосить весь камыш, росший вокруг озера, и на сорока подводах намеревался увезти скошенный камыш.

В то время один из братьев — Джэндэгэ лежал при смерти. Какая-то старуха увидела, что Бахсытский князь со своими людьми приступил к косье камыша, и поспешила сообщить об этом Ниргиэрдээх, одному из братьев — владельцев озера, в таких выражениях:

«Ну, мой голубчик, Бахсытский князь уже очищает весь камыш на Дэбилиттэ, видимо бесповоротно отнимет!»

В это время Ниргиэрдээх стоял у проруби с пешней в руках. Услышав слова старушки, он с пешней в руках поспешил к

озеру. Действительно, люди уже работали, на 20 возов успели накласть скошенный камыш. Сам Дэллэнгэй-князь в волчьей дохе, в шапке из рыси, заложив руки на спину, прогуливался, давая своим людям распоряжения. Ниргиэрдээх прямо и стремительно направился к нему. У Дэллэнгэя в руках была пальма. Увидев бегущего с пешней человека, он совсем не думал бежать, а пошел к нему навстречу. Ниргиэрдээх, подойдя к нему вплотную, сказал:

«Бёрёлюю тэллэх!». (Выражение непонятное, дословно — «пвольчи постель»). Рассказчик поясняет: «Ниргиэрдээх сравнивает себя с волком, а словом «постель» он хотел сказать, что пришел повалить его на-земь»).

С этими словами он, направив острие пешни в его черную печень, ткнул. Но Дэллэнгэй был на-стороже и одним ударом пальмы переломил древко пешни. В этот момент сбежались работники князя и напали на Ниргиэрдээха. Повалили его на землю, избили, истоптали как следует, а затем свитыми из кожи ремнями привязали его к саням.

Но вскоре Дэллэнгэй приказал своим людям:

«С него, собаки, довольно и того, что его так проучили. Снимите с него веревки и продолжайте свою работу!»

Развязали ремни. Тот, бедняжка, весь избитый, израненный, с синяками и кровоподтеками, на четвереньках, ползком направился к западному берегу озера. Там он поднялся на высокий мыс, где на лабазе в долбленном гробу лежали кости умершего шамана Басыллаая. Вскарabalкался на арангас (могильный помост, лабаз) и лег на него поперек. Деревянный стержень пешни он принес, оказываетея, с собой. Стуча этой палкой по гробу, он обратился к духу умершего шамана с такими словами:

«О, мой старший брат! Имеешь ли ты уши, чтобы слышать, имеешь ли глаза, чтобы видеть? Отого, что ты лежишь мертвый, со мной стряслась вот эта беда! Пришел к тебе потому, что пролилась моя густая кровь, изрезано мое цельное тело. Во что обратили меня, воззри!

Довел меня до такого состояния Бахсытский князь Джэллэмэй. Желая отнять в свою пользу обширное Дэбилиттэ, он прибыл сюда, имея 20 человек и 40 подвод, силой отобрал весь озерный камыш. Защити, помоги и спаси!»

С такими речами он стал стучать по могильному лабазу. Лишь только он успел промолвить эти слова, как с самого грунта земли под арангасом взвился вихрь, скрутился прах и тотчас же образовался столб величиной с урасу. С громopodobным шумом и со страшной силой вихрь налетел на озеро. Сначала закрутило самого князя Джэллэнгейя. Последний, видя наступающий ураган, поднял было свою пальму, махал ею, как будто дрался. Но

вихрь опрокинул его вниз головой и вверх ногами и завертел. Затем закрутил наваленный на воза камыш и людей. Наступила тьма, все очутились среди непроницаемого крутящегося облака. Рассказывают, что тот ураган целые воза камыша перебросил через леса в соседние елани. Шапку самого князя нашли потом вдали, на расстоянии 20 верст от того места.

Разбросав камыш и людей, ураган прекратился. Джэллэнгей был не в силах стоять на ногах. Увезли его домой, посадив на сани. С того времени, как рассказывают, он в продолжение девяти лет впал в сумасшествие и от той болезни умер. До сих пор дух этого сумасшедшего князя считается среди якутов страшным юёр'ем («злой дух, или дух-пожиратель», как принято называть в этнографической литературе). Озеро же Дэбилиттэ осталось за Курбусахским наследом, а Бахсытцы туда ни ногой.

Так-то, рассказывают, тот шаман после своей смерти помог своим людям.

6. Правление шаманов.

Говоров Михаил.

23 декабря 1925 года.

У нас в Борогонцах вокруг озера Табын-Эбэ похоронены кости девяти шаманов. В древности около этого района, повидимому, шаманов было очень много.

По преданиям, в те времена никто из людей не осмеливался в чем-либо противоречить шаманам (дословно: «не смотрел в упор им»), боясь, чтобы они не причинили вреда и смерти людям и скоту. (Дословно: «чтобы они не пожрали»)... По рассказам, в древности, когда мы были якутами-саха, люди жили под началом и управлением шаманов. («Былыр саха сагана ойун басыылыктаан олороро юсю»). Покося же вокруг озера Табын-Эбэ находились в их ведении так же, как если бы они были головами и князьями (староста наследа)¹⁾.

У нас, когда якуты хотят обратиться к шаманам в случае болезни, то иногда говорят: «сахатыаары гынныбыт», т.-е. хотим объякутиться, поступить по якутской вере.

¹⁾ Предания о том, что в древности шаманы стояли во главе родов или даже племен, сохранились еще у остяков и бурят. Для якутов данное свидетельство стоит изолированно, другие исследователи не отмечали подобных преданий. Однако в памятниках XVII века есть упоминания об отдельных случаях, когда шаманы предводительствовали в борьбе якутов против русского завоевания (сообщено проф. С. В. Бахрушиным)—Ред.

II. МИФЫ О РОЖДЕНИИ ШАМАНОВ.

Данилов Иннокентий.

Джобулга. Остров Тоён-Ары.

17 января 1925 года.

1. В древние времена в Мытахцах⁴ жила одна девица, которая по своей наружности была одной из самых красивых. Она в сознании собственного достоинства долго жила, не выходя замуж.

Однажды утром она пошла искать табун кобылиц. Вдруг повстречался с ней человек, которого она раньше никогда не видела; он ехал на лошади белой, без пятнышек, масти (досл. — «бело-молочной масти») прямо с восточной стороны.

Повстречавшись, всадник объехал шагом вокруг девушки. «Куда это идешь?»

«Иду пригнать домой кобылиц».

«Кобылицы твои находятся недалеко, вон там стоят!».

И, сойдя с лошади, он сказал ей: «Давай-ка побеседуем о том, о сем! Замужняя ли ты?»

Девушка отвечает: «Нет, я без мужа, но зачем об этом спрашиваешь?»

«Да, я тоже женат не был; согласилась ли бы ты выйти за меня замуж?»

«Об этом надо спросить отца и мать, но если будет обоюдное согласие, почему бы и не так?»

По взаимному желанию вступили в любовную связь. После того мужчина спрашивает: «Ты, видимо, приняв меня за человека ближайших районов (так скоро) отдалась? За кого же ты приняла, знаешь ли меня?»

«Нет, не знаю, но ведь ты же говорил, что женишься на мне!».

«Нет, я возвращусь на родину, я спустился только ради твоего имени! Я — первородный сын Хара-Суоруна⁶, живущего в верхней стране. Ты зачала от меня двух сыновей с прочным назначением (досл. — «не знающих смерти и болезней до установленных сроков»). Родишь, когда десять лун полнолуньем пройдут и наступит двенадцатая. Ты, оказывается, хранишь я себя шкуру грязно-пестрого (речь идет о масти) конного скота. Должна разрешиться, лежа на этой шкуре. Затем, в местности (с таким-то названием) есть речка, за ней под крутым мысом увидишь среди тайги поляну с озером. Там растет трехразвильчатое дерево — лиственница. Доберись до нее и роди там! Родятся два птенца — черные воронята. Только что родившись и издавая крики ворона, они вылетят и сядут на нижние толстые ветки той лиственницы. Тогда ты обойди вокруг дерева три раза, ударяя по нему нижней своей одеждой⁶, и воронята кувырком упадут на разостланную шкуру. Этим детенышей, завернув в шкуру и обмотав пестрой волосяной веревкой, засунь в левой половине своей юрты у изголовья нижней вдольстенной балки (сёбюргэнэ⁷). Через трое суток они заплачут уже по-детски, оба превратятся в детей мужеского пола. Имя старшего из них да будет Джаанай-Бычыкый⁸, а имя младшего — Эксёкюлээх-Ёргён⁹. Последний, когда ему исполнится сорок лет, станет шаманом, а первый — на сорок первом году. Эксёкюлээх-Ёргён силою своего колдовства заставит перелетать по воздуху зарод сена обхватом в десять маховых сажений, а Джаанай-Бычыкый будет в состоянии перебро- нить по воздуху лося с детенышем с места, где он пасется».

После этой речи дух верхней страны исчез внезапно, и девушка не могла дать отчета, в каком направлении он скрылся.

В Багарадцах около того места, где теперь стоит селение духоборов, живут якуты из горного Мытахского наслега. Вот там-то и родились эти два шамана. Они родились, воспитались и стали шаманами так, как было сказано их отцом, — духом верхней страны.

Однажды два брата-шамана, боясь приближающейся с юга оспы, бежали в горы. Переселяясь со скотом, они расположились на ночлег и раскинули урасу в местности под названием «Кымыр-дагастаах Алааса» (на запад от теперешнего г. Якутска). С табора их убежала одна красно-пегая кобыла. Джаанай сказал тогда младшему брату:

«Эй, парень, наша кобылица убежала, поезжай и пригони ее!».

Тот, вскочив на коня, тотчас же отправился. Доехал до того места, где они стояли табором в предыдущий день, и видит: кобылица стоит тут и лижет пепел с потухшего костра. Подойдя к кобыле, он ударил ее с размаха по хребту таловым прутом. Кобылица тотчас же преобразилась в пороза с особой отметиной

по середине лба, и этот пороз ударом своих рогов распорол брюхо Джаанайю. Тот, упав навзничь, засунул вывалившиеся кишки свои обратно в живот и, плюнув в ладони, залечил рану. Приехал к брату и говорит: «Вот смотри, как чертовка оспа¹⁰ убила меня, не предупредив!» Сказавши так, свалился с коня и умер. Старший брат, воскликнув: «Какая горечь, она вот так погубила дорогого брата!», покатался по земле и превратился в быка волнообразно-голубо-пестрой масти, с рогами длиной в один «харыс» (около 5 вершков). Затем, издавая протяжный рев, побежал.

Встретившись с духом оспы, он условился с ним о месте борьбы. Есть местность на Ытык-Хаайя («Почтенная Гора») под названием Бысагас. Там они поборолись, бодались («харсаллар»). В этой борьбе он (бык-шаман) вышел победителем, всадив свои рога во впадину у основания передней ноги быка-оспы, вывалил наружу его легкие.

Вот тогда-то оспа дала обязательство, скрепленное кровью: «Во все последующие века не буду бывать среди твоих потомков, по всем разветвлениям твоих кровеносных сосудов; пусть твой наслег в продолжение девяти поколений живет, благоденствуя, без единого облачка горя и болезней!»

До сих пор род Джаанай живет благополучно, оспа их не пощадит, хотя окрест их и бывает. «Джаанай» — теперь название рода Стручковых. В этом роде в течение веков было 44 шамана.

Однажды Джаанай совершил камлание и направился к своему отцу — сыну Хара-Суоруна. Добравшись до него, он стал умолять и упрашивать:

«Буду ли я приходить к вам, едва передвигая своими четырьмя конечностями, или должен приезжать, сидя верхом на каком-нибудь ездовом животном?»

«Ты сказал должное слово, дадим тебе беломордого коня своей масти с хвостом, перевитым и запутавшимся наподобие девяти перепутавшихся волосяных глухариных силков! Когда исполнится ему девять трав (лет), ты должен на нем прибыть сюда навсегда». С этими словами отправили его обратно.

На следующий год родился жеребенок с указанными признаками. Когда коню исполнилось восемь трав, он (шаман) заколол его на пищу. После этого снова стал шаманить своему предку с жалобой:

«Обидели меня злые люди, вору обшарили мои изгороди!» (т.-е. украли коня).

Поверив, дали ему коня точь-в-точь такой же масти с требованием прибыть на нем, когда исполнится восемь трав, и сказали при этом:

«Будучи нашим дитятей, неужели прибудешь ты на своих четырех копытах?»

Этого коня, доведя до семилетнего возраста, тоже заколол и съел. И снова шаманит. С пути, когда ему оставалось пройти еще три жительствова (олох), прогнали его обратно: «Такой-сякой мошенник, придешь ты, наверное, на четырех своих копытах! Пусть это будет твоим предназначением, придешь на нем, когда ему исполнится три года!» С этими словами дали нового коня, но и этого, доведя до двух лет, он тоже съел.

После того он еще долго прожил, постарел и обессилел. Однажды, обращаясь к своим домочадцам, он говорит:

«Эх, тот самый, сановитый старший брат мой, господин Чу-буруку-удалец, именуя меня, идет: попрячьтесь все в подполье, пропаду, если осилит!»

Превратившись в пороза, встретил он противника с мычаньем и с протяжным ревом, а тот тоже наступал с мычаньем и ревом. Как только открыли двери, начали бодаться. Бодались они с самого утра до утра следующего дня, пока солнце целиком не показалось над горизонтом. Вдруг среди борьбы послышались слова шамана: «Кто должен был побороть — поборол, кто должен был осилить — осилил, скорей на мою постель, на мое ложе!». Так же, как убивают коня, разрывая аорту, со стонами и тяжкими вздохами покончил с ним его противник.

Когда, в пору вечернего удоя коров, выглянули люди из погреба, старик уже мертвый лежал на своей постели.

Этот рассказ я слышал давно, много лет тому назад от Афанасия Стручкова на Ленских приисках. Моя мать из рода этих Стручковых, из горных Мытахцев.

У Джаанайя была одна младшая сестра — шаманка светлых небесных духов («Айыы удагана»). Однажды эта сестра говорит ему:

«В этой стране я не могу жить с тобою, так как слишком умножились твои грехи и преступления, много погубил ты людей и скота, обижал народ!»

Так сказавши, она сплеснула топленое конское сало на огонь и, превратившись в птичку, вылетела в дымовое отверстие. Тогда брат, вытащив из клетки свой шаманский плащ, погрел его перед камином и, набросив на себя, три раза стремительно перевернулся, стоя на одном месте. Птичка, чуть-чуть не коснувшись земли, вспорхнула снова и улетела. Шаман проделал это три раза. Сестра, как шаманка, была сильнее его. С тех пор она исчезла.

Андреев Егор.

Мархинский улус.

8 марта 1925 года.

2. Одна дева родила ребенка и со стыда спрятала его в кучу сырого скотского навоза, обмазав снаружи так, чтобы его не бы-

ло видно. На третий день после этого кто-то, услышав плач ребенка, нашел его, воспитал и вырастил. Этот ребенок, как рассказывают, потом сделался знаменитым шаманом, по имени Ааджа в Таркайском наслеге.

Он родился будто бы два раза. Говорят, он сам рассказывал, что сначала родился среди тунгусов и стал у них шаманом, второй раз — у нас, у якутов. Потом, говорил будто, что родится и в третий раз. При первом рождении его наказывали плетьюми, но все удары падали в пустое место.

Шаман при повторном рождении делается меньше (т.-е. убавляется его шаманская сила).

(Заключение рассказчика — его частное мнение).

Борисов Михаил Иннокентьевич
и Борисов Василий Егорович.

7 марта 1925 года.

3. В древности в нашем Кангаласском наслеге, в той части, которая теперь образовала особый наслег Эчик-Хангаласа, по преданию, родился и жил шаман по имени Абаасы-Ойуна («шаман злых духов»). Его кости лежат в урочище Томтор. Про его рождение рассказывают так:

Когда он только лишь родился, отец и мать заметили, что его глаза расположены уродливо: один из них был по середине лба, а другой много ниже («юэргю сюэргю»). Родители испугались такой страшной, не похожей на обыкновенных людей наружности своего ребенка. Они завернули его в свежесодранную шкуру коровы черной масти и положили в ясли пустого коровьего хлева в своем зимнике. Сами переехали в летник.

Через некоторое время мать, проходя мимо того хлева, услышала плач ребенка. Войдя в хлев, она нашла его живым. Он водил глазами. Женщина тотчас же побежала к мужу и сказала об этом. Тот, не поверив, пошел с ней проверить. Оказалось, что ребенок даже сидел. Мать хотела взять его к себе, но муж воспротивился и сказал:

«Это, несомненно, явный злой дух. Если бы он был человеком, то разве мог бы жить по сию пору?»

Прошло еще некоторое время. Мать вторично заглянула в хлев: ребенок сидел и плакал. Тогда она решила взять его, не взирая на протесты мужа. Как только ребенок подрос и обрел язык, он стал проявлять шаманские наклонности. (Дословно — «стал шаманом»). Позже он сделался великим шаманом. (Якутское слово «улуу» — великий, большой, но с оттенком страшного, грозного). Он никогда не имел обыкновения шаманить целыми ночами, как это делают другие. Он лишь три раза воспевал, три раза ударял в бубен и кончал.

Когда его просили совершить камлание духу-телятнице, причиняющей болезни и смерть телятам, он отказывался и говорил: «Она мне мать-воспитательница, поэтому я могу только просить ее».

Затем попросту входил в хлев и что-то шептал промеж губ. Выйдя из хлева, он говорил:

«Моя мать склоняется на просьбу».

Тогда телята переставали гибнуть. Если же он говорил:

«Мать жестоко побранила и прогнала меня», то у этого хозяина в продолжение многих лет падеж телят не прекращался.

По преданию, он умер в Хочинском улусе. Перед отъездом туда он сказал сыну в своем последнем и заветном слове:

«Если случится со мной предсмертная болезнь, я пошлю к тебе человека оповестить об этом. Тогда в местности Томтор ты приготовишь для меня могильную яму. Но напрасно не утруждай себя поездкой за моим трупом, я прибуду сам!»

Когда он умер в Хочинцах, люди видели по дороге в наш наслег в двух местах, как тот шаман, сидя верхом на «иньэ-мас», (выдолбленная колода, проб, куда кладут труп), летел по воздуху. При этом глухо и отрывисто колотил по бубну. Прилетев, упал в приготовленную яму, а сын засыпал ее.

Этот шаман перед смертью сказал сыну:

«От твоего сына родится хороший, выдающийся шаман».

Но, однако, большого шамана в наших краях не было.

Яковлев Иван.

1 марта 1925 года.

4. Предок нашего наслега «айыы ойуна» (белый шаман)¹⁾, по имени Элэмтэ. Про него рассказывают так:

Было большое наводнение на какой-то реке, людей и скот снесло водой; из них одного ребенка и шесть коров прибило к берегу. Ребенка нашли среди коров. Он у одной коровы отрезал ухо и, сидя, играл им.

Будучи же взрослым, он ездил взад и вперед в Якутский край. Однажды он набрел на табор каких-то двух рыбаков. Из взрослых там никого не было, ушли, оставив одного ребенка и поручив ему стеречь запас икры. Элэмтэ дал ребенку немного денег и выманил икру, сказав, что купил у старших. Рыбаки, вернувшись на табор, стали бить ребенка за то, что он отдал икру чужому человеку.

¹⁾ О «белых шаманах» автор упоминает лишь вскользь. Повидимому, это были жрецы родового культа. См. о них: Gmelin, Keise, В. II, pp. 361—3, 499—506; Горохов, Изв. ВСОРГО, т. 13, № 3, сс. 33—9; Серошевский, сс. 672—4; Трошанский, сс. 101, 149—150 и др.; Ионов, Сб. МАЭ, V, ч. I, с. 162.—Ред.

Элэмтэ, услышав крики ребенка, вернулся и отобрал его. В Якутском крае он женился и вернулся на Вилюй.

Он имел трех сыновей, которые все носили христианские имена — Александр, Петр и Иван. От Ивана родился Яков. От Якова — Василий. От Василия родился я.

III. ИДЕЯ БОГООТЦОВСТВА.

1. Сын бога Улуу-Гойона (великого повелителя) ¹⁾.

Ильин Николай.

Август 1925.

Когда-то в глубокой древности в Атамайцах (Намский улус) жил человек громадного роста и неимоверный силач, по имени Лукапыар. Однажды он ехал верхом. Вдруг с запада поднялась темная туча и оттуда послышались слова песни. Судя по голосу, пела женщина:

«Иччилээх кыыннаах,
Идэмэрдээх бысахтаах,
Сыалаах эт сымысахтаах,
Хааннаах эт бэлэнниктээх—
Лукапыар обургу!
Айбыг аганг,
Улуутуйар Улуу Тойон,
Аналлаах-минэллээх,
Асылык онгостор быагын
Аганг ыгтта!»

Перевод:

О Лукапыар великан!
Ты, имеющий одухотворенные ножны
И, всегда жадный до крови, нож!
Ты, держащий во рту кусок жирного мяса,
С руками, всегда окровавленными!

¹⁾ Улуу-Тойон — глава небесных злых духов, грозный соперник доброго божества Айыы-Тойона (см. стр. 107—108, прим. 5 и 11), — считается покровителем шаманства. Он дал людям шаманов, он же дает каждому шаману его духов—помощников. Он дает также людям разумную душу—сюр—при помощи которой шаман совершает свои волшебные путешествия. См. о нем: Попов А., Изв. ВСОРГО, т. 17, № 1—2, 120; Приклонский, Ж. Ст., IV, с. 50; Серошевский, сс. 654—6; Трошанский, сс. 61, 65—8.—Ред.

Создавший отец твой,
Величайший и грозный повелитель,
Шлет тебе вот эту веревку,
Которая добудет пищу,
Для тебя одного припасенную!

Лукапыар поднял глаза наверх и видит: извиваясь в небесах, летит конский недоуздок с длинным поводом, свитые из волоса с ярко красной дорожкой. Лукапыар, протянув руки, поймал это в свои ладони. Прикрепив полученный дар к торокам, поехал дальше.

Была весенняя пора, снег уже таял и по ложбинам речек струилась первая вода. Вот подъехал он к одной речке и видит: на том берегу пасется табун с жеребцом. Тотчас же соскочил он с лошади и помахал в воздухе тою веревкой, издавая призывные крики:

«Хоруу, хоруу, хоруу!»...

(Так призывают якуты конный скот.)

Услышав его крики, весь табун неожиданно встрепенулся и сгрудился в одно место, а затем бросились переплывать речку. Все подбежали к нему. Тотчас же набросил он на круп головной кобылицы полученный с неба повод с недоузком. Та послушно дала надеть на себя недоуздок; пристегнул ее к коню и повел. Весь табун последовал за ним.

Рассказывают, Лукапыар с тех пор постоянно возил с собой этот заветный недоуздок и промышлял конокрадством. Никогда он не ведал, что такое неудача, не мог никто и поймать его. Но из его потомков теперь никого не осталось.

2. Сыновья бога белого и черного.

Козлов Василий.

Малтанцы.

Июль 1921 года.

Давно в старину в Намском улусе жил, как рассказывают, один очень богатый старик, по имени Юедей Угаалаах. Он имел девять сыновей, из которых восемь уже были женаты. Одни из последних выделились от отца и жили самостоятельно, другие — при нем. Младший из них, последний плод матери, был самым любимым сыном. Он был еще холост.

В том же Намском улусе, но далеко от упомянутого богача, жил другой богатый старик, который в своем наслеге был князем и одновременно слыл за конокрада. Тот имел сына и дочь. Юедей Угаалаах младшему сыну сговорил дочку этого старика за очень дорогую плату и подарки. Хотя весь договоренный калым был

выплачен сполна, но старик-тесть медлил свадьбой и выдачей своей дочери, выдумывая разные дополнительные подношения-подарки «разжатия челюстей» и тому подобное, которые тоже аккуратно доставлялись ему.

Однажды весной у Юедэй Угаалаах ожеребилась молодая, перворождавшая кобылица. Жеребенок-самец бело-пегой масти имел гриву, которая росла по хребту вплоть до основания хвоста. Жеребенок был настолько слаб, что не мог подняться на ноги. Старик-хозяин, получив первую весть о появлении такого особенного жеребенка сказал:

«Я родился по предопределению самого Юрюнг-Айыы-Тойон'а»¹¹ и считался его сыном. («Юрюнг Айыы Тойон ыйан, кэрдэн биэрбит уола этим».) Это, наверное, он сам нарочито даровал мне, как мы наделяем невесту приданым имуществом с живым скотом, идущим на поводу. Этот слабый («оккуранг») жеребенок вплоть до поздней осени, пока не пожелтеет и не засохнет трава, не поднимается на ноги. Старательно ухаживайте за ним, на руках подносите его к матке!».

Слуги поступили так, как было приказано: целое лето нянчились с жеребенком, на руках поднося к матери. Как предвидел сам старик, он поднялся на ноги поздней осенью и стал отменным «убаса» (однолеток). Жеребенок вырос и был оставлен табунным жеребцом. Замечательно рослый и плодовитый, он стал известен во всем ближайшем околотке под именем Мюллю-Босхонг (неподвижный-калека). Он брал с собой только шесть кобылиц. Когда он ржал, казалось, сама земля в ответ дрожала, а небо откликалось шумным эхом. Когда Юедей Угаалаах сговорил сыну невесту, этот жеребец был уже у него.

Однажды сам старик с сыном поехали к свату, чтобы окончательно сговориться о переезде невесты. Два старца завели беседу о том о сем. Но вдруг старик домохозяин завел такую речь:

«Мы ведь с тобой оба — люди известные и именитые! По моему мнению, последний подарок, который полагается по нашим обычаям при переезде невесты к мужу, должен соответствовать нашему положению. Я слышал, что у тебя есть именитый жеребец Мюллю Босхонг. В качестве заключительного подарка взамен моей дочери я жду от вас половину туши этого жеребца. Заколи его, одна половина останется у тебя, а другая мне!»

Слова свата настолько поразили Юедей Угаалаах, что он сразу замолчал и прервал беседу. Он подумал про себя:

«Смотрите-ка, каков он! Приманивая своей белоликой дочерью, заставил перетаскать все мое богатство, а теперь ему не хватало еще лишить меня и жеребца Мюллю-Босхонг? Нет, этому не бывать!»

Старик не дал слова и, прекратив дальнейший разговор на этот предмет, вернулся домой, а сын остался еще у невесты.

После отъезда свата домохозяйин сказал зятю:

«Твой отец уехал, не дав решительного слова по поводу моего предложения. Это его дело, но и ты сам, улучив ветреную погоду, можешь привести ко мне жеребца Мюллю-Босхонг! При этом условии я не стану отсрочивать еще на лишний день отъезд твоей жены. Будучи человеком именитым, я хотел бы отведать мясо знаменитого коня!»

Будучи зятем, парень не захотел нарушать слов своего тестя. (По старинным обычаям якутов авторитет жениной родни стоял выше отцовской.) И, действительно, выбрав один очень бурный день, он пригнал ему просимого жеребца с табуном — шестью кобылицами. Всех семерых тотчас же закололи. Оказывается, в юрте тестя комелек на особой оси поворачивался, и под ним был вырыт большой погреб. Все туши сложили в тот погреб.

У этого старика был подручный парень-любимец, который заменял ему руки и ноги. С быстротой летающей птицы он исполнял все его поручения. Однажды старик услышал молву, что где-то в Мегинцах (другой улус на противоположном, правом берегу Лены) есть знаменитый конь. Он приказывает упомянутому парню тотчас же отправиться и привести ему этого коня. (Дословно — «привести на поводу, или на крыльях по воздуху», — обычная манера якутов характеризовать быструю езду.) Парень не медлил и скоро привез коня. Прикрутили его к коновязи. Родной сын старика вышел с топором и с размаха ударил, метясь в лоб, коня, но удар просвистал по воздуху и угодил в другого парня, который держал конец повода. Обух пришелся в голову и вдребезги разбил череп. Старуха-мать, увидев несчастье, стремглав побежала в юрту и сказала мужу:

«Старик, случилась страшная беда: сын убил человека!»

Но, однако, старик был совершенно спокоен и возразил ей:

«Ничего, успокойся, мы найдем способ избавиться!»

Выйдя на двор, он обратился к сыну:

«Ну, паренек, этот конь, наверно, имеет в себе духа покровителя, божество! («Айыылаах, тангара лаах»). При новой попытке заколоть его, пожалуй, случится другое несчастье? Подвяжи хвост коню («чюерчэлээн»), а убитого парня, спутав ремнем за кисти, пусти волоком за конем!»

Сделав так, как советовал старик, коня отпустили на свободу. Он, волоча за собой труп убитого, примчался домой. Там решили, что какой-то конокрад, поймав коня, убился... Произвели в этом смысле маленькое расследование и труп человека предали земле. Тем и делу конец.

Вернемся теперь к Юёдэй-Угаалаах. Когда обнаружилась пропажа жеребца Мюллю-Босхонг с его табуном, девять его сыновей пустились на тщетные розыски. Наконец, отец приказал им прекратить дальнейшие розыски и при этом сказал:

«Я не представляю себе, чтобы кто-нибудь из имеющих десять пальцев, решился протянуть их на мое добро, чтобы кто-нибудь из имеющих пять пальцев осмелился что-либо взять у меня? Само божество Юрюнг-Айны даровало мне этот конный скот, оно же само, наверное, и распорядилось убрать их!»

Наступила весна, стало теплее, а дни длиннее. В эту пору один старик-нищий из родичей Юёдэй Угаалаах пошел попрошайничать в тот район, где жил сват последнего. Придя во двор его, он остался ночевать в юрте, отведенной для скотников. Ему почему-то долго не спалось, но, однако, он лежал на постели, прикинувшись сонным. В это время вошла в юрту одна женщина и вступила в беседу с той, которая жила там. Домохозяйка вдруг среди разговора сказала гостю с упреком:

«Что же ты не поделилась со мной изобилием наступившего года, совершенно забыла меня?»

Другая женщина возразила:

«О чем еще вздумала говорить? Я попыталась-было взять в ведро из потроха одной кобылицы и спрятала это в телячьи ясли. Моя хозяйка, обнаружив это, так разбранилась, что я и сама не рада осталась! И за такой пустяк?»

Женщины продолжают беседу:

«Ныне вы закололи знаменитого жеребца вашего свата Мюллю Босхонг с шестью кобылицами. Вероятно, у вас такое изобилие пищи, подбрюшного жира и прочее?»

«Ну, что значит — закололи скотину, это еще пустяки! А вот нынче они убили человека. Знаешь, приказали своему парню привести из Мегинцев коня... Привязали его к коновязи. Хотели топором в лоб, но хлопнули в голову бедного парня, который держал коня. Труп убитого привязали к хвосту коня и отпустили с ним. Вот какие дела они творят!..»

«Ну, а из пищи той много запасено у вас, наверное, лежит?»

«Давным давно все съели, неужели будут хранить по сию пору? Лишь одно стегно Мюллю-Босхонг запасли два лета. Положили в холлогос с таром («холлогос» — большое ведро из бересты; «тар» — скопы скисшегося, снятого молока) и вывезли в летник».

Старик нищий, услышав разговор женщин, на следующее же утро поспешил домой и обо всем услышанном подробно рассказал Юёдэй Угаалаах. Последний в то время ослеп на оба глаза. Тотчас же, взяв провозатого, он поехал в город. Уезжая, сказал сыновьям:

«Я вывезу из города начальство, к этому времени дом приведите в порядок!»

Через несколько дней он вернулся с представителем власти, который имел приказ произвести по его указанию обыск. Переночевав одну ночь, проехали прямо к свату. Под комельком обна-

ружили погреб, который был пуст. Поехав в его летник, в холлогосе с таром обнаружили одно стегно Мюлло Босхонг. Приказали привести ту самую женщину, которая была свидетельницей убийства человека и строго допросили. Та, не утаив ничего, обо всем подробно рассказала как было. Сына арестовали и увезли в город судить.

Старик отец стал таскаться по судам и начальству. Для уплаты уворованного и на взятки властям того времени, жадным до денег, он промотал почти все свое богатство. Под конец сына сослали на каторгу, отец и мать одни остались дома.

Однажды старик сказал жене:

«Я был человек, созданный по произволению самого Хара-Суоруна⁵. («Черный-Воронов» — древнее божество якутов). Родился с предопределением судьбы — не ведать, пока живу в этой средней земле, какой — либо неудачи, не подвергаться случайному несчастью. А Юёдэй Угаалаах родился по произволению самого Юрюнг Айыы (белого, святого творца) и потому, будучи выше по указу судьбы, одержал верх надо мной. Видимо сказалося его исконное превосходство!»

Старуха возразила ему:

«Случившегося не вернешь, и никакая сила за нас не отомстит. Наша песенка уже спета!»

Старик вострепнулся и добавил:

«Нет, погоди, не все еще кончено! Вот у меня есть сосед Кутуйах-Шаман, который силою своих духов проходил сквозь иголье ушко. («Иинэ бюргэс юютюнэн кыыраар» — поговорка). Надо бы его попросить совершить камлание и пожрать Юёдэй-Угаалаах со всем семейством. Ну их к чертям!.. Эта одна белоликая дочь, родившись, довела нас до несчастья!»

Пригласил он шамана и заставил совершить камлание. Тот проплясал под ряд три дня и три ночи и совершенно напрасно молил своих духов. Погубить Юёдэй-Угаалаах никак не удавалось. Вернувшись со своих полетов, шаман сказал:

«Его дух-покровитель, его божество преграждало дорогу и не впустило к нему!»

«Если так, то значит они — люди с прочным назначением, и никакая сила их не одолеет... Но тем не менее, не откажи еще раз потрудиться! Вознесись к создавшему меня Хара-Суоруна! Я создан был с твердым назначением не попадать в беду в течение всей своей жизни в этой средней земле.»

Шаман согласился и еще одну ночь совершил камлание, отправился к Хара-Суоруна. Добравшись, он говорил ему:

«Созданный самим Юрюнг Айыы, сын его Юёдэй Угаалаах созданного тобою сына довел до несчастья!..»

Хара Суорун ответил:

«Правда, он был создан мною со счастливым уделом — избежать беды земли. Если же он терпит ныне разные неудачи, то это происходит потому, что его противник создан более высшим, чем я, божеством, Юрюнг-Айбы-Тойоном. Но тем не менее, возьми с собой вот эту веревку и брось ее около изгородей Юёдэй Угаалаах! Если кто-нибудь из них найдет эту веревку, то все они станут конокрадами и будут не выводиться из темниц».

С этими словами Хара Суорун вручил ему окровавленную веревку, длиной в девять маховых сажен. Шаман, спустившись на землю, ту веревку бросил около жилища Юёдэй Угаалаах. Она пролежала там очень долго. Люди Ю. Уг. часто проходили мимо того места, но с открытыми глазами не видели ее. Только много лет спустя собственный внук того старика (по просьбе которого веревка была брошена), сын его дочери, увидел веревку и принес домой. С тех пор он стал неисправимым конокрадом, день и ночь, не сидя у себя дома, промышлял воровством. Часто попадался и садился в острог. Каждый раз родные освобождали его, неся большие расходы, но он опять попадался. Благодаря этому его семья промотала весь свой скот. Сам Юёдэй Угаалаах со старухой умерли, сыновья обеднели и все постепенно превратились в конокрадов.

Другой старик был еще долго жив и при получении каждой новой вести о несчастье в семье своего врага радовался и говорил:

«Ну, хорошо, значит и они пошли по моему пути и разделят мою участь!»

Вот таким-то путем Намские якуты, как рассказывают, стали конокрадами.

Этот рассказ я слышал от Афанасия Корякина. Он умер лет шесть или семь тому назад.

IV. ШАМАНСКАЯ БОЛЕЗНЬ И БРЕДОВЫЕ ИДЕИ ШАМАНОВ¹⁾

1. Одержимый «шаманскими духами».

Марков, Николай Васильевич.

12 января 1925 года.

У меня в роду шаманов нет. Моя болезнь приключилась так. Месяц тому назад я поехал через реку в лес на восточный берег (Лены) — срубить и привезти дров. На обратном пути сильно продрог и едва добрался до дома. С этого момента захворал и лежал на постели. Сначала лихорадило, а потом 5 — 6 дней продолжался сильный жар. В эти дни мне казалось, что я куда-то качусь колесом в одну сторону, а потом стал перекачиваться в обратную сторону. Видимо сильно кружилась голова.

Затем, я помню, стою на восточном рукаве Лены (зимой на льду). В старину в нашем Джобулгинском наслеге жил шаман Сюёдэркэ. Вдруг вижу — является он в сопровождении одной старухи «мэнэрээчки» (истерически воспевающая от имени духов); у них продольная пила. Поймали меня. Шаман Сюёдэркэ говорит:

«Мы прочищаем дорогу, ведущую в нижний (подземный) мир, ты будешь помогать нам в этой работе!»

Я отказываюсь и говорю им:

«Я постоянно держу в мыслях мое божество («ыйыбын, тангарабын саны сылабын») и быть шаманом не желаю!»

¹⁾ Тесную связь шаманства с нервными заболеваниями отмечают все исследователи, писавшие об этом предмете. Момент «призвания» шамана на служение духам есть объективно не что иное, как форма истерического заболевания, последующая же «подготовка» шамана к своей профессии сводится обычно к тренировке в искусстве произвольно вызывать и регулировать припадки истерии в целях сношений с «духами». См. об этом: Gmelin, В. II, p. 356; Описание якутов, с. 273; Щукин, Поездка в Якутск, с. 277; Корнилов, Изв. ВСОРГО, т. 39, сс. 82—3; Стефанович, «Землеведение», 1897 г., № 1—3, с. 30; Серошевский, с. 624; Троцанский, с. 147; Мицкевич, Мэнерик и эмиречень, сс. 12—4 и passim.—Ред.

Но они помимо моей воли насильно вручили ручку пилы и заставили работать. Мы пилили будто лед (торчащий торос) и прокладывали по льду дорогу к северу. В восьми верстах севернее от нас, на правом берегу Лены, есть начало проезжей дороги, под названием «Еспёрююн аартыга». Как мне казалось, прочищая глыбы тороса, мы добрались до этого места.

Здесь шаман Сюёдэркэ сказал:

«Теперь мы пойдем на остров Тарагай». (Соседний остров, недалеко от местожительства рассказчика).

Пошли на тот остров. Там вместе с шаманом поднялись на одну ель... впереди меня стоит шаман (тот же), на нем камлальный плащ, в руках держит бубен. Стоит, обратившись лицом на восток, а я стою сзади. Шаман говорит мне:

«Я тебя сделаю шаманом, уведу наверх на расстояние трижды девять «олохов!» (Шаманские переходы и места остановок).

В этот момент над нашей головой раздался какой-то шум и треск. Я поднял глаза и вижу: валится звезда «чолбон» (передвигающиеся звезды). Я спрашиваю у шамана:

«Что это валится?»

Он отвечает:

«Это валится шаман Кюстэх!».

Последнего я помню: он был из Бёртюнского наслега и умер давно.

Кюстэх-шаман спустился как раз у основания той ели, где стояли и мы. Оказывается, он был верхом на горной козе (чубуку), у которой копыта были обращены назад.

Спустившись, шаман Кюстэх подозвал к себе Сюёдэркэ и сказал ему:

«Я девять веков простоял, превратившись в звезду чолбон, и весь высох. Ты не вправе взять этого человека, который предназначен для меня. Я сам принимал участие в его рождении, воспитал его с малых лет!»

Мы оба спустились с ели. Кюстэх сказал другому шаману:

«Отдай спутнику свой камлальный плащ и бубен!»

Сюёдэркэ, не возражая, снял свое облачение и передал мне. Я облачился в его одежду.

После этого Кюстэх сказал мне:

«Ну, теперь поднимись на круп вот этого животного!».

На спине животного был какой-то черный и мягкий нарост. Я стал позади этого нароста.

Дальше я помню: с шаманом Кюстэх мы очутились на вершине скалы, что на западном берегу Лены. У шамана тоже оказался камлальный плащ и бубен. Он, обращаясь ко мне, сказал:

«Теперь мы поднимемся наверх — на трижды девять олохов!»

Обернувшись назад, я заметил: за нами стоял шаман Тотто, тоже в камлальном облачении. (Семен Митрофанов — живой шаман из одного наслега с рассказчиком).

Кюстэх обратился к последнему с вопросом:

«Ты, шаман Семен, разве в силах добраться через трижды девять олохов? Стоишь с намерением подняться?»

Но Семен в ответ не издал ни звука. (Дословно — «не сказал ни белое, ни черное».)

После этого Кюстэх подошел к самому обрыву скалы и перешагнул через Лену на гору восточного берега. Там, как я заметил, начал плясать на горе Ёспёрююн-Аартыга.

Дальше, повидимому, и я по следам шамана перешагнул через Ленские острова и очутился около Кюстэха... Вот мы оба с пляской стали подниматься в верхнюю страну, сначала как будто по земле... Я то и дело пытаюсь опередить шамана, заходя то с правого, то с левого бока. Спрашиваю у него:

«Разве ты не в силах итти быстрее этого?»

Мне кажется, что он двигается медленнее, чем мог бы я.

Шаман ответил:

«Моя побежка не больше этого. Если хочешь, заходи вперед и держись впереди огней моего зрения!»

Я опередил шамана. Далеко впереди сияли два огня. Едем, пляшем. (Пляска в шаманской символике обозначает езду...) Кажется, что мы летим. Вот я добрался до девятого «олоха». До того пролетел через темную страну и очутился в райски светлой стране. С разных сторон подошли люди и вопрошают:

«Куда это ты направляешься?»

Я им говорю:

«Меня ведет Кюстэх-Шаман до трижды девятого олоха, чтобы вместо себя сделать шаманом. Там он хочет испросить согласия своих людей».

Эти люди хвалят меня и говорят:

Едешь — ты отменный человек!

Обернувшись назад, вижу — приближается и Кюстэх-шаман, его глаза сияют и сверкают, будто огни, величиною с небольшой горшок. Он подошел и сел около меня. Затем сказал, обращаясь к собравшимся:

«Вот этого, издавна воспитанного мною ребенка хотел отобрать шаман — Сюёдэркэ. Я взял его и вот веду с собой. Согласны ли вы?» (т. е. сделать его шаманом).

Те люди все отвечают:

«Проезжайте дальше, как же мы не одобрим человека, который превосходит тебя самого?»

Мы с пляской продолжаем путь. Также пролетели девять «олохов» и добрались до чистой и светлой страны. Похоже на нашу землю, кругом снег и дороги. Опять отовсюду подошли люди,

все, как на подбор, высокого роста. Снова вопрошают — куда мы едем.

Шаман им отвечает:

«Эй, это человек, родившийся в средней земле! Я хочу оставить его вместо себя»!

Люди говорят ему:

«Тебе следует добраться с ним до места, где ты зародился!» («Туруу дойдугар тий»)!

Опять стали подниматься на одну девятку «олохов». Когда приблизились (к конечному пункту), показалась обширная изгородь, переполненная конным скотом столь многочисленным, что листья на деревьях. Одни из них были молодые («новые»), а другие ответшавшие, точно с девятого века до нас.

Я спросил шамана:

«Это что за конный скот стоит тут?»

Кюстэх ответил:

«Разве ты не слышал, что в верхней стране (на небе) со времен седой старины живет Кюннээс-шаман? Это его скот, который в качестве священного «ытыка» возносится сюда шаманами»!

Весь скот сплошь был голубой масти с темной, крыловидной отметиной на оплечиях. («Сур-джагыл». «Сур» — масть не совсем определенная — сероватая с голубоватым оттенком, или темно-голубая).

Проехав эту изгородь, мы добрались, наконец, до трижды девятого олоха, местожительства шамана Кюстэх. Страна была чрезвычайно светлая. Во множестве подошли к нам люди, неясные как тени, и тоже спрашивают про меня:

«Что это за человек?»

Кюстэх говорит им:

«Я привел его, чтобы испросить от вас согласия (на то, чтобы сделать его шаманом в качестве своего преемника)».

Собравшиеся сказали (нам):

«Грехи и преступления на средней земле умножились до бедственных размеров. Там вплоть до нижнего девятого «олоха» царит густая тьма. Средняя земля исказилась, испортилась до неузнаваемости («орго дойду джююлюттэн джюсюнюттэн асан турар»)».

Вы оба возвращайтесь назад и остановитесь на ступени девятого «олоха»! Мы пошлем великое множество шаманов. Они, стоя на девятой ступени, очистят ее (среднюю землю) алгысами (молитвами) от грехов и преступлений и обновят землю, ибо ее исконное предназначение разрушилось так, что там не восходят солнце и луна»!

Мы оба вернулись. Проезжая мимо изгороди, Кюстэх сказал мне:

«Открой ворота этой изгороди, пусть этот конный скот спустится на среднюю землю!»

Я открыл ворота и весь загнанный конный скот вышел из изгороди.

Сделав это, я говорю шаману:

«Ты пустил их врасыпную. Старец, не наделал ли ты великой беды?»

Он ответил:

«Ничего, они раньше тебя спустятся и доберутся до средней земли!»

Мы с шаманом спустились на самую нижнюю ступень и остановились над средней землей. Она была окутана густым мраком, точно находилась среди облака дыма, исходящего от дымокуров.

Когда я (стоя тут) бросил взгляд вверх, увидел великое множество идущих шаманов.

Они все говорили:

«Мы заклинаем и молитвой освящаем среднюю землю, изгоняем ее порчу (джайын джалбары габыт), очищаем кору ее грязи («кирин, хагын ыраастыбыт»)»!

После этого вид и цвет средней земли стали как будто проясняться. Тогда мы спустились.

Все упомянутые шаманы стали в средней земле шаманами, лечащими болезни. Они говорили:

«В награду за наши труды должны давать один фунт масла или кусок мяса, а кто не имеет их, может давать и голову годовалого теленка. Вообще мы должны удовлетворяться всяким даром, не выражая недовольства. Пусть больные приносят нам даже клочок шерсти!»¹⁾

Они не должны шаманить тем людям, которым предстоит неминуемая смерть, оздоравливают лишь тех, кому не надлежит еще умирать.

Дальше помню: когда я спустился на землю, заставили меня (духи шаманов) обойти всю среднюю землю... Видимо я летел...

Однажды, когда я пришел в себя, попросил пригласить к себе Петра Иванова (хорошо грамотный и интеллигентный якут) и рассказал ему все это.

¹⁾ Плата, получаемая шаманами за свои услуги, служит часто для них весьма существенным подспорьем и, вместе с правом есть жертвенное мясо, делает шаманскую профессию выгодной. Размеры шаманского «гонорара» бывают различны. См. об этом: Сарычев, т. 1, с. 31; Шукин, Якуты, с. 23; Виташевский, Зап. ВСОРГО, т. 2, в. 2, с. 40; Приклонский, Ж. Ст., IV, с. 53; Вруцевич, Зап. РГО по этногр., т. 17, в. 2, с. 22, Серошевский, с. 625.—Ред.

(Дальше рассказывает мало интересные бредовые видения— путешествия в Америку, где большие корабли, в Китай и проч.).

По словам моих домочадцев, во время болезни я, лежа, все время бормотал, как будто с кем-то разговаривал.

(По словам Петра Иванова, больной, призвав его, рассказал свои видения и говорил, что он должен стать шаманом вместо давно умершего известного шамана Кюстэх, что будто бы в средней земле умножились грехи и что он должен их очистить. Затем говорил, что на небе для него приготовлена шаманская одежда с золотыми побрякушками и бубном. Общий вид его был ненормальный, зрачки расширенные.

Чтобы успокоить больного, он посоветовал сыну его найти шаманскую одежду. Потом больной пытался шаманить, чтобы вознестись на небо за шаманской одеждой. Но домашние уложили его на постель и пригласили шамана совершить над ним камлание, как над больным.

В настоящее время (через месяц) навязчивые идеи как будто прошли и он производит впечатление здорового человека).

2. Из биографий живых шаманов.

Алексеев Гавриил.

Остров Тоён-Ары.

12 января 1925 года.

1. В нашем наслеге шаман Петр, по прозвищу Тааппын-Уола, в возрасте 25 лет, еще до получения шаманского дара, три года страдал сумасшествием. После припадков истерического пения он впадал в бесчувствие и в состояние безразличия ко всему окружающему. Его даже связывали.

По его словам, он подвергался рассеканию¹⁾. Божеством его («тангарата») является один Немюгинский шаман (умерший). Петр будто бы находится с последним в родстве по женской линии (т.-е. мать его или бабушка, или прабабка из рода того шамана). «Поэтому-то он и призвал меня» (дословно — «схватил»), говорил Петр.

Он стал шаманом без посвящения другим шаманом. Будто бы в нашей стране нет таких шаманов, которые были бы в силах посвятить его. Его душу, передаю его собственные слова, воспитали на нижнем месте на 12-м ряду ветвей шаманской ели.

Он говорит также, что мать-зверь, выйдя на среднее место разбросал его тело.

¹⁾ О «рассекании» см. ряд приводимых ниже текстов. Это поверье засвидетельствовано также Приклонским (Ж. Ст., IV, с. 52), Корниловым (с. 82—3). У других народов подобные верования до сих пор никем не были описаны. — Ред.

По отцу и деду в роду у него шаманов нет, только дядя по материнской линии, дух упомянутого Немюгинского шамана, выражал родственное чувство к племяннику и «пал» на него.

Этот Петр говорит, что у него есть и волк и медведь, шаманские духи.

Сын Семена Тёттё, тоже шаман, три года был одержим безумием. Он, все время находясь в связанном виде, перенес много страданий. Бёртюнский (местное название 2-го Мальжегарского наслега) шаман, брат знаменитого легендарного шамана по прозвищу Чарапчылаах, пришедши, пал на него (т.-е. снизошел к нему дух давно умершего шамана). Этот шаман приходился Тёттё дядей по материнской линии.

Павел, тоже из нашего наслега, стал шаманом пять-шесть лет тому назад, теперь ему около 30 лет. На него снизошел сильный дух бёртюнского шамана, не найдя среди своих кровных родственников человека, который был бы способен воспринять от него дар шаманства. Пал просто, как будто с неба, не будучи связан родством. Он (Павел) сразу в течение семи дней превратился в шамана, хотя, говорят, тоже был подвергнут рассеканию и лежал дома, имея особого человека для ухода за ним во время болезни.

Сын Григория — Иван на 25 году заболел припадками истерического пения от имени разных духов, что продолжалось около двух лет. Во время периодов просветления он находился в состоянии какого-то безразличия ко всему окружающему. Он говорит, что на него снизошел, пал дух дяди его собственной матери, умершего шамана Харыйалаахского наслега (название 3-го Мальжегарского наслега).

По его рассказам, «злые духи, бесы бывают невидимы, только ударяет дурной запах; когда вселяешь в себя, входят они в нутро человека и раздувают живот».

Данилов Петр.

Остров Тинт-Ары.

30 января 1925 года.

2. В Бёртюнцах два года тому назад, летом, один человек, говоря, что он должен скоро сделаться шаманом, велел построить себе в лесу, вблизи елани (поляна среди леса) «Куогас», маленький домик. Домик был поставлен у самого большого лиственничного дерева, где имелся склад шаманских идолов, сносимых туда после камлания. Его должны были строить по заказу из неочищенных от коры бревен (лиственничных) молодые, еще не женившиеся парни. Зовут этого человека Михаил Саввич Никутин, ему приблизительно около сорока лет.

Он отправился потом в этот свой домик и пролежал там три дня, говоря при этом — «Я лежу мертвый, подвер-

гаясь рассеканию (бесами), на третий день я должен воскреснуть» («тилэр» — оживать, воскресать из мертвых; иногда в отношении тяжело больных употребляется и в смысле выздоровления, но это не точное, а фигуральное употребление слова. Г. К.). К этому дню он заказал привести шамана по имени Бёчюккэ, сына Тааппына, чтобы тот совершил над ним обряд—то ли «поднятия тела» (кётехтерюю), то ли «обучения, посвящения» (усуттары).

Говорили при этом, что один человек по имени Димитрий, по прозвищу Саба-Юктююр, был при нем в качестве прислуживающего.

Когда прибыл туда званный шаман, у домика собралось много народа, желавшего наблюдать совершение упомянутых обрядов. И я тоже пошел посмотреть.

Пришедший шаман был с бубном, а кандидат в шаманы имел облачение (шаманский плащ). При мне посвящающий шаман после небольшого заклинания и восхваления своих духов (т.-е., призвав и испросив совета от них) сказал: «Теперь лето в полном расцвете; когда уже распустились хвоя и листва деревьев и трав, не должно совершать обряд становления шамана, он в пору бывает только весной и осенью!». Так сказавши, он прекратил служение.

Упомянутый якут до сего дня надлежащим образом еще не шаманит, он лишь без облачения совершает предварительное моление (джалбыйар) и внедрение в себя мелких бесов при незначительных заболеваниях («бохсуруйар», «бохсурганныт», так сказать, вольно-практикующий без официального разрешения шаманских духов — изгонитель мелких бесов, мало-мало знакомый с заклинаниями и шаманскими обрядами. Короче — шаманское подмастерье, проходящий кандидатский стаж. Г. К.).

Павлов Николай.

Остров Тоён-Ары. Бёртё.

16 января 1925 года.

3. У нас живет теперь один человек по имени Михаил Никитин, который проходит ныне искус становления в шаманы. Этот человек два года тому назад в местности под названием «Саасыр-Алаас» в глухой тайге поставил себе из новых бревен маленький домик и пролежал там несколько дней. Одного истеричного человека по имени Саба-Юктююр-Миитээ взял с собой для приготовления и подачи пищи. Лежа там, пригласил к себе шамана Тааппына-Уола.

Я пошел туда (посмотреть). Посвящаемый в шаманство уже вышел из своего домика и сидел рядом со старым шаманом. В лесу была лиственница, на которую складывали шаманские жертвенные принадлежности — кости животных, шаманский стол и пр. Около

этой лиственницы и был поставлен домик. Лиственница с домиком была окружена небольшой оградкой. Готовясь стать шаманом, он (Михаил) попросил своих родственников построить все это, что и было ими сделано.

Оба шамана сидели внутри ограды, обратившись лицом к лиственнице. Новый шаман был в шаманском костюме, оба пели шаманским напевом (кутураллар¹⁹). Мы, зрители, сидели снаружи ограды. Старый шаман напевал сидя, а новый тоже причитал (мэ-нэрийэр²⁰), но, видимо, очень волновался. Все это происходило около петрова дня.

Вдруг шаман Таапына-Уола сказал: «Видимо, мы не сможем вознестись наверх, так как очень распустились хвоя и листья. В пору будет (это сделать) осенью, когда подмерзнет земля!».

Этот человек в настоящее время, повидимому, оставил мысль о шаманстве.

Павлов Платон.

Брат предыдущего.

Там же, тогда же.

4. Я как-то слышал, его слова (вышеназванного Михаила): «Еще не наступило время сделаться мне шаманом, моя душа лежит в нижнем месте, воспитываясь у корня — источника девяти родов злых духов. Теперь я могу стать шаманом только через три года».

Еще он рассказывал: «Лежа в лесу под деревом, я понимал голоса деревьев и трав: говорят и о предстоящей смерти людей... Когда же выходил из того домика, то переставал слышать».

По рассказам стариков, шамана (душу его) воспитывают бесы в нижней стране у источника девяти родов злых духов. От воспитываемых они (бесы) будто бы спрашивают: «Не стали ли летающими птенцами, не выросли ли крылья, не покрылись ли пухом?».

3. Страдания шаманов.

Показания якутов Кангаласского улуса.

Затеев Софрон.

Остров Тойн-Ары.

17 января 1925 г.

1. Имеющий стать шаманом, должен пройти особый обряд — «эттэнии»¹² рассекания тела. Эту процедуру совершают души умерших шаманов, предков данного кандидата в шаманы.

При совершении рассекания испытуемый умирает, лежит в течение трех, четырех дней на правой наре юрты, ничего не ест и не пьет.

Ухаживать за ним, подавать пищу должен отрок, ни с чем нечистым, греховным не знакомый. Он подает шаману только одну «черную воду» по норме.

От того окна, где лежит испытываемый, до скотского пригона строят изгородь, чтобы никто и ничто «из имеющих ноги» не проходил с наружной стороны юрты мимо того места, где находится его лежанка. Также и в юрте люди не должны проходить между его нарой и очагом.

Веревкой, свитой из белого волоса и увешанной кусочками материи, обвивают его голову, меняя веревку каждый день.

Древние шаманы, по преданиям, три раза подвергались обряду рассекания.

Иванов Петр.

Остров Тоён-Ары. Джобулга.

13 января 1925 г.

2. По рассказам, древние шаманы в период эттэнии — рассекания их тела (бесами) живут, запершись в своем доме, в безлюдной местности.

Рассекание тела шамана состоит, будто бы, в следующем. Зацепляя железным крючком, разрывают, отделяют все суставы, кости очищают, выскребая мясо и удаляя соки тела. Оба глаза вынимают из впадин и кладут отдельно. По окончании всей этой операции кости снова соединяют и сшивают железными нитками (досл. — «железом»), а глазное яблоко (досл. — «воду глаза») кладут обратно на место. Только после всего этого они (бесы) превращают его в шамана.

Романов Тимофей.

3-й Мальжегарский наслег.

28 января 1925 г.

3. В древности, как рассказывают, при зарождении великого шамана его род вымирал: за каждую кость шамана духи требовали человеческий выкуп из среды его родственников. По преданию — рассекание тела шамана совершается в течение трех или семи дней; в эти дни он лежит бездыханный, лишенный речи, точно мертвый.

Кроме того, должны быть приняты особые меры предосторожности. Избирается безлюдное место, никто не должен проходить мимо лежащего шамана. В пище тоже требуется особая осторожность, можно пить одну воду и есть сырое мясо.

Алексеев Гавриил.

Остров Тоён-Ары. Джобулга.

12 января 1925 г.

4. По рассказам, у каждого шамана бывает, так называемый мать-зверь («иньэ-кыыла»), который имеет будто бы вид большой птицы с клювом, напоминающим железную ледаколку, с крючко-

ватыми цепкими когтями и с хвостом длиной в три маховых сажени.

Мать-зверь приходит при рождении и воспитании души шамана, позже возвращается (показывается) только при его смерти. Если мать-зверь вернулся и показался шаману, то это служит предвестием его смерти. Все шаманские мать-звери, говорят, схожи как по наружной окраске, так и по другим признакам.

Мать-зверь, сойдя в нижнюю страну с душой («кутун-сюрюн») имеющего быть шаманом, воспитывает его там на ветви елового дерева. Душа большого шамана воспитывается на девятом ряду ветвей (считая снизу).

Когда душа созреет и сможет владеть собой, мать-зверь поднимается на среднюю землю и здесь рассекает тело шамана на мелкие кусочки и разбрасывает по всем путям болезни и смерти, делит между злыми духами. Духам каждого рода бед и несчастий, говорят, подлежат соответствующие части тела по принадлежности.

Шаман бывает удачлив в лечении разных болезней только тогда, когда разбросано все его тело. Бесы, злые духи, поделив тело шамана, уходят.

Мелкие, неважные шаманы, также и те из них, которые стали шаманами, восприняв болезнь кликушества и истерии от обыкновенных злых духов — «юёр», не рассекаются. Только большой шаман, имеющий в роду ряд предков-шаманов, подвергается рассеканию.

Некоторые шаманы при совершении рассекания тела лежат в своем доме, натянув особую завесу. Кроме того, берегутся, воздерживаются от пищи, не разрешают также людям проходить мимо того места, где лежат (между шаманом и домашним очагом). Пищу позволяют подавать себе только чистому отроку.

По преданию, древние шаманы для совершения рассекания уединялись в пустынные, безлюдные места и лежали там, поставив особый шатер (ураса).

По рассеканию тела и разделе его, как рассказывают, все кости снова складывают, подгоняя сустав к суставу, в надлежащее место, вот тогда-то, говорят, шаман просыпается, как бы уснувший человек. Весь обряд рассекания и раздела своего тела сам шаман якобы наблюдает воочию.

Павлов Николай.

Остров Тоён-Ары. Бёртё.

16 января 1925 года.

5. Тот человек, которым овладел дух шамана (умершего), должен пролежать семь или девять дней на чистой постели и в чи-

стой одежде, питаюсь только одной водой и выбрав такое место, куда не ходят ни люди, ни скот. При нем должен быть только один человек.

Говорят, его тело делят между девятью родами всех бесов, злых духов, причиняющих болезни («тогус юёр тёрдогэр»). Говорят также, что кости его сосчитываются, чтобы определить все ли они налицо. При недохватке костей должен умереть один из ближайших кровных родственников шамана.

Данилов Никифор.

6 января 1925 г.

6. Душу человека («сююн, кутун»), который должен стать шаманом, берут (духи) и уносят в подземный мир. Там, говорят, есть особый дом, где заключаются эти (похищенные) души. Душа хорошего шамана остается в заключении в продолжение трех лет, а плохого—один год. В это время сам человек сходит с ума и бессознательно воспеваает, пока длится заключение его души. Во время сна он бывает в указанном доме.

Эти злые духи (абаасылар) и есть источники зарождения шаманов. («Ойун тёрдэ»). Описанный дом принадлежит им, там они воспитывают и обучают похищенную душу человека. По истечении определенного срока (смотря по качеству шамана) они должны разрезать, разрубить на кусочки тело будущего шамана.

Рассекание тела производится так: сначала отрезают голову и кладут (садят) ее на верхнюю полку своей юрты. Говорят, эта голова видит своими глазами всю процедуру разрубания своего тела. Все тело шамана разрезают на мелкие кусочки и делят между всеми трижды девятью юёрями. (Души обыкновенных людей, причиняющих болезни). Тела лучшего шамана должно хватить на всех злых духов. Тогда этот шаман будет знать пути, дороги всех духов, причиняющих болезни, и будет полезен при всяких заболеваниях. Если же тела нехватит при дележе и останутся обделенные, то он не сможет вылечить те болезни, которые причинены этими юёрями.

Во время разрезания тела будущий шаман у себя дома лежит тяжело болен, ни жив и ни мертв. Духи, изрезав и разделив мясо, говорят, наделяют кости новым мясом и садят прежнюю голову на место.

Со слов рассказчика записано по-якутски Семеном Даниловым.

Никифоров Иннокентий.

Остров Тийт-Ары.

31 января 1925 г.

7. Имеющий стать шаманом еще в отрочестве хворает душевной болезнью в продолжение двух, трех лет, иногда болеют и до шести лет.

Перед тем, как стать ему шаманом, он видит во сне — «сверху и снизу» собираются души умерших шаманов и ставших злыми духами (юёрдэр) и рассекают его тело. Его кровь, черная колотушкой бубна, разбрасывают «по всем корням и источникам болезни» (досл.—«ёлюю» — смерти, но часто якуты употребляют это слово как общее родовое название всех болезней, могущих повлечь за собой и смерть, иногда применяется даже к ушибам. Г. К.).

Как рассказывают (в это время), шаман в течение трех суток засыпает и лежит как мертвый. За все это время он ничего не ест и не пьет.

Устинов, Константин Прокопьевич.

Остров Хатынг-Ары.

27 января 1925 г.

8. Человек, который должен стать шаманом сначала в течение 3—4 лет сходит с ума, поэтому запирают его в амбар. Затем, при становлении великих шаманов из его кровной родни умирают люди по числу его главных костей. Эти мертвецы и дают ему возможность стать шаманом.

Рассекаются при этом будто бы только те шаманы, которые имеют своих домашних (родных?) злых духов («джиэ аббассылаах ойун этгэнэр»)... По рассказам, ушедши резать ветви тальника для корма скота, они пропадают на три дня... Находят его лежащим в снегу — все его окровавленного. Они сами говорят, что их тело разрезают и разбрасывают по тем дорогам, по которым они ходят (при совершении камлания).

В нашем наслеге была одна женщина (жена Устинова), которая умерла, готовясь стать шаманкой. Про нее рассказывали, что она будто бы сказала:

«Настала пора, когда (духи) изрежут мое тело: — на три дня я умру, а потом воскресну. Мое тело положите тогда в свежесодранную бересту, а затем разыщите семь девиц, положите мне в рот три ягоды!»

Ее люди будто бы пригласили только шесть девиц, а седьмого мальчика. Поэтому она пролежала мертвой только одни сутки и ожила.

Во время болезни она попросила изготовить для нея бубен. Стать ей шаманкой помешал будто бы какой-то шаман, который запрудил ее воду смерти. («елюютюн уутун бобон»).

Емельянов Егор.
Урочище Усун-Кытыл.
11 февраля 1925 г.

9. Человек, который должен стать шаманом, в течение трех - четырех лет хворает умопомешательством. Про это именно и говорят, что «он лежит, подвергаясь рассечению — эттэнии». По рассказам, кровь и тело (досл. — мясо) шамана разбрасывают в виде жертвы по всем бедам-источникам «смерти и болезней» и по всем подъемам. (Рассказчик употребил фразу — «ысыах ысаллар»; ысыах — жертвенное кропление кумыса, «ысаллар» — разбрасывать, рассеивать, разбрызгивать. Г. К.).

Если при этом кроплении тело шамана не достигло какого-либо места (или духа), посылающего болезнь, то в это место шаман отправиться не может (т. е. не может совершать служения).

При совершении эттэнии шаманы, говорят, лежат на вид целые, но тем не менее их одежда будто бы бывает окровавлена.

Егорова Матрена.
Качикат.
10 января 1925 г.

10. Шаманское «эттэнии» (рассекание тела) продолжается три дня. Он в это время лежит лишенный речи. Видит только он сам, как отделяют друг от друга все его главные кости («мюсэ мюсэтин»).

Я слышала рассказ одной шаманки Кюёгэйэр Мотуруона (Матрена). Она рассказывала так: «Сначала отрезали мне голову и положили ее на полку юрты, потом разъединили по костям тело на части. Все изрезанное мясо (рассказчица вместо «этин» употребляет «буорчатын», повидимому, воздерживаясь называть вещи своими именами; старозаветные якуты часто прибегают к такому эзоповскому языку в особо важных случаях. Г. К.) нанизали на девять рожнов. Затем, собравшись, все съели».

Дальше, по рассказам шаманки, из-под столба коровьего хлева вылез бесенок, который причиняет болезни телятам. Он собрал все кости шаманки (остатки от трапезы духов) и разложил их на свежую, только что содранную бересту. После этого (снова вернули жизнь телу) и подняли ее.

Кровь (на ложе и одежде) убрала, будто бы ее свекровка. При этом она (шаманка) добавила: «если бы я сама через три дня

высушила (окровавленную одежду), то имела бы дар чудодейства». («хомусун» — шаманские фокусы).

Самый лучший шаман должен подвергнуться эттэнии три раза.

Эта шаманка с семи лет была одержима истерическим пением, а с девяти лет стала уже шаманить.

Протодияконова Евдокия.

Качикат.

10 января 1925 г.

11. Когда шамана Сэмэнчик подвергали рассеканию, то его будто бы вознесли на небо и там, усадив на верхушку высохшего дерева, заставили куковать — «ку-ку!» Затем, дав ему кончик укрепленной веревки, свитой из жил, заставили его нырнуть в «воду бедствий и смерти».

Он бесов, которых изгоняет от больных, вселив в себя, по его словам, — приводит и сдает на горе Джунджур.

В своих песнопениях он мимоходом упоминает и Жиганскую гору.

Шадрин Николай.

Остров Хатынг-Ары.

27 января 1925 г.

12. Когда совершается рассекание тела шамана, он в течение семи дней лежит в обморочном состоянии, ничего не ест и не пьет; из всех суставов и из обоих глаз все время вытекает будто бы слизь. «По рассекании моего тела на части, его по кусочкам делят между всеми путями несчастий и бед» — так рассказывают сами шаманы.

Когда шаман лежит мертвый (ёлё сыттагына), то его голого, без всякой одежды, кладут на свежесодранную бересту. Эти рассказы я слышал от многих стариков и знатоков старины. До того, как умереть, шаман говорит будто бы (своим): «Когда наступит пора моего воскресения (можно переводить и «оживания»), — собрав чистых, непорочных дев и юношей, заставьте их совершить обряд моего поднятия»¹²), («тиллэрбэр ыраас уолу кыысы мунньан кётёхтхтё-ёрюнг»).

Подвергание рассеканию, говоря примерно, есть смерть и воскресение. Когда совершалось становление древних великих шаманов, рассказывают, из его родственников умирали семь человек.

Шаман заранее знает, когда он свалится с ног для рассекания. Рассекание совершется лишь один раз. Подвергаются этому только такие шаманы, имена которых остерегаются произносить.

13. Сначала будущий шаман долго хворает—бывает одержим приступами истерического пения. Поют вселяющиеся в него духи. Болезнь продолжается разное, иногда до пяти и шести лет. Нисходят духи его предков, давно умерших шаманов. Дух умершего шамана нисходит только на своих родственников по крови (за одним исключением). Говорят, бывает блуждающий дух умершего шамана, не имеющего кровных родственников. Иногда такой дух находит несчастливому человеку во время распевания им песен¹⁴.

Если есть кровные родственники, потомки, то дух шамана предпочтительно нисходит на потомков по женской нисходящей линии. («Сиэн уруу»¹⁵).

Из знаменитых шаманов древности, насколько известно, только один Кюстэх-Шаман еще не нисходил на дочернюю родню.

У некоторых призываемых гибнут почти все его ближайшие родственники. Их убивает, уничтожает (досл. — съедает) дух предка-шамана за то, что его потомок противится призывам.

У великого шамана за каждую кость его тела в качестве выкупа должны умереть по одному человеку из его кровных родственников. За восемь трубчатых костей — восемь человек, за череп — один. Таким образом, за девять главных костей умирают девять человек.

Это положение издревле существует в нашей речи в виде поговорки («ёс хосооно»), что рассекаемый надлежащим порядком шаман не является (в жизни) без человеческого выкупа. Вот про такого-то шамана и говорят — «аар саарга ааттаммат улуу ки-си» (в переводе — «великий, страшный человек, имя которого в священный месяц всуе не должно произноситься»).

С таким шаманом нельзя ссориться, не полагается противоречить ему: все, что ни попросит, нужно давать, а также исполнять все его поручения. В противном случае он может причинить любое несчастье.

В старину (по понятиям якутов) хороший шаман должен был обязательно подвергнуться «этгэнии» (рассеканию, разрушению на части его тела). При совершении последнего шаман должен лежать вне жилья, в поле, разослав под себя свежесодранную бересту. Никто из людей не может навещать это место. Из своих родных он берет только одного человека для ухода за собой во время болезни — чистого отрока или чистую девушку, еще не познавшую мужчину.

Четыре или пять круглых суток шаман лежит без чувств, изо рта обильно выступает белая пена, изо всех суставов проступает и

струится кровь, все тело его покрывается синими кровоподтеками. Говорят, лишившись речи, он лежит полумертвый, едва дыша.

Рассказывают, что в нижнем месте мясо шамана отделяют от его костей и по частям разбрасывают по разным путям-дорогам, по кучочку при ответвлении каждой дороги.

Показания якутов Вилюйского уезда.

Васильев Адам.

3 марта 1925 г.

1. Человек, имеющий стать шаманом, целый год лежит на постели, хворает, тело его покрывается сыпью. Про это и говорят — подвергается рассеканию. Также говорят, что шаман умирает, три дня лежит мертвым, а потом оживает.

Потомки шаманов обычно не бывают счастливы, вымирают. Но такими бывают не все шаманы, а некоторые, которых называют — «сиэмэх» (кровождаемые). Иногда приходится слышать такие фразы: душа больного человека упала в воду «смерти и гибели». (Что это значит, рассказчик не умеет объяснить. Г. К.) Что шамана, подвергающегося рассеканию, кладут на свежесодранную бересту — это я не слышал.

Рассказывают, что у некоторых шаманов недостает костей... Такой шаман будто-бы не помогает больным. Слышал также, что у шаманов бывает плотина, что шаманы употребляют людей в качестве тычки в своих каких-то самострелах.

Алексеев Иван.

19 марта 1925 г.

2. Избранные шаманы, как говорят, три раза подвергаются рассеканию, а плохие только раз. Дух редких, исключительных шаманов, рассказывают, после смерти снова рождается. А про великих шаманов говорят, что они трижды возрождаются (перевоплощаются).

В Таркайском наслеге (Нюрбинский улус) жил когда-то шаман по имени Ааджа-шаман (в якутских собственных именах очень часто содержится указание на профессию. Г. К.). Передают у нас слова будто бы им когда то сказанные: «Сначала я был тунгусским шаманом, но однажды, разыскивая потерявшихся оленей, напоролся на пальму (оружие охотника) и умер, а затем родился снова среди якутов. На моем теле сзади, чуть пониже садищной части, имеется место, не затянутое кожей. Это и есть след той раны, которую я получил при прежнем рождении. Я должен (после смерти) возродиться еще раз среди народа, едшего на собаках».

Разрубив на части тело шамана, говорят, его мясо (злые духи) делят между собой и съедают. В это время сам шаман сильно хворает, едва лишь теплится в нем жизнь, сохнет, худеет. А некоторые будто бы остаются калеками на всю жизнь.

Когда происходит становление злосчастного шамана, то его отцовский род весь вымирает, ибо, говорят, что он (дух шамана) мертвыми людьми пересекает, преграждает свою дорогу, по которой грозит ему гибель (т. е. дух, даруя жизнь шаману, взамен берет родственников в качестве выкупа. Г. К.).

Когда же зарождается счастливый шаман, наоборот, весь род богатеет.

Барахов Никифор.

Город Вилюйск.

1 марта 1925 г.

3. Сами шаманы рассказывают, что подвергаются рассеканию. В это время они, якобы, три дня лежат без дыхания. Слышал также, что при совершении рассекания тела шамана его укладывают на свежую, только что содранную кору березы. Говорят, что вся постель его бывает тогда окровавлена.

Как я слышал, хорошие шаманы (при своем становлении? Г. К.) подвергаются рассеканию трижды.

Затем, у нас существует понятие о воде или реке «смерти и несчастий». Когда должен зародиться шаман, то будто бы на этой реке устраивается поперечная плотина (чтобы задержать текущую воду и тем усилить среди людей всякого рода несчастья? Г. К.); говорят, что трупы умерших задерживаются у этой плотины. Поэтому, по воззрениям якутов, при зарождении великих шаманов весь ближайший род его вымирает.

Павлов Капитон.

17 февраля 1925 г.

4. Тот человек, который должен стать большим шаманом, говорят, в течение пяти-шести дней лежит, лишившись речи, как будто мертвый. Все тело его в это время покрывается сине-багровыми кровоподтеками. Про такого и говорят — «лежит, подвергаясь рассеканию».

Вот почему и шаман в своих молитвах, обращенных к духам предков-шаманов, говорит про себя:

«Суорума соруктаммытым,
Итэгэс айыыламмытым!..»

Перевод:

«Обречен я был на несчастье (вами),
Искалечено было мое назначение!..»

В этом же духе он поет много про свое злосчастье. Это называется «кэп тоунар». (Киэп—выкройка, образчик, форма. Кэп—

исконное предназначение, родовое, наследственное свойство эло-бека, которое в виде неотвратимой судьбы висит над каждым, в том числе и над шаманом. «Кэп» обрекает человека на испытание всего того, что случилось когда-то и с его предками. Туойар — воспевать. Вся фраза переводится — «воспевать первообраз, образец». Г. К.).

Когда происходит становление великого шамана, весь его ближайший род вымирает. Говорят, что у шамана недостает костей; за каждую недостающую кость умирает по одному человеку из родни. За девять главных костей может умереть и до девяти человек.

Самсонов Спиридон.
Мархинский улус.
6 марта 1925 г.

5. Имеющий стать шаманом должен подвергнуться рассеканию. О времени, когда это должно совершиться, он заранее знает и ложится на свежесодранную бересту или же на кору другого дерева.

При рассекании тело шамана на одни сутки умирает, а затем воскресает.

Сначала отрезают будто бы его голову и кладут в отверстие между потолком и крайней балкой юрты (речь идет о якутской «стоячей» юрте). Затем, все тело разрубают на мелкие кусочки и делят между всеми злыми духами. Если при этой дележке какие-нибудь злые духи не получают свой пай, потом, когда эти обделенные духи станут причинять людям болезни, — против них заклинания шамана будут бессильны. Он может вылечивать лишь те болезни, которые причиняются духами, вкусившими частицы его тела.

После снятия тела, кости его снова складывают одну к другой, к ним прикладывают новое мясо и оживляют шамана. Те люди и скот, от которых (духи) взяли мясо для (образования) нового тела шамана, должны умереть.

Говорят, что постель и одеяло шамана покрываются густою кровью, всю одежду, в которой шаман подвергся рассеканию, он сам должен сжечь.

При становлении великого шамана весь его род должен умереть, ибо жизнь шамана выкупается его родственниками; кроме того, тело последних идет на образование нового тела шамана. Затем рассказывают, что (духи) из трупов людей устраивают запруду на реке «смерти и гибели», складывая их поперек (реки) и употребляя в качестве кольев этой запруды.

Знаменитые шаманы подвергаются рассеканию три раза, а маленькие только раз. Тот шаман, который подлежит троекратному рассеканию, в последний раз, рассказывают, отправляется в лес и там подвергается указанной операции. Он будто бы говорит

своим родным—«постройте шалаш в лесу и туда отнесите меня». Так нужно было для полноты положенного ритуала.

Борисов Михаил.
Мархинский улус.
7 марта 1925 г.

6. Рассказывают у нас, что шаман (при становлении) трижды подвергается рассеканию. У великого шамана, говорят, отделяют все его конечности. (Рассказчик почему-то слова «ноги» и «руки» заменяет словом «лабаа», что значит дословно «ветви» Г. К.). Если обнаружится недостача (в костях), то он не может стать шаманом.

Если будущий шаман должен обладать «Хомусун», то, будто бы, (духи) дают ему отведать человеческое мясо и морят его голодом.

Когда шаман подвергается рассеканию, то он должен поселиться в стороне от населенных пунктов в особом амбаре.

Рассказывают, что постель рассекаемого шамана покрывается густо кровью. Постелью ему должна служить свежесодранная береста.

В старину при становлении шамана совершался другим шаманом особый обряд—«поднятия» его. При этом старый шаман совершал камлание («кырар») и посвящал, знакомил молодого шамана со всеми духами («усуйар»).

Когда зарождался великий шаман, то это сопровождалось будто бы гибелью его рода (дословно—«такой шаман вставал, опрокинув, расстроив жизнь своего рода»). Это, говорят, случилось оттого, что умножились злые духи.

Также рассказывали, что когда предстояло явиться большому шаману, то (его духи) из мертвых тел строили плотину на реке «бедствий и гибели», чтобы оградить (кого?) от нападений других шаманов.

Все описанное не имеет места в отношении шаманов, возникающих от светлых и чистых духов.

Догоюков Иван.
Нюрбинский улус.
11 марта 1925 г.

7. Прежде чем сделаться шаманами, люди долго болеют, худеют, остаются у них «кости да кожа» (дословно—«кости делаются утиными, а глаза впадают, как у дохлой рыбы»), сходят с ума, безумствуют, постоянно забираются на вершины лиственниц. При этом болтают вздор, что будто у них выкололи глаза, тело разрезали, разделили и съели, влили новую кровь и т. д. Рассказывают, что лицо шаманов в эту пору бывает все окровавленное.

Когда зарождается шаман светлых духов, его род богатеет, когда же возникает злосчастный шаман, то в его роде за восемь главных костей шамана умирает восемь человек.

Егоров Семен.
Верхне-Вилойский улус.
28 февраля 1925 г.

8. Настоящий шаман (прежде чем стать таковым) должен хворать. Затем он трижды подвергается рассеканию. Мне не доводилось слышать, что при этом шамана кладут на свежую бересту.

Сами шаманы обычно рассказывают: «голову отделяют и кладут на верхнюю полку якутской юрты, все конечности отрезают, а мясо, разрубив на кусочки, распределяют между всеми родами гибели и смерти».

Старики говорят про целительную силу шамана: он помогает только при том условии, если источник данной болезни (злой дух, злое начало, которое причиняет болезнь) получил свою долю — частицу его плоти («буорчата» — от «буорса» — искрошенное в порошок сухое мясо с притяжательным окончанием. Может быть, другие, знающие якутский язык, поймут иначе это слово, которое постоянно фигурирует, когда речь идет о частицах тела шамана, получаемых бесами? Г. К.).

Когда становится большой шаман, то его род вымирает. Его умирающих родственников будто бы употребляют на колья плотины (через реку?)... у избранных шаманов должна быть вода (река смерти)...

Те люди, которые готовились к шаманскому призванию, а потом оставили эту мысль, обычно говорят — «у меня нехватило костей, поэтому (духи) вернулись».

Михайлов Степан.
4 марта 1925 г.

9. Рассказывают сами шаманы, что тело большого шамана три раза подвергается рассеканию, а маленького — один раз. В это время он сам будто бы лежит, борясь со смертью. Говорят, что в ту пору собираются духи.

При рассекании голову его снимают и втыкают на верхушку шеста, а тело его (дословно — мясо), разрезав на мелкие кусочки, делят между всеми собравшимися... их, говорят, бывает уйма (рассказчик почему-то слово «бесы» заменил словом «люди». Г. К.). Если кому из них достанется мясо от ноги, то этот шаман будет вылечивать болезни ног, если кто из них съест мясо ушей, шаман будет вылечивать ушные болезни. Если частицы его тела не достались тому или другому бесу, то шаман и не должен камлать. Он может побороть только тех бесов, которые покушали его мяса.

Говорят, появление шаманов в жизни сопровождается смертью людей из его рода... также слышал рассказы о плотине, — будто бы шаман возводит эту плотину своими хребтовыми позвонками. Если зародится новый шаман, обладающий большей силой, чем тот, который возвел эту плотину, то этот новый шаман разрывает ее при своем появлении. (Речь идет не о самих шаманах, а о духах, сила которых появляется в том или другом шамане. Г. К.).

Попов Прокопий.

Средне-Виллойский улус.

5 марта 1925 г.

10. Человек, который должен стать шаманом, раньше хворает в течение двух, трех лет. Только после этого он может приступить к своему служению.

Шаманы про этот период своей болезни рассказывают, что они у корня, источника зарождения девяти шаманов, подвергаются рассеканию, и что все это происходит якобы во сне. Шаманы, лежа больными, якобы во сне приходят к тем началам девяти злых духов, имена которых — Далбар-Чуонаах, Уот-Чорноуха... Эти источники девяти шаманов, говорят, — женщины. Называют еще следующие имена их:

Дарья, не имеющая ноздрей,

Матрена, не имеющая носа,

Калека-парень, которого возят на санях...

и т. д.

Здесь шаману отрубает голову и кладут ее на полку юрты, причем она будто бы остается живою (т. е. сохраняет сознание и даже наблюдает все происходящее). Тело же шамана разрубает на куски, как тушу скотины. Затем эти куски мяса, будто бы, нанизывают на рожны (значит и поджаривают? Г. К.). Тело большого шамана на девять рожнов, а маленького шамана — на три рожна. Потом мясо это делят между началами разных бед и несчастий (т. е. между духами-бесами).

(При зарождении шаманов) в средней земле устраивается преграда («харгыс»), плотина (чтобы умножить несчастья).

Рассказывают, что у больших шаманов бывает плотина, которая преграждает дорогу духам малых шаманов. Когда бесы этих шаманов задержатся у плотины, то сами шаманы должны хворать... от того, что у них гниет рыба (?). Больной шаман призывает тогда большого шамана, который (совершив камление) разрывает плотину и взамен жизни шамана дает другую человеческую жизнь. Тогда больной выздоравливает.

11. Хороший настоящий шаман, как рассказывают, подвергается рассеканию. У нас в виде поговорки говорится: «Он три раза был рассечен — великий шаман» («юстэ эттэпит ютюё ойун диидлэр»).

Сами шаманы рассказывают так: «Сначала (духи) отрубают мне голову и сажают ее на верхушку длинного шеста, чтобы эта голова могла видеть своими глазами все, что они проделывают дальше... я вижу, как они разрубают мое тело на мелкие кусочки; затем, эти кусочки распределяют между всеми родами человеческого несчастья (дословно — «между разными путями смерти или болезней») и между всеми бесами».

Шаман может шаманить и быть полезным только в том случае, если тот род гибели (от которой больной теперь страдает) получил свою долю при дележе тела камлающего шамана; те бесы, которые причастились (дословно — взяли мясо) его тела, бывают послушны, а те же, которые лишились этого, его молениям не внимают.

Говорят, что при совершении разрубания тела шамана его одежда бывает окровавлена. О том же, что родные шамана при совершении этой операции заранее кладут его на бересту, — я не слышал.

Шаманы разделяются на нижних и верхних. Нижние это те шаманы, которые созданы (обучены и священнодействуют при помощи) нижними бесами, верхние — те, которые созданы верхними бесами.

Про нижних шаманов говорят, что их души воспитываются у нижних бесов в особых колыбелях, где кормят их через рожок (как якуты воспитывают своих детей), а про верхних шаманов говорят, что души их воспитываются в особых гнездах (как у птиц).

Когда должно явиться великому шаману, то, говорят, умирают люди. Он будто бы имеет свою плотину на воде «гибели и смерти». Умиравшие люди, как рассказывают, служат той плотине кольями.

12. Шаманы рассказывают: «После рассекания тела приводят на хребет под названием — «Кёмюс-Джирбиит-Гора». Самого большого шамана ставят у самой вершины горы, среднего — на середине. С вершины горы видны все пути-дороги (повидимому, речь идет о путях разных болезней), а средний шаман их видеть не может. Поставив тут шамана, со всех четырех сторон приставляют острые рогатины». Затем, будто бы имеются еще две пики...

Заставляют его нагнуться так, что острия приходятся как раз в лоб шамана. Тут один человек (дух), весь в белом одеянии, заставляет будто бы произносить слова клятвы: «Не буду питать никаких дурных мыслей на людей и скот, созданный творцом...» Если он на вопрос — «Будешь ли ты дурно думать на человека, который будет обижать, угнетать тебя?» — ответит — «Буду гневаться и дурно думать о нем!», то, говорят, бьют его в затылок, так, чтобы он стукнулся лбом об острие пики.

Затем, другой человек, весь в черном, приставив его лоб к острию черной пики, заставляет клясться по-иному, говоря — «Созданных богом людей и скот пожирай и уничтожай!» Если он не будет давать на это утвердительного ответа, не будет изъявлять согласия, то опять наказывают его ударами.

Когда шамана подвергают рассеканию, то он, говорят, лежит в состоянии беспамяත්ства и безразличия ко всему окружающему.

V. ДЕРЕВО, ЗВЕРИ И ПТИЦЫ В ШАМАНСКИХ МИФАХ.

1. Шаманское дерево и воспитание души шамана ¹⁾.

Лукин Александр.

11 февраля 1925 г.

1. Шаманы зарождаются далеко на севере у корня мерзких заболеваний. Там бывает лиственница, на ветвях которой имеются гнезда на разной высоте. Самые большие шаманы воспитываются на верхушке дерева, средние на середине, а малые шаманы у нижних ветвей.

Рассказывают, что сначала прилетает на это дерево большая птица, похожая на орла, с железными перьями, садится на гнездо и сносит яйцо. Потом эта птица высидывает яйцо, если должен выйти самый большой шаман — в продолжение трех лет, а маленького шамана — в течение года.

Эта птица называется мать-зверем, который появляется всего три раза; первый раз когда рождает, вторично — когда завершается становление шамана рассеканием его тела, и в третий раз — когда шаман умирает.

Когда шаман (душа) вылупится из яйца, то эта птица передает его на воспитание дьявольской шаманке по имени Бюргэстей Удаган, которая имеет одну ногу, одну руку, один глаз. Эта шаманка перекладывает шамана в железную колыбель, укачивает и вскармливает его сгустками запекшейся крови.

Когда окончится воспитание в колыбели, будущий шаман передается трем черным сухопарым бесам, которые разрубят его мясо на кусочки. Голову шамана предварительно втыкают на верхушку шеста. Затем, разрубленное мясо в качестве жертвы разбрасывают во все стороны. При этом три других беса

¹⁾ Веру в то, что душа подготовляющегося в шаманы «воспитывается» у духов, отмечает и Трошанский (с. 146); см. также Изв. ВСОРГО, т. 17, № 1—2, с. 133. Аналогичное поверье есть у бурят (см. Штернберг в «Этнографии», 1927 г., № 1, сс. 18—20). — Ред.

челюстями шамана кидают жребий о начале всяких бед и заболеваний. Если жребий сядет как следует, то значит от этой болезни шаман может спасти людей. Говорят, случается иногда, что мяса шамана нехватает на все беды и болезни, тогда ему вменяется будто бы камлать только один раз по поводу той болезни, на долю которой нехватило частиц его тела.

Если у шамана обнаружится при рассекании тела недостаток в его костях, тогда по числу отсутствующих костей должны умереть некоторые из его родственников. Говорят, иногда умирает до девяти человек.

Был у нас один человек, Бологур Михаил. Он тоже призывался (духами) для шаманского служения. Он рассказывал, что у него якобы нехватило пяти костей, в виду чего должны были умереть пять человек. Но он отказался принять призвание, желая не допустить такое количество человеческих смертей.

Он сам потом ослеп. Однажды, уже слепой, он свалил в лесу дуплистую лиственницу. И тут же отдука-то упала в дупло пня шаманская птица (фигура птицы из железа, прикрепляемая к шаманскому плащу) и трижды закуковала. Михаил взял птицу и обухом топора погнул ей ноги и крылья, а затем бросил в дупло пня. «Поэтому, рассказывал он сам, духи искалечили мне руки и ноги».

Михайлов Степан.
4 марта 1925 г.

2. До появления шамана душа того человека, который предназначается для этой роли, берется бесами, злыми духами и воспитывается ими до тех пор, пока она не приобретает свойств злого духа. В это время человек, душа которого воспитывается у бесов, все время продолжает хворать. (Таким образом, болезнь будущего шамана — это признак того, что душа его лежит на обучении у злых духов. Г. К.). Только после выздоровления от этой болезни он может приступить к священнодействию. Говорят, что душа шамана превращается то в птицу, то в скот, то в человека.

Рассказывают, что существует дерево со многими вершинами. Шаманы со всего мира все воспитываются у этого одного дерева. Чем больше по своему значению и силе шаман, тем выше на дереве лежит душа его; значит, там лежит душа на разной высоте. Сами шаманы обычно говорят, что в качестве воспитателя является ворон, он, сидя на ветвях того дерева, выращивает душу. («Оголуур» — выкармливать, воспитывать ребенка).

Мать-зверь у большого шамана имеет вид лося, у маленького — оленя. Он приходит, когда шаман умирает и уносит, держа в зубах его шейный позвонок.

Говорят, шаман обладает особой силой зрения, видит во все стороны. Сила зрения (дословно — «огонь глаз») у большого шамана действует на большее расстояние, чем у маленького.

Самсонов Спиридон.
Мархинский улус.
6 марта 1925 г.

3. Рассказывают, что у шамана бывает особое дерево, где он находит защиту и укрывается, будучи побежденным при состязании с другими шаманами.

У якутского шамана мать-зверь (иньэ-кыыла), говорят, голубо-пестрый бык, а у тунгусского — пятнистый олень. Этот зверь, будто бы, обитает очень далеко. Говорят, что мать-зверь играет роль, когда шаман борется (рассказчик употребляет слово — «харсар», что значит — бодаться и употребляется в отношении борьбы только рогатых зверей: быков, оленей и сохатых. Г. К.) с другим шаманом. Затем, мать-зверь показывается только раз, перед самой смертью шамана.

Затеев Софрон.
Остров Тоён-Арыы. Джобулга.
17 января 1925 г.

4. Душа будущего шамана зарождается («аллараа»¹⁶) внизу у горы под названием Джокуо. Там растет большая ель с отломанной верхушкой (или с плоской, как бы отрубленной вершиной) и с ветвями, направленными вниз. Говорят, что дерево это есть там и теперь. На этом дереве, начиная с нижних ветвей до самой верхушки, расположены непрерывно у основания каждого сучка птичьи гнезда.

Шаманы, души которых воспитывались в гнездах верхних ветвей, будут сильнее и старше тех, которые воспитывались в нижних гнездах. Гнезда расположены правильными рядами, постепенно повышаясь, на расстоянии одного сучка друг от друга.

Сначала будущий шаман хворает умопомешательством; некоторые — с девятилетнего возраста, иногда даже с семилетнего. Душевная болезнь продолжается от трех до семи лет. Иные сумасшествуют взрослыми, болезнь находит припадками с периодами просветления.

В эту пору они должны беречься от всего «грязного», шаманить не должны, пока не кончатся сроки.

Говорят, что как раз в это время у них открывается дар прозревания. Прозревают будущее, распевая шаманские песни.

Данилов Иннокентий.
Остров Тоён-Арыы. Джобулга.
17 января 1925 г.

5. На небесах есть дерево под названием «Ыйык-Мас»¹⁷. Вершина его доходит до девятого неба, окружность его никто не

может определить. Начиная от корня до самой верхушки — дерево это покрыто наростами, но ясных ветвей на нем не видно. В этих наростах дерева зарождаются шаманы, шаманки и все те, кто знаком с колдовством и волшебством. Сильные рождаются у основания ствола, шаманы полной силы зарождаются у корня дерева в наросте величиной с небольшой курган.

Но говорят также, что самые большие шаманы воспитываются и укачиваются в особой зыбке в нижней стране у злых духов — «Харса-Джабын» (Духи раздора и зла); (там) внизу есть кузнец — «Кыдай-Бахсы»,¹⁸; у которого предварительно свариваются, закаляются и выходят как кузнецы, так и шаманы. Великие и страшные шаманы множатся от этого источника.

Иванов Петр.

Остров Тоён-Ары. Джобулга.

13 января 1925 г.

6. Рассказывают, что существует особое дерево — «Аар-Кудук-Мас» (в приблизительном переводе — «Священное дерево», или «Великое дерево», так как слово «аао» имеет двойное значение — огромный, великий и священный, святой, чистый. Г. К.). На ветвях этого дерева, говорят, много гнезд на подобие птичьих, где воспитываются души шаманов. Гнезда сидят сверху донизу.

Когда происходит состязание шаманов, то последние стараются прежде разломать гнездо своего противника. Побеждает тот из них, кто первым успел это сделать.

2. Шаманские звери и птицы.

Алексеев Михаил.

4 марта 1925 г.

1. У шаманов бывают духи-собаки. Их они обычно кличут (при камлании) — «Хардас, Хардас», иногда же, жалеючи, из почтения к ним называют — «Юнюгэс».

Мать-зверь у шамана — лось или олень. Он приходит к шаману только перед его смертью.

В старину, я помню, шаманы при камлании ревели, подражая порозу (бык-производитель), и наращивали на голове чистые (прозрачные) рога. (Рассказчик понимает так называемый «хомусун»²⁷, шаманские фокусы при мистериях Г. К.). Это я наблюдал однажды. Давно у нас был шаман по имени Кённёр. Когда умерла его старшая сестра, он совершил камлание, во время которого у него выросли рога, взрывал ими высохший глиняный пол и ставши на четвереньки, подобно детям, играющим в быков, гулко мычал и ревел по-бычьей.

При этом говорили, что якобы это — бесы, которые пришли, чтобы с душой умершего человека совершить обход всех тех мест, где она бывала при жизни («кэритии»).

Самсонов Спиридон.
Мархинский улус.
6 марта 1925 г.

2. Шаман, по понятиям старинных якутов, никогда не умирает своей смертью, а всегда погибает в борьбе с другими шаманами (досл.— «поедается, пожирается» другим шаманом).

У шаманов будто бы имеются настороженные луки, самострелы. У плохого шамана имеется только один самострел, у хорошего же должно быть три. Кроме того, говорят, что они имеют какие-то пики, рогатки.

Сами шаманы рассказывают, что у них бывают две собаки (невидимые их слуги). При камлании именуют их — «Хардас» и «Бётёс». У кровожадного шамана (т. е. вдохновляемого злыми духами) эти собаки, будто бы, убивают скот и людей. Взрослых людей не убивают.

Рассказывают, что некоторые шаманы имеют медведя и волка и показывают их при камлании. Волк и медведь, вероятно, бывают только у шаманов — ставленников злых духов, преисполненных жажды крови («абаасы ойуна»). У шаманов, поставленных светлыми духами, волка и медведя не бывает. Эти шаманы и не борются друг с другом.

Данилов Петр.
Остров Тиит-Ары.
30 января 1925 года.

3. Только у большого шамана бывает, по рассказам, «мать-зверь». Малые же шаманы священнодействуют мелкими зловредными духами — «юёр» ближайшего и местного происхождения.

Иванов Петр.
Остров Тоён-Ары.
13 января 1925 г.

4. Мать-зверь тунгусского шамана, по словам многих, имеет вид или чубуку (вид горной козули) с облезлой шерстью, с восемью ногами, выросшими на передней части брюха, и с копытами, обращенными назад, или самки лося, или, наконец, медведя.

У каждого шамана бывают два беса, имеющие вид собаки. Иногда, когда он хочет не допустить злых духов, то будто бы оставляет их у больного в виде своих караульных.

Шепелев Федор.
Багарахский наслег.
7 марта 1925 г.

5. В старину у хоринцев, по рассказам, жил шаман по имени Тиитэн, у него, говорят, был абаасы (бес, злой дух), имеющий вид собаки. Этот бес-собака был нужен, когда шаман совершал камлание для отыскания пропажи; собака шамана указывала, где находится пропада.

Про этого шамана также рассказывают: когда он с громким криком бросался в воду, то будто бы выпадал дождь.

Егорова Матрена.

Качикат.

10 января 1925 г.

6. По словам шаманки Кюёгэйэр-Матрены, когда она не шаманит в течение 20-ти дней, то у ней начинает погибать скот (уничтожают недовольные духи)... Духи ее через трубу юрты издают крики ворона.

Духи этой шаманки были очень кровожадные. Они съели двух детей ее младшего брата. Она говорила сама: «Лишь только найдет на меня печаль, как мои проклятые черти приходят уже с окровавленными когтями и мордами!» Опечаленная смертью своих племянников, она камланием снизошла к духу земли и заставила там наложить намордники на своих собак. С тех пор кровожадность духов уменьшилась.

Она говорила: «Если кто огорчит и заставит меня дурно мыслить о себе, то наверное у него на пепелище будет расти сорная трава» (т. е. духи помимо ее собственного желания доведут обидчика до разорения). «Поэтому, говаривала она, со мной не следует вступать в пререкание, а говорите обо всем в просительном тоне». Она имела жалостливое сердце (досл.— «солнце-подобные мысли»), при камланиях никогда не просила вознаграждения.

У здешних шаманов на колотушке бубна (иногда) бывает изображение собачьей морды. Бесы шамана будто бы этим обнюхивают (и узнают).

Павлов Капитон.

7. У каждого шамана должен быть мать-зверь, или первообраз-зверь («иньэ-кыыл», «кэп-кыыл») ¹⁾. Он по большей части представляется в виде лося, редко — в виде медведя. Этот зверь ходит совершенно отдельно от шамана; его, повидимому, надо понимать как силу огня шаманского зрения, бродящего по земле (т. е. как воплощение пророческого дара шамана, силы его прозревания, проникновения в прошлое или будущее. Г. К.).

Это мать-зверь приходит к моменту смерти шамана (т. е. имеет отношение к душе шамана).

Рассказывают, что каждый шаман имеет свой самострел, настораживаемый на других шаманов. Говорят, что у этого (невидимо настороженного лука) в качестве спускающейся при выстреле собачки, или челака, служит жена самого шамана (наверное, речь идет о душе жены, о зависимости ее жизни от этого мифического

¹⁾ Об этом поверье см. Серошевский, сс. 625—6; Васильев, Ж. Ст., 1909 г. № 2—3, с. 277. — *Ред.*

лука. Г. К.), а дети шамана будто бы служат у лука в качестве кольев, к которым прикрепляется натянутая симка (сторожельный волосок самострела). Говорят, если стрела лука промажет и не попадет в проходящего шамана (в образе мать-зверя), нога которого задела волосок лука, то жена и дети (шамана — владельца лука) должны умереть.

Рассказывают, что большой шаман (дух шамана, большего по росту и по значению, чем шамана — владельца лука) проходит мимо указанного лука, перешагивая через его сторожельный волосок, а дух маленького шамана проходит, тоже не задевая, ниже волоска.

(По якутским понятиям, охотятся друг на друга не физические шаманы, а их духи. В древности, эти охотящиеся духи, наверное, представлялись в образе их мать-зверей, но в настоящее время эти понятия сохранились только в глухих районах, население которых не только теперь, но и в глубокой древности стояло вдали от культурных центров. Результат же этой борьбы, которая ведется без ведома самих шаманов, сказывается якобы на их благополучии. Если смертельно ранен мать-зверь, то и шаман не может жить. Г. К.).

Егоров Семен.
Верхне-Виллойский улус.
28 февраля 1925 г.

8. Мать-зверь у якутских шаманов — бык, а у тунгусов, говорят, — олень. До смерти шамана его мать-зверь приходит только три раза.

У лучших, избранных шаманов, рассказывают, имеется три самострела, настроенные против других шаманов. Те из последних, которые попадут под выстрелы (речь идет о мать-звере), умирают.

Мне приходилось слышать о какой-то средне-виллойской шаманке — Алысардаах (от «алысар» — окунь), которая будто бы родила рыбу окуня.

3. Бык в шаманских мифах.

Васильев Евдоким.
19 февраля 1925 г.

1. В древности в местности под названием «Юёттээх» в нашем Баппагайском наслеге, как гласит о том легенда, родились два брата — шамана. Одного из них звали Ычым, а другого, по православному, Басылай (Василий). Однажды Ычым похитил у верхне-виллойского шамана Бёлюёкэ-Уола запас сушеной рыбы — «хотчу» и съел все. Это послужило поводом для вражды между ними.

В один вечер Ычым, раздеваясь, чтобы лечь в постель, сказал домочадцам:

«Да, видимо, приблизился час, когда мой враг Бёлюёкэ-Уола покончит со мной (дословно — «съест»); люди, ходящие под моим солнцем, когда буду с ним биться, придите ко мне на помощь — кто с ледоколом, кто с рогатиной! Только держитесь всегда позади меня и ни под каким видом не заходите вперед!».

Так сказавши, он разделся и лег, но тут же перекатился на пол и с бычьим ревом стал рыть руками землю (как это делает пороз перед тем, как вступить в бой с противником). В этот момент из середины его тмени вырос один рог. Продолжая рыть землю рогами, он вырыл яму под дверным порогом и через это отверстие вышел на двор. Домашние наблюдали за ним и видели, как он в единственном числе, изображая из себя быка, с тяжкими стонами бодался с невидимым противником. Люди, испуганные происходящим, все попрятались.

Наконец, прекратив борьбу, он вошел в юрту и заплакал со словами:

«Как же это вы на виду позволили забодать меня бесовскому сыну?».

Через некоторое время все основание его шеи оказалось кругом распухшим. Оттого он вскорости умер.

Со смерти шамана прошло два-три года. Как-то раз на озере Арыылаах случилась рыбная ловля; ловили сачками. Собрался народ и в числе их был старший брат умершего шамана — Басылай.

Вдруг народ видит надвигающийся вихрь; крутящийся снег столбом взвивался до небес. Глядя на этот вихрь, Басылай сказал:

«Эй, острие моих рогов, лезвие моего оружия, моя собачка Юнюгэс, кажись, она бежит, держа в зубах черепную кость Бёлюёкэ-Уола? И мы, значит, не остались сидеть и досадовать, как рыболов перед озером, не имеющий в руках сачка и длинного шеста!» (Поговорка, выражающая чувство бессильного гнева. Г. К.).

(Сам рассказчик на вопросы поясняет: «Юнюгэс» — это общеупотребительное имя охотничьей собаки. Охотники, находясь в тайге, свою собаку из почтения и жалеючи кличут этим именем, скрывая настоящее» Г. К.).

Борисов Михаил.

Селенне Нюрба.

7 марта 1925 г.

2. В древности в Удюгейском улусе в наслеге Мэйик жили два брата, известные шаманы. Старшего из них звали Лагларыйа-шаман, а младшего — Сабькы.

Однажды появилась оспенная эпидемия. Заболел оспой также и младший шаман. В начале эпидемии попросили старшего брата камлать над больными. Младший, лежа в постели, предупреждал брата, говоря:

«Тебе не следует вступать в состязание с духом оспы (досл. — «бодаться» с ним, как если бы речь шла о борьбе двух быков), ты этим учинишь непоправимое бедствие! Он истребит весь наш народ!».

Но брат не послушался и стал бодаться.

Прежде чем выйти на двор для борьбы с духом оспы, шаман сказал жене:

«Какой бы шум, стук и гром ни происходил на дворе, ты не выходи смотреть!».

И вышел. Но голоса борющихся были столь ужасны, что женщина не вытерпела и, вопреки запрету, приоткрыла двери юрты, чтобы видеть происходящее. Она увидела двух бодающихся быков, один из них был голубо-пестрой масти, а другой рыже-пестрой. Когда женщина выглянула за дверь, ее муж чуть-чуть повернул свою голову, чтобы краем глаза взглянуть на нее. Его противник, воспользовавшись этой оплошностью, всадил свои рога у основания его шеи. Через два-три дня шаман умер.

От той оспы в роду шаманов вымерло сорок человек, остались в живых только двое. Про этих двух младший шаман будто бы говорил:

«Их спас я, укрыв своим телом (досл. — «держу их под своей печенью») и спустившись с ними в недра своей воды «гибели».

И этот шаман вскоре умер от оспы.

В настоящее время живет один шаман по имени Сонгкур, который говорит, что он будто бы возник из воды того самого Лагларыйа-шамана (о котором рассказано выше). И он тоже говорит: «Если придет оспа, то и я зря не останусь!».

Руфов Александр.

Верхне-Вилуйский улус.

5 марта 1925 г.

3. Один шаман в нашем 2-м Удюгейском наслеге по имени Бодонгкос, по прозвищу Огусар-Ойун, рассказывал, что он бодался с духом оспы, приняв вид голубо-пестрого быка. Он говорил: «Я чувствовал, что могу быть равным ему по силе противником, но дело испортила моя жена, которая открыла двери юрты, чтобы взглянуть на нас. Благодаря последнему обстоятельству он осилил. Мое сопротивление разгневало духа оспы и имело результатом то, что из моей семьи погибло семь человек (от оспы)!».

Лукин Александр.

11 февраля 1925 г.

4. Когда-то в древности жил, говорят, предок всего Мытахского наслега — шаман по имени Наачабыл. Есть будто бы «Госпожа» (так якуты называют духа оспенной эпидемии, боясь прозвонить ее собственное имя. Г. К.). Однажды она пришла к этому шаману. И вот они бодались у озера под именем Наачабыл. Шаман превратился в голубо-пестрого быка-пороза, а Госпожа (оспа) тоже оборотилась быком.

Рассказывают, что ни один из противников не одолел другого, оказались равными. Разошлись будто бы, заключив договор больше не встречаться. Госпожа дала подписку никогда не бывать среди потомков шамана.

Среди Мытахских якутов, которые являются потомками этого шамана, оспа никогда, действительно, не бывала.

Самсонов Спиридон.

Селение Нюрба.

6 марта 1925 г.

5. В старину, когда мне было десять лет, пошел я однажды в Одейцах на камлание шамана Павла. Я помню, как во время камлания шаман вдруг, бросив свой бубен, стал издавать бычий рев и, ставши на четвереньки, обеими руками стал рыть землю. Затем, мне показалось, как над обоими ушами на голове появилось что-то красное, длиною приблизительно с четверть. Говорили, что это рога. Издавая протяжный бычий рев, рогами он стал ковырять землю, было видно, как большие комья глины полетели на стену. До этого он приказал прикрыть горящие угли пеплом и было темновато. Потом рога как будто, исчезли.

Затем, он попросил у присутствующих нож, но никто ему не дал. Тогда, подставляя свой бубен отверстием вверх, он стал сильно бить в него около выходных дверей у края матицы. Вдруг раздался стул в бубен чего-то падающего сверху. И тут же у него в руках очутился нож с черенком. Я сильно испугался и спрятался. С тех пор закаялся ходить на шаманское камлание.

Васильев Евдоким.

Средне-Вилуйский улус.

19 февраля 1925 г.

6. У меня была бабушка по имени Мэпичиэйэ, которая умерла 50 лет тому назад, когда мне было только 15 лет. При кончине ей уже перевалило за сто лет. Она родом была из Якутского округа — Джобулга, с острова Тоён-Арыы.

Я помню рассказ этой старухи, она говорила: «Старинные люди (якуты) делали своим божеством («тангара гыналлара») пороza (быка производителя) и называли его «Буга-божество»²⁸.

Когда приезжала с поезжанами новая невестка, пороза вводили в юрту, и молодая невестка, прячась за ним, проходила в особое крытое отделение юрты — «хапахчы».

Весной, когда (невестка) впервые заквашивала «суорат» (род простокваши), она срезала у пороза клочок шерсти из его «сюёк'а» (наружный половой признак, но здесь рассказчик понимает шерсть на брюхе вокруг последнего Г. К.) и примешивала к суорату. Из того суората никому не позволяла даже отведать. На следующий день освященным суоратом она окропляла пороза: сначала вливала ему в рот, затем кропила по загривку, на спину и дальше до производительного органа. Только по завершении этого обряда она разрешала нам кушать из запасов суората.

VI. ПОСВЯЩЕНИЕ В ШАМАНЫ ¹⁾.

Затеев Софрон.
Остров Тойн-Ары. Джобулга.
17 января 1925 г.

1. Как только кандидат по окончании рассекания встанет с ложа, тотчас же призывает он другого шамана. Этот последний должен знать тот сучок (на священном шаманском дереве), где лежит, воспитываясь, душа будущего шамана.

Бывает особая луо-рыба ²¹ «источника смерти и несчастий» («ёлёр ёлюю луо балыга»), имеющая одну голову и два хвоста. Вскормив слизью этой рыбы воспитываемую душу (кандидата в шаманы), посвящающий шаман обязан поднять ее с гнезда, чтобы новый шаман мог приступить к священнодействию.

Есть, говорят, особый горный хребет, куда поднимаются от горы Джокуо по проходу Чёнгкёйдеёх-Аньяга. ²² Кандидат в шаманы (повидимому, речь идет о душе) вместе с обучающим шаманом должны подняться на этот хребет.

Шаман-учитель идет впереди, а кандидат позади. Учитель во время этого пути наставляет кандидата и показывает ему узлы дорог, ведущих к разным голым мысам, где находятся источники человеческих болезней. Потом шаман-учитель приводит душу в дом. Здесь оба надевают шаманские плащи и совершают камлание. При этом наставник, дойдя до дорог тех или

¹⁾ Обряд посвящения шамана описывает Приклонский, который приводит полный текст «присяги», произносимой посвящаемым (Ж. Ст., IV, сс. 50—2; Изв. ВСОРГО, т. 17, № 1—2, сс. 96—8). См. также Припузов, сс. 64—5; Трошанский, с. 147. Из других народов особой торжественностью отличается и носит широко общественный характер посвящение шамана у бурят (см. Агапитов и Хангалов, Изв. ВСОРГО, т. 14, № 1—2, сс. 46—52). Более простые обряды посвящения существуют у тунгусов, гольдов, самоедов, шорцев, повидимому, у алтайцев. У прочих народов Сибири об особом ритуале посвящения шамана почти ничего неизвестно, и вероятно, что у многих из них (как у чукок, коряков, гиляков, енисейцев) такого ритуала нет вовсе. — Ред.

других злых духов, указывает, какая часть тела шамана какой болезни (или какому бесу) соответствует и имеет лечебную силу. Каждый раз при указании таких мест наставник плюет в зев кандидата, который должен проглатывать эту слюну. Таким образом, кандидат, узнав все дороги «несчастий нижнего места», возвращается (восходит) домой на среднее место.

Если у шамана-ученика плохой, невосприимчивый организм («кусаган кииль этгээх»), то злой дух будто бы хочет взять (т.е. умертвить) его самого. Тогда шаман-учитель взамен главных костей шамана должен дать, обречь на смерть кого-нибудь из его родни, по одному человеку за каждую кость. (напр., взамен черепа — одного человека и т. д.).

Человек (призываемый к шаманству) с невосприимчивым организмом в нижней болотистой местности («Нуодагай Сибиргэ») увязает, погружается; тогда шаман-учитель должен взять (кого-либо) из его родни («агатын уусуттан»), из отцовского рода, и перебросить в виде мостика, чтобы по нему им обоим возможно было перебраться через топкую полосу в стране нижних духов.

Кандидат в шаманы со своим учителем восходят²³ (камланием) в верхнюю страну (юёсээ дойдуга) к духу по имени Юёлэн-Куньяас, имеющему жеребца (или жеребцов) с крыланом на оплечьях («Бар-Джагыл атыырдаах Юёлэн Куньяас»²⁴).

У шамана бывает (вернее, — «должна быть») так называемая «священная плоть», выросшая на темени («ытык эт» — дословно — чтимое мясо). Еще раньше, при рассекании тела духами, отрезанные и разбросанные части этого мяса шаман-учитель собирает и обратно прикладывает на место. При этом говорит: «Это в таких случаях (болезнях) бывает целебно», затем плюет в зев его (посвящаемого).

Есть духи рода Чээгэй, причиняющие глазные болезни. Раньше кровеносные сосуды шамана, оказывается, будучи разрезаны там, на месте пребывания упомянутых духов, тоже разбрасываются. Шаман-наставник, собрав эти части, прикладывает их обратно на место и также плюет в его (будущего шамана) зев.

Теперешние шаманы не совершают обряда посвящения, они обычно говорят — «Нет шаманов, которые могли бы, были бы в силах посвятить нас».

Рассказывают, что посвящаемым в шаманство предлагается самим выбрать одно из двух: или посвятиться от духов «источника гибели и смерти»²⁵, или же посвятиться от духов «исцеления и спасения».

Затем шаманы, будто бы, должны там показывать свои десять пальцев.

Егорова Матрена.

Качикат.

10 января 1925 г.

2. Нового шамана может посвящать на служение только шаман, который сильнее чем он.

Здесь у нас был новый шаман Сэмэнчик. Он прежде чем стать шаманом тяжело прохворал одно лето. Говорили, что уже умирает, лишился речи. Приводили к нему шамана по имени Саха-Басылай — «поднимать душу». Тот, рассказывают, (сделал ошибку) стал поднимать душу, как если бы он был простой человек. Поэтому не смог; наоборот, его душу глубже спровадил в воду смерти и гибели.

В прошлом году Сэмэнчик пригласил шамана Джаллсыын с острова Тиит-Ары и заставил совершать посвящение. Оба вместе (по этому поводу) прокамлали три дня.

Рыкунов Осип.

Остров Тоён-Ары. Джобулга.

17 января 1925 г.

3. Нового шамана должен посвятить на служение «усуйар» — старый, опытный шаман («усуйуу» — не есть обучение в педагогическом смысле, как думают некоторые этнографы, а по своей сути является церемонией представления нового служителя его предкам-духам. Г. К.). Последний должен совершить камлание и с убиением жертвенной скотины тому духу (или сонму духов), у которого была водворена на воспитание душа шамана, вытащить оттуда эту душу. (Рассказчик в данном случае ошибается; описанный им обряд по большинству других показаний называется «кётехерюю», что значит «поднятие» души и тела шамана. Обряд «усуйуу» — посвящение совершается после «поднятия», о чем он говорит ниже. Г. К.).

Затем оба совершают камлание — восхождение по разным местам. Посвящающий при этом указывает новому шаману дороги всех несчастий.

VII. ЛЕГЕНДЫ О ДРЕВНИХ ШАМАНАХ.

1. Шаман Сынгаага-Суох.

Егорова Матрена.
Качикат.
10 января 1925 г.

Когда-то давно жил, говорят, у нас один шаман; как его первоначально звали неизвестно, но позже получил прозвание—Сынгаага-Суох (в перев. — без челюстей). По поводу получения им этого прозвания передают следующий рассказ.

Одновременно с этим шаманом жил, будто, другой человек по имени Биэстээх-Бочоох (имя языческих времен).

Однажды упомянутый шаман в сопровождении двух-трех всадников ехал из Жемконцев. По дороге он увидел Биэстээх-Бочооха, охотившегося на кротов, и проехал мимо, не побеседовав с ним. (Это является тяжким оскорблением человека. Якутское приличие требует со всяким встречным, безразлично знаком или нет, вступать в беседу, перекинуться несколькими словами официального приветствия. Г. К.). Шаман, проехав дальше, завернул с провожатыми в дом того же Биэстээх-Бочооха.

Вслед за шаманом пришел в дом и сам хозяин; увидав на дворе коней, он тотчас же узнал своих гостей.

... (К сожалению, в середине моей записи оказались досадные пробелы, которые затемняют развитие сюжета рассказа. Пропущенные места своевременно под свежим впечатлением не были заполнены, в виду чего теперь трудно связать обрывки предложений. Темные места записи приблизительно можно понять так: у Б.-Бочооха были сыновья, которые все были дома. Отец в присутствии посторонних приказывает сыновьям приготовиться к убийству шамана—оскорбителя его чести, передавая все это индифферентно—югэннэн (притчами). Вместо того, чтобы сказать—нужно убить шамана—говорит: «Введите в юрту нашего четырех- травного конька и заколите, чтобы почтить приезжих гостей». (Тут

скрытая еще ирония по поводу оскорбления его чести—уважить того, кто его не уважил). Сыновья должны были понять намеки отца, так как у них и не было вовсе четырех-травного конька. Дальше обрывки фраз (повидимому, говорят гости): «Мы заехали погостить ради твоего громкого имени»... «тихо спокойно уснули»... «те тогда страшно испугались»... Затем запись делается отчетливой и полной. Г. К.).

Вот Биэстээх-Бочоох начал кромсать тело убитого шамана, разделил его по всем суставам и куски разбросал, развеял повсюду. Но бесы шамана все эти кости собрали и убитый шаман чудесно ожил.

Биэстээх-Бочоох, вторично встретив его, снова убил, изрезал и рассеял по земле его тело. Но шаман опять воскрес.

Биэстээх-Бочоох и в третий раз поймал шамана, когда тот старался убежать от него, углубившись в землю. На несчастье в междуножье шамана полал корень дерева. Биэстээх-Бочоох снова разрубил его на мелкие кусочки, а челюстную кость сжег на костре. Шаман и в третий раз воскрес, но вместо сожженной челюсти вложили ему челюсти телянка.

Вот почему он и получил прозвание — «шаман без челюстей». Он еще долго прожил после этого.

Перед смертью он сказал своему сыну: «Посади меня на са-лазки и потащи на них к устью реки Ботомы» (приток Лены, впадает тут же, где живет рассказчица). Сын исполнил просьбу отца.

Когда он притащил его к озеру (у устья Ботомы есть озеро с нетающим, вечным льдом), отца его вдруг не стало.

И теперь жители Ботомы коров не призывают «мээканием» (якуты телят и вообще рогатый скот иногда призывают, подражая мычанию коров... мээ.. мээ... ээ!.. Г. К.), боясь, чтобы не откликнулся дух того шамана.

У Биэстээх-Бочооха теперь не осталось потомков, его род прервался. (Предполагается, что он судьбою покаран за свое преступление).

2. Шаман Бюкэс-Юллэйээн.

Данилов Иннокентий Иванович.

Джобулга.

— 17 февраля 1925 г.

В древности, по преданиям, рассечение тела шаманов при их становлении совершалось воочию.

О том, как стал шаманом Бюкэс-Юллэйээн, который позже служил наследным князем, рассказывают так. Отец его—легендарный шаман Бигэк-Джаарын. Кроме Бюкэс-Юллэйээна у последнего был еще сын Багарах. Оба брата жили на острове Тиит-Ары.

Однажды Бюкэс-Юллэйээн, который до того был обыкновенным человеком, в сопровождении одного товарища отправился на ветке на остров Тоён-Ары на сенокос. В пути, когда они доплыли до устья речки Улахан-Аан (впадает в Лену между селениями Еланским и Тоён-Аринским), с запада поднялась темная туча, сопровождаемая громом и молнией. Заволокло все небо и пошел проливной дождь с градом. Поэтому они вытащили свои ветки на берег в местности Барчах и, накрывшись ими, стали пережидать погоду. Но в это время разразился страшный гром и упавшей молнией Бюкэс-Юллэйээн был разбит и искрошен на мелкие кусочки. Голова его отделилась от туловища, но однако, была цела. Товарищ, оставшийся цел и невредим, собрал и скучил в одно место искрошенные части тела. Положив тут же голову, он накрыл веткой, а сам на своей ветке переправился на остров к одному сенокосчику—Буорках, чтобы позвать людей и положить на арангас тело убитого товарища.

Когда он спустя некоторое время в сопровождении одного человека прибыл обратно, в той самой местности, где оставил тело убитого молнией, заметил дым от костра. Вышли на берег и видят перед собой убитого, который был совершенно здоров. Он даже поставил котел к огню и поправлял костер. Пришедшие от изумления и страха, что может быть это—тот злой дух, который причинил смерть, стали пристально вглядываться, потом попятись назад. Но стоящий у костра заговорил:

«Что же ты стоишь, подойди! Разве ты не мой спутник Юкэс (имя)?».

Последний ответил:

«Я прибыл, чтобы собрать и сохранить тело убитого».

«Нет, я воскрес! С неба спустился Сююлэ-Хаан (обычно говорят, что С. Х.—особый бог грома и молнии, но, по видимому, это иное наименование бога неба Уордаах-Джэсегёйя, т. н. предка конного скота) и подверг мое тело рассеканию. Теперь я восстал уже шаманом и вижу вокруг все то, что совершается на расстоянии 30-ти верст. Моего брата Багараха одновременно подвергли рассеканию в местности Куогал, и мы оба стали шаманами».

С тех пор оба брата, действительно, стали шаманами. Шамана Багарах зовут еще «Тимир Чарапчылаах» (носящий над глазами железный козырек). Он носил козырек потому, что его взора не переносили ни люди, ни скот (умирали).

Бюкэс Юллэйээн перешел к Бёртюнскому наслегу (2-ой Мальжер) и считается предком рода Джараас, а Багарах к Тиит-Аринскому (4-й Мальжер. наслег), где он является предком фамилии Аркадиевых.

Оба шамана и их отец Джаарын похоронены на арангасах. Арангас последнего возведен на 9 столбах, а Бюкэс-Юллэйэна на 12 столбах, из которых шесть обделаны из растущих деревьев, а шесть вкопанные столбы. Арангас Б. Ю. покрыт тесом и имеет разное украшение.

Этот арангас был «поднят» (т.-е. возобновлен) два раза. В дальнейшем он должен быть поднят еще раз, а на четвертый, когда могила сгниет и свалится, кости шамана погребаются в земле.

3. Шаманка Кюёгэйэр Мотуруона.

Егорова Матрена.

Качикат.

10 января 1925 г.

Шаманка Кюёгэйэр-Матрена перед смертью, будто бы, сказала: «Если моя смерть будет сопровождаться ветром и бурей (досл.—«если я отправлюсь с ветром и бурей»), то в этот край не возвращусь больше и мои люди будут жить счастливо». И действительно, когда она умерла, случился страшный ветер, который повалил много деревьев и побил в домах окна. Кроме того, в ночь ее смерти подохла одна корова, а в день похорон от вихря погиб один конь.

Умерла она десять лет тому назад.

Перед смертью она сама выбрала место, где ее нужно похоронить. Ее люди там выкопали могилу, но живущие около того места хозяева не разрешили хоронить. Поэтому в той яме зарыли собаку, а шаманку похоронили в другом месте.

После смерти этой шаманки в местности Кёйюгюйэ, где она имела постоянное местожительство, люди на льду озера видели лежащих трех медведей²⁶. Говорили, что это будто бы бесы той шаманки. По слухам, ее бесы были тунгусского происхождения (дословно—«ее схватили, снизошли на нее тунгусские бесы»).

4. Шаман Бётюрюю.

Слепцов Кузьма.

Январь 1925 г.

В Немюгинском наслеге не особенно давно был шаман Бётюрюю. Про него рассказывали: перед тем как стать ему шаманом, духи привели его на гору около местности Тураахтаах-Аана и там рассекли его тело на части. Голову, отделив, повесили на одну лиственницу, а четыре конечности на другую. Все это он сам видел во сне. В эту пору он лежал дома в течение трех суток в обмороке.

По рассказам, кровь шамана, подвергнутого рассеканию, собирают и, завернув в свежесодранную бересту, поручают чистому отроку или старцу, который не спит с женщиной, повесить на ветви большой лиственницы.

5. Шаман Бютэй-Илии.

Павлов Капитон.
Маганы.
17 февраля 1925 г.

Когда-то давно жил, рассказывают, шаман по имени Бютэй-Илии, из какого улуса неизвестно. Когда он устремлял свой взгляд на скот и людей, то все они погибали. По этой причине его привязали к дереву и в таком виде оставили на три дня среди роя комаров. Так люди будто бы мучили его в наказание. Но, однако, с шаманом ничего не случилось. Говорят, что у него пальцы на руках и на ногах были сплошь сросшиеся. Потому-то якобы, он и получил имя Бютэй-Илии («сросшиеся, цельные руки»).

6. Шаманы-перерожденцы ¹⁾.

Попов Василий.
Хаданский наслег, Хочинского улуса.
22 марта 1925 г.

1. В Мархинском улусе когда-то давно жил шаман по имени Ааджа. О нем рассказывают так:

Жили два брата, одному из них было 30 лет, а другому 20. Родители их умерли раньше. Вот однажды младший брат, живя вместе со старшим, женился. Как раз в этот же год весной родился у них красно-пегий жеребенок. По всем признакам жеребенок обещал быть хорошим конем. Осенью того же года младший брат захворал и умер. Но, лежа мертвым, он слышал все то, что говорили окружающие, чувствовал себя как бы уснувшим, хотя был не в состоянии ни шевельнуть членами, ни сказать что-либо. Отчетливо слышал, что делают гроб и копают могилу. Так, лежа, он, будто живой, горевал о том, что собираются хоронить его, тогда как он мог бы еще ожить. Его уложили в гроб, спустили в могилу и засыпали.

Лежа в могиле, душа его плакала и рыдала (досл.—сердце рыдало). Но вдруг он слышит, как наверху кто-то начал разры-

¹⁾ Вера во вторичное рождение умерших шаманов; кажется, никем из исследователей ранее не отмечалась, ни у якутов, ни у других шаманистов. Зато очень распространено близкое к этому поверье о том, что в шамана вселяется дух его предка (тоже шамана); кроме якутов (см. Троцанский, сс. 139—140 и др.), это поверье есть у алтайцев, бурят, тунгусов. — Ред.

вать могилу. Обрадовался, думая, что это старший брат, удостоверившись, что он еще жив, хочет его вырыть. Наконец, открылась крышка гроба... и он увидел четырех черных людей, раньше ему незнакомых. Подняли и, погнув его тело, усадили (на гроб), обратив лицом в сторону его дома. Там в окно был виден огонь, из трубы шел дым.

Неожиданно где-то далеко, в глубине земли послышался рев пороза. Рев становился все ближе и ближе. Наконец, затряслась земля, и это сильно его испугало. Из глубины его могилы показался бык сплошной черной масти, с близко сходящимися рогами. Бык захватил сидящего человека между рогов и спустился обратно по тому самому отверстию, по которому он только что поднялся.

Добрались до места, где был дом. Изнутри дома послышался голос как будто старика, сказавшего: «Эй там, парни, видимо, наш сынок принес человека, выходите-ка (скорей) и занесите (его ношу)!» Выскочили черные, сухопарые люди и, захватив принесенного, внесли в дом и посадили его на ладонь старика. Последний, подержав на весу, чтобы определить его тяжесть, сказал (окружающим): «Вынесите его обратно наверх, оказывается, судьба назначила ему зародиться там наверху!» Бык, снова захватив рогами, вынес его обратно по старому пути и усадил на прежнее место.

Когда он (живой мертвец) опомнился, уже настала ночь и было темно. Немного погодя, вдруг (откуда ни возьмись) прилетел черный ворон и, просунув свою голову между ног, поднял его и полетел вместе с ним прямо наверх. Там было отверстие и по нему вылетели они в одно место. Тоже светили солнце и луна, а дома и амбары были из железа. Здешние же люди все имели головы воронов, а тело их было человеческое.

Опять послышался изнутри дома как будто голос старика: «Эй, парни, наш сынок, видимо, притащил человека, выходите и занесите его!» Выскочившие парни схватили и внесли его в дом. Там усадили на ладони седовласого старца. Последний, испытав на ладони его тяжесть, сказал: «Парни, возьмите-ка его и положите на самое верхнее гнездо!»

Там стояла листовница, размеры которой трудно с чем либо сравнить: верхушка, наверное, достигала до самого неба. У основания каждой из ее ветвей было по гнезду величиной с добрый зарод сена, покрытый снегом. Положили его на самое верхнее гнездо.

Когда уложили, прилетел крылатый олень белой масти и сел на его гнездо. Соски оленя как раз приходились ему в рот. Он стал сосать их. Лежал тут ровно три года и чем больше сосал он оленя, тем все меньше и меньше становилось тело, пока, наконец, не стало с наперсток.

Лежа у себя в гнезде, однажды он услышал голос того же старика, который говорил одному из своих сыновей: «Паренек, спустись-ка на среднюю землю и вернись, взяв оттуда жену себе!» Спустился вниз один из его вороноголовых сыновей. Спустя некоторое время вернулся, держа за волосы женщину со смуглым лицом. (По поводу этого события) все были рады, устроили (даже) пиршество и плясали. Затем услышал (лежащий в гнезде) голос, говорящий: «Как бы тот наш сын, который живет в средней земле, поднявшись, не похитил эту женщину, запрячьте ее в железный амбар!» Заперли ее в такой амбар.

Дальше, лежа у себя в гнезде, он слышит гром шаманского бубна в средней земле, донеслись и звуки пения; они постепенно росли, становились ближе и ближе и, наконец, в выходном отверстии снизу показалась голова. Видит, человек среднего роста, ловкого сложения, с уже седеющими волосами. Едва поднявшись, он приставил поперек ко лбу колотушку своего бубна... Вслед затем тотчас же превратился он в быка с единственным рогом, выросшим из середины лба, одним ударом сбил двери того амбара, где была заперта женщина, и вместе с ней спустился вниз. Тут же вслед за ним раздались плач и рыдания, шум и гам.

Сын старика снова спустился на среднюю землю и вынес оттуда другую, белолицую женщину. Ее тоже запрятали, уменьшив предварительно в крошечное насекомое земли, у среднего столба юрты. Однако опять послышались звуки бубна и пение шамана. И на этот раз (шаман) нашел запрятанную женщину, раздробив столб, где она находилась, унес ее вниз. Сын старика спустился в третий раз и вернулся с той же женщиной. На этот раз (верхние люди или духи) заранее приготовились: у выходного отверстия зажгли костер и, держа в руках горящие головни, стали около. Когда показался в отверстии шаман, они, ударя головнями, спровадили его обратно (на землю).

Наконец, лежащий в гнезде к концу третьего года слышит раздавшийся голос (старика): «Года его исполнились, то (наше) дите низриньте вниз (на среднюю землю), пусть, внедрившись в женщину с таким, то именем, родится он и прогремит там, ставши известен под именем, данным нами, — «Ааджа-шаман» — и имя это все да не произносится в священный месяц!» (Аар саарга ааттаммат).

И вот с песнями и благословениями низринули его вниз (на среднюю землю). С этого момента он потерял сознание и не помнил, где и как пребывал. Только вступив в пятилетний возраст, восстановил он в памяти, вспомнил, как раньше родился и жил на земле, как возродился наверху, как был он там очевидцем явлений шамана.

Семи лет от роду он был одержим духами, невольно воспевал, и был рассечен на служение, восьми лет стал шаманить —

совершать священную пляску, девяти лет был уже известен, об нем ходила молва, а двенадцати лет стал великим шаманом.

Оказалось, что он родился всего в 15-ти верстах от того места, где жил в первое свое рождение, жена его уже вышла замуж; побывал и у своего (прежнего) брата; тот самый пегий жеребенок, который родился в год его смерти, уже стал знаменитым конем. Родные не узнали его, и он сам им не сказал ничего.

Однажды летом один хозяин устроил праздник «ысыах» (освящение кумыса), сопровождавшийся обрядом вознесения вверх души конного скота. Он встретился там с тем самым шаманом, который поднимался наверх (когда он лежал в гнезде). Тот его сразу узнал и говорит: «В первый раз я в качестве помощника помогал шаману «поднять» душу больной женщины и видел, как ты, лежа в гнезде на девятом суку, сосал своего мать-зверя. Тогда ты выглянул из гнезда». Услышав эти слова, молодой шаман разгневался, говоря — «Зачем разглашаешь секрет (моего рождения)?» В ответ на это другой возразил: «Если питаешь злобу на меня, то уничтожь! (дословно — «съешь»). Я воспитался раньше на восьмом суку той лиственницы, где воспитался и ты; я снова должен возродиться, воспитавшись у Хара-Суоруна⁵ (Черного-Воронова)».

Рассказывают, что молодой шаман в ту же ночь умертвил того старого шамана (невидимо умертвили, пожрали шаманские души).

Этот рассказ я слышал от одного глубокого старца из Енгельжинского наслега.

Петров Иван.

Верхне-Вилойский улус.

9 марта 1925 г.

2. Знаменитый шаман в своем роде перерождается три раза. Про Таркайского (название наслега в Мархинском улусе) шамана Ааджа-Ойуна рассказывают, что он после смерти родился среди Солонгских тунгусов в образе шаманки по имени Кысылтай-Удаган. Говорят также, что недалеко то время, когда он должен переродиться и в третий раз.

Попов Иван.

Нюрбинский улус.

11 марта 1925 г.

3. Рассказывают у нас, что (имеющий стать) шаманом отправляется на какую-то гору под названием — «Солнце-Гора», «Месяц-Гора», и там, лежа на свежесодранной бересте, подвергается рассеканию, при этом рождает (как женщина).

Затем говорят, что шаман после смерти воскресает. Был у нас легендарный шаман по имени Аялга. Он (давно умерший), говорят, ныне снова родился среди народа, ездящего на собаках.

Он (там) якобы говорит, что — «та земля, где я (когда-то, в период первого рождения) играл, именуется «Отордообут», место, где тогда скакал, носит название «Булгунняхтаах», а то место, где я пробегал на одной ноге, называется «Кыыс Юнгкю-юлээбит».

Действительно, у нас в Кукакинском наслеге есть места с приведенными названиями.

VIII. ШАМАНСКИЕ ЧУДЕСА ¹⁾

1. Отыскание дороги в темноте.

Иванов Петр Степанович.

г. Якутск.

21 декабря 1924 г.

Во втором Мальжегарском наслеге не так давно жил шаман Иван Иванов, по прозванию Кюстэх-Ойун.

Однажды он, только что ставши шаманом, ехал с покойным стариком Григорьем Атыысыт и с одним молодым парнем. Они ехали с левого берега Лены на остров Тиит-Арыы к местожительству Атыысыт. Дело было зимой. В пути их застала ночь, и в темноте, сбившись с дороги, они не знали, как отыскать жилой дом. Был сильный мороз, все основательно продрогли. Приставший конь еле двигался. Старик Атыысыт говорит шаману:

«Ну, мы тут, повидимому, околеем от мороза! Что же ты именуешь себя шаманом, призови на помощь свое колдовство?»

Тогда шаман обратился к другому спутнику:

«Эй, паренек, иди-ка вон туда! Там на островке найдешь три тальника, растущих рядом; из среднего из них отломи талину толщиной с большой палец и принеси мне!»

¹⁾ Рассказы о шаманских чудесах чрезвычайно многочисленны и разнообразны у всех народов-шаманистов. Шаманам, особенно древним, приписываются самые фантастические и невероятные способности. Основой для подобного народного творчества служат те фокусы, какие проделываются шаманами во время их камланий. Об этих фокусах якутских шаманов см. Smelin, В. II, pp. 494—6; Сарычев, т. I, сс. 30—1; Описание якутов, сс. 273—4; Серошевский, сс. 629—31.— Вера в чудеса, производимые колдунами, шаманами, жрецами, пророками и богами, является неотъемлемой частью всякой религии, и христианство, как и ислам, и другие высоко развитые религии несколько не отличаются в этом отношении от примитивного шаманства. См. также примечание 27 в конце книги. — Ред.

Парень, сойдя с саней, побрел по снегу и принес талину. Шаман попросил его пестро изрезать эту талину.

Шаман, взяв талину, сказал:

«Ну, вы отойдите назад!»

Затем с тальником в руках он что-то прошептал, стоя на одном месте, три раза быстро перевернулся и стал бить им по снегу. Тотчас же откуда-то явился синий огонь величиною с глиняный горшок и, мерцая, остановился перед ними. Шаман сказал:

«Теперь поезжайте за ним следом, он не убежит и не исчезнет».

Огонь пошел перед ними, указывая дорогу. Скоро увидели изгорода и дом Атыбсыта. Огонь тут бесследно пропал.

2. Вызывание смерти скота.

Однажды Кюстэх пришел в дом к Тэрбээт-Михаилу. Жена последнего отличалась большой скупостью. Шаман попросил ее сварить мясо и угостить. Та сослалась на отсутствие мяса. Шаман на это возразил:

«Ну, тогда немножко подождите, будет у вас и мясо».

С этими словами он вышел и пошел дальше. Вслед за его уходом зараз подошли у них бык и корова.

3. Исцеление бесноватого.

В старину в Малтанцах один человек захворал умопомешательством. В продолжение целых пяти лет родные обращались к разным шаманам, но безрезультатно. Наконец, они призвали Кюстэх-шамана.

Когда шаман только-что прибыл и сидел в юрте, приехал один пьяный человек и, взглянув на шамана, сказал:

«Ваш знаменитый Кюстэх-шаман вот сидит, да? Такова его наружность и одежда? Фу, какая дрянь!»

Кюстэх, слыша все это, промолчал. Домохозяйева были очень смущены и постарались, угостив пьяного гостя водкой, поскорее спровадить. Но не прошло несколько минут, как он вернулся. Снова проводили, но он вторично явился. Опять умолили уехать, дав ему провожатого. Однако и на этот раз возвратились оба, ибо лошадь, на которой они ехали, отойдя с версту, издохла. Тот пьяный человек, обращаясь к шаману, сказал:

«Ведь это он, сгинули бы его пара сверкающих очей, каждый раз возвращает меня обратно!».

Наконец, шаман приготовился к камланию и предупредил домохозяев:

«Когда сойдет мое сильнейшее божество («кююстээх тангарам»), как можно поспешнее снимите запоры с темницы вашего больного».

Вот Кюстэх вселил в себя главное божество. Тотчас же домашние отложили запоры с дверей каморки, где сидел взаперти сумасшедший. Тот выскочил с громким криком и бросился на шамана. Последний, выпятив грудь, откинулся назад и дунул ему в лицо. Сумасшедший тут же упал в обморок. Шаман подошел к нему, колотушкой бубна несколько раз легонько ударил по лбу и сказал:

«Настало время подняться тебе, встань!»
Больной тотчас же поднялся. Шаман сказал ему:
«Ну, хочешь выпить чаю, пойдем сядем за стол?»
Стали чаевать. Больной уже был здоров.

4. Вознесение на небо.

Когда шаман Кюстэх ставил небесным духам священный конный скот и камланием возносил их на небо («ытык дабатар»), то люди явно видели, как он возносился на небо.

5. Хождение по водам, как по суше.

Слепцов Кузьма.
Тиит Ары.
Август 1922 г.

Давно, когда-то в Качикатском наслеге жил шаман, который известен под именем Качикаат-Ойуна. Про него ходят разные рассказы.

Однажды он пришел в Немюгинский наслег и попросил тамошнего шамана Солколоох быть его спутником. Последний согласился. И оба шамана пошли по разным местам.

Качикатский шаман, подвязав к ногам пестро-изрезанный тальник, перешел через Лену шагом, точно по суше. А шаман Солколоох, стоя на одном берегу, с противоположного берега, причмокнув, привел пустую лодку и переехал на ней через реку.

6. Чудесное доставание пищи.

Оба шамана прибыли в Таттинцы. Там в одном месте происходила свадьба. Шаманы зашли в юрту одной бедной старушки. У последней нечем было угостить своих гостей. Качикатский шаман причмокнул и из запасов пирующих на свадьбе очутились перед ними на столе две бутылки водки и четыре ребра мяса... Причмокнул шаман Солколоох — и (в изгороди бедной старушки) оказался один воз с сеном. Шаманы остались тут ночевать.

7. Исцеление бесноватых.

В это время пришли в юрту старухи два человека со свадьбы и рассказали, что из собравшихся там людей 25 человек лишились рассудка и поют, вселяя в себя злых духов («уйгуур мэ-нэрик буоллулар»), что даже их всех пришлось связать. Старуха сообщила им про своих ночлежников—шаманов.

Вскороости пришли (из дома, где происходила свадьба) звать туда шаманов. Последние отказались и сказали:

«Мы прибудем завтра, если пришлете к нам девять человек верхами на конях бело-молочной масти (воздевая этим особый почет им)».

На следующий день приехали девять верховых на конях белой масти — звать шаманов. Поехали.

Качикатский шаман, попросив тепловатой воды, вообрал в рот и обрызгал всех больных, одержимых духами. Те моментально выздоровели. Шаманов щедро одарили и проводили обратно.

8. Превращение коры дерева в живую рыбу.

Захаров Иуда Иннокентьевич.

4 марта 1925 г.

В древности у нас в Виллойском крае был знаменитый шаман Сысыл-Ойун (Лиса-шаман). В далеком Якутском крае захворала жена одного богатого человека. Муж ее отправил на Виллюй верхами двух слуг с тремя свободными конями на поводу и просил привезти знаменитого Сысыл-Ойуна. Последний отказался ехать и вместо себя указал другого шамана, по имени Чуучугус, и сказал:

«Этот у меня все равно, что сын (т.е. ученик), он совершит и сделает все то, что могу и я!»

Чуучугус согласился, собрался и поехал, взял с собой одного человека.

Люди, приехавшие из Якутского края, глядя на невзрачную наружность шамана, насмеялись над ним и говорили между собою:

«Имея такой жалкий вид, какую пользу он думает принести и зачем едет с нами?»

Спутник шамана, слыша эти насмешки, в душе очень досадовал на них. Однажды остановились на ночлег в лесу, под большой елью, густо обсыпанной выпавшим снегом. Развели костер. Двое якутян пошли отпустить коней на длинной веревке для подножного корма. Улучив этот момент, спутник шамана говорит ему:

«Что же это ты, превеликое чудище, позволяешь этим якутянам насмеяться над собой, или у тебя и на самом деле нет никаких духов?»

Шаман сказал в ответ:

«Вот сделай-ка из толстой коры шаманскую рыбу, а затем положи ее подле своей постели. Свою постель разложи подальше от этой ели, чтобы сверху не завалило тебя снегом. Я лягу головой к стволу ели. Они скоро придут и, раздеваясь, будут обыкновенно смеяться над нами. Тогда ты схвати эту рыбу и брось в мою сторону, сказав при этом: — «Эй, чудовище, зачем оставил вот эту штуку, припрячь ее!»

Парень сделал так, как сказал шаман. Когда он бросил рыбу на постель шамана, тот, как бы вздрогнув от неожиданности, пнул прилетевшую рыбу по направлению к стволу ели. Рыба, ударившись головой в ствол, воткнулась в мерзлое дерево и, виляя хвостом, стала бить по стволу ели так сильно, что она зашаталась, начиная с самого корня. Весь снег, осевший на ветвях дерева, осыпался и завалил как людей, так и разложенный костер. Стряхнув с постели опавший снег, якутяне снова разожгли костер. С тех пор они перестали смеяться над шаманом и молча ложились спать.

9. Возвращение сбежавших коней.

В ту ночь, когда шаман показал живую рыбу, выпал большой снег. Утром четырех привязанных коней на месте не оказалось. По следам было видно, что кони побежали обратно в сторону Вилюя. Двое якутян пошли по следам. Шли целый день и не могли настичь коней. Когда солнце село на верхушки деревьев, утомившись погоней, они решили вернуться. Поздно ночью они пришли к месту ночлега, где оставались спутники. Шаман спрашивает:

«Где же ваши кони, почему не догнали?»

Те ответили:

«Кони, не останавливаясь, вернулись назад по нашей дороге. (Поэтому догнать их немислимо)».

Услыхав это, шаман обратился к своему спутнику:

«Эй, паренек, сделай-ка из гнилушки фигуру волка! Неужели мы должны оставаться здесь пешими?».

Тот сделал волка и передал шаману. Шаман срезал талину, пестро (винтом) изрезал кожуру, взял ее в руки и, держа над деревянным волком, произнес заклинание:

«А ну-ка, соверши ты быстрое путешествие туда и обратно!»

С этими словами он три раза хлестнул талиной по фигуре волка. В этот самый миг волка не стало. Приблизительно около полуночи все четыре коня, сильно вспотевшие и запыхавшиеся, прибежали обратно.

Оседлали коней и поехали дальше.

10. Воскрешение умершей женщины.

Наконец, добрались до дома, где жила больная. Муж последней встретил шамана с такими словами:

«Из такой дали вам пришлось напрасно терять время и труд. Больная уже скончалась два дня тому назад».

Шаман ответил:

«Делать нечего, приходится мириться с тем, что произошло!» Провел одну ночь. На следующий день он говорит хозяину:

«Приехав из далекого края, мне не хотелось бы возвращаться, не потрудившись и не сделав никакой попытки. Разрешите мне совершить камлание!»

Услышав слова шамана, дочь домохозяина с гневом сказала:

«Я не знаю людей, которые видели бы своими глазами или слышали ушами о таком шамане, который своим камланием воскресил бы мертвого человека. Она мертва вот уже как три дня. Ты, как мне кажется, или сошел с ума, или же просто глуп?».

Но, однако, отец ее не имел ничего против камлания.

Шаман приступил к камланию. Оно длилось целую ночь. Вот он, подержав руки в пламени горящего комелька, стал гладить мертвую женщину. Это он проделал три раза. Вслед за тем втянул в себя ее недуг («бохсуруйар»), мертвая тотчас же стала дышать и открыла глаза. Шаман прекратил камлание и сказал:

«Если она так заметно ожила, то может быть что-нибудь и получится!»

На следующую ночь он тоже приступил к камланию. Больная почувствовала себя еще лучше. Во время камлания шаман обратился к той сердитой девице, которая вздумала бранить его, со словами:

«Дитя мое, а ну-ка схватись руками за козырек комелька!» Та послушно взялась за козырек. В старину у богатых женщин ровдужные полуштанники бывали сплошь украшены корольками, разнообразными медными подвесками—чопчу, тизрбэс, кымырдагас и проч. Но вдруг такие нарядные полуштанники очутились на дверной дужке. Как они были сняты и очутились там, девица и сама не ведала.

Больная поправилась настолько, что могла самостоятельно сидеть перед очагом.

Шамана отправили обратно.

Этот рассказ в наших краях очень распространенный. Рассказывают в Оргётском, Кентикском и других наслегах.

11. Воскрешение мертвого.

Степанов Иван.

9 марта 1925 г.

1. В глубокой древности, в эпоху прадедов («былыр ебюгэ сагана»), как гласит предание, в Мастахском улусе жил старик-рыбак. Он имел сына, который с семилетнего возраста ходил по соседям и, выпрашивая молочную пищу («юрюнгнээн»), прокармливал свою семью. Вскорости распространился слух, что этот парень совершает (удачное) камлание против «абаасы» (злого духа), причиняющего болезнь и смерть телятам.

Однажды этот парень, идучи к какому-то богачу, зашел в одну юрту. Там на левой наре лежала тяжело больная женщина, у которой все четыре конечности были привязаны к лежанке. Эта женщина завела беседу с парнем и упросила его совершить над нею камлание. Парень согласился, взял сковороду (взамен бубна) и стал шаманить. У той женщины был вздут живот. После камлания вздутость прошла и больная совершенно здоровой стала на ноги. С тех пор этот парень превратился в настоящего шамана, и молва о нем была слышна в далеких краях.

В то время в якутском крае (т.-е. в якутском уезде) захворал именитый человек, глава всех восьми якутских улусов, по прозвищу Туттук-Кулуба. Так как он уже был накануне смерти, сын его, по совету одной шаманки, выехал на Виллой за этим парнем-шаманом. Он приехал с лишним конем на поводу и с зимней одеждой для шамана. Парень согласился. Поехали.

Когда до дома больного оставалось около 20 верст, шаман обратился к своему провожатому со следующими словами:

«Вот пять моих предписаний, которые ты должен исполнить без малейших нарушений: 1) скоро я поеду впереди тебя; 2) ты остерегайся, чтобы голова твоего коня не касалась крупа моего; 3) когда мой конь начнет биться, ты не шевелись и не обращай на это внимания; 4) затем, если я сверну с дороги и пойду бродить по снегу, ты не вздумай останавливать меня; 5) наконец, если услышишь голос человека, то на это никак не откликайся!»

Затем, шаман предсказал ему, что его отец—старик уже скончался. Дальше подробно описал его местожительство, дом и окрестности, провидел также и мыс—пригорок, под которым они должны были проехать.

Когда доехали до описанного мыса, шаман приказал остановиться и поехал впереди. Свернув с дороги, он побрел по снегу и, подойдя к одному пню, стал вести с кем-то беседу. В ответ раздавался голос, говорящий:

«Оказывается, приехал ты, мой сродственник, с которым я воспитался в одном гнезде (где воспитываются души шаманов)! Я, не подозревая о твоём прибытии, пришел, уже прервав жизнь (дословно—«дыханье») старика, но тем не менее одна треть жизни осталась при нем; попытайся совершить камлание, но не забудь назначить мне награду, ибо я вот уже три года ничем еще не поживился!»

Вот прибыли они к местожительству больного, который уже скончался. Дом был полон людьми. Среди собравшихся был один шаман и одна нарядная молодая женщина. При появлении приезжего вилюйского парня-шамана оба последние посмотрели на него с пренебрежением.

Парень начал шаманить над умершим. Вот он во время пляски трижды закружился в противную сторону. В этот момент тот шаман, который вздумал-было умалить его шаманскую силу, упал в обморок. Дальше шаман воззвал:

«О, явитесь ко мне («будьте ближе») восемь дев, сдружившихся вместе!»

«И девять парней, подобных стае журавлей без маток!»

В этот момент та самая нарядная женщина, которая обнаруживала невнимание к приезжему шаману, оказалась совершенно голой и в таком виде, направляясь в скотский хлев, упала поперек дверного порога. Она была, оказывается, дочерью старшего сына умершего головы. Ея отец взмолился к шаману:

«Если нужно отдать замену и выкуп за жизнь, то возьми меня, а дочь мою пощади! («Мейии мэнгигэтэ, тыын толуга»; правильнее говорится — «бэйэ мэннитэ, тыын толуга». «Мэнни» — наверное видоизменение—«манья»—награда, цена, а «толук»—выкуп, искупительная жертва).

Услышав его мольбу, шаман сделал круг навстречу движению солнца и сказал:

«Прибывши помочь и врачевать, будет не хорошо мне создавать несчастье («бюдюсю»)!».

Затем, вопрошая (духов) о том, какой выкуп взять взамен (возвращаемой) жизни, он стал бить в бубен по направлению средней балки юрты. В его бубне неожиданно очутился сгусток крови. Обращаясь к отцу молодой женщины, шаман сказал:

«В качестве выкупа за жизнь твоей дочери я взял одного табунного жеребца и одну отборную кобылицу... Они уже погибли!..»

Затем по поводу умершего шамана сказал:

«Около полуночи голова откроет глаза, на рассвете начнет дышать и сядет на нару, а на восходе солнца будет в состоянии разговаривать с домочадцами... Через семь же дней будет вполне здоров. В 150-ти верстах отсюда живет один человек, который раньше служил наследным князем. Он должен был умереть

через три года. Умирать ему теперь или через три года—не представляет большой разницы. Я вложил (в больного) жизнь этого князя. Затем, в 15-ти верстах отсюда живет тоже больной человек, служивший ранее выборным, которому в недалеком будущем тоже предстоит смерть... И от него я взял жизнь (чтобы вернуть жизнь больному)... А выздоровевший голова проживет еще 23 года».

Борисов Михаил Иннокентьевич.

5 марта 1925 г.

2. В старину у нас жил известный шаман, по имени Бэргэсэ-Ойун, а в Хочинском улусе одновременно с ним жил другой шаман Хамначчит-Ойун. У первого шамана в Якутском крае (Якутском уезде) был приятель, у которого единственный сын захворал чахоткой. Он отправил на Вилюю особого человека к Бэргэсэ-шаману с просьбой прибыть и совершить камлание над его больным сыном. Бэргэсэ-шаман, получив приглашение, сказал посланному человеку:

«Я болен (ехать не могу), но вот в Хочинцах есть другой шаман, по имени Хамначчит, который ничуть не хуже меня, ты увези его».

Посланный человек по этому совету обратился к Хамначчиту, который изъявил согласие на поездку. Поехали. В дороге во время одной ночевки шаман обратился к своему провожатому со словами:

«Повидимому еду зря: с больным, надо полагать, уже стало плохо. Теперь там (у больного) собралось пять шаманов, а мы прибудем, когда больной уже будет мертв. Когда мне придется шаманить, ты положи в середине юрты потник из под моего седла (рассказчик добавляет: «В старину, по преданию, шаманы совершали камлание, сидя на потнике»), а затем дай мне напиться молока».

Наконец, доехали они до дому Ынахсыт (так звали отца больного); сын был уже мертв. Собралось уже много народа, и среди них были пять шаманов. Многие плакали и горевали. По поводу приезда шамана выражали сожаление, что зря его привезли.

Но тем не менее Хамначчит-шаман приступил к камланию. Предварительно он попросил сварить молоко. Во время камлания мертвый ожил и, попросив молока, отведал. Затем он сказал:

«Не знаю и не могу понять—был ли я мертв или лежал в обмороке?».

Хамначчит сказал:

«Я еще вчера дал знать о себе и удержал при нем жизнь... Нужно думать, что он лежал в обмороке»....

Затем, обращаясь к отцу больного, сказал:

«Твой сын умрет не раньше трех лет».
Шамана щедро одарили разным добром, навьючив на трех верховых коней, и проводили обратно.

12. Испрошение детей шаманами¹⁾.

Алексеев Иван Алексеевич.
13 марта 1925 г.

1) Сиэллээх-Есюрюгю состарился, жене его было уже 60 лет, и она ни разу не рожала. Однажды приехали к ним из Якутского края два шамана, назвались Качикатцами. (Наслед с таким названием имеется в Восточно-Кангаласском улусе). Шаманы остались ночевать. Разговорились: хозяйева, между прочим, говорят, что вот до старости лет не имеют детей. Легли спать. Утром один из шаманов говорит:

«Я видел сон, который предвещает вам рождение ребенка». Узнав, что они—шаманы, хозяйева попросили их совершить моление богам о даровании им ребенка. Те согласились, сказав предварительно:

«Да, раньше, бывало, мы испрашивали своим молением ребенка!».

Совершив моление, они спустились к Айыысыту (богиня родов), но получили отказ. Во время священнодействия главный шаман в своих песнях стал печаловаться и, между прочим, сказал:

«Имел я обыкновение совершать моление к духу, наводящему облака!».

Домохозяйева снова попросили совершить моление к этому духу. Согласились и прокамлали целые сутки—ночь и день, совершив путешествие к Сююлэр—Былыт—Тёрдюгэр. («Сююлэ-Хаан»—бог грома и дождя, имеет много наименований. Повидимому, это—забытый образ древнего степного бога, разделившегося у якутов на Джылга-Хаан—бога рока и судьбы и на Уордах-Джесёгёйя, подателя и покровителя конного скота). Это божество вняло молениям шаманов и обещало даровать двух сыновей, первому из них просило дать имя «Чохух», а второму—«Сююлэ-Багдарыын»—дарованный от источника проливных дождей (облаков).

¹⁾ Самой обычной функцией шамана у всех народов северн. Азии является лечение больных. Содействие рождению ребенка требуется от шамана в более редких случаях. Кроме якутов (см. еще Приклонский, Ж. Ст., III, сс. 65—6; Серошевский, сс. 673—4), подобные функции выполняются шаманом у гольдов, юкагиров. — *Ред.*

«Этого нашего младшего сына пусть не задевают ни соломинкой и ни ветками тальника!».

Так сказало божество через уста шаманов. С этими словами, чтобы вселить душу дарованного ребенка, они причитали над головой старухи бррр.... В этот момент старуха упала в обморок. Одаренные подарками шаманы уехали, обещая возвратиться к ним через три года. И, действительно, через три года снова приехали и застали у старика и старухи двух детей. Опять дали им подарки—разную пушнину, наполнив ими две переметные сумы.

Козлов Василий.

31 июля 1921 г.

2) Кюннэт-князь имел двух жен, но они долгое время были бездетны. Поэтому он пригласил из Вилюя одного шамана небожителей («айыы ойуна»), не причастного ни к чему грязному и нечистому, чтобы совершить моление о даровании детей. Из Намцев пригласили другого шамана небожителей, чтобы при совершении «айыысыт тартарар» (обряд испрошения женских родов) исполнять обязанности «кутуруксута» (помощник главного шамана, который, повидимому, в древности играл роль возницы, тогда как сам шаман изображал верхового коня).

Моление совершали летом до Петрова дня, устроив предварительно праздник кропления кумыса в честь Белого Создателя («Юрюнг Айыыга»)¹¹. Совершая священнодействие, оба шамана вознеслись к Белому Создателю. (Шаманское камлание представляет из себя символическое путешествие духов к тем или другим божествам. Шаман, стоя в юрте, показывает в лицах и словах все отдельные моменты этого путешествия в ряде драматических актов, разделенных небольшими антрактами. Игра сопровождается диалогами и монологами в стихах и в прозе).

Вот они добрались до Юрюнг-Айыы. Говорят ему (поют):

«Кюннэт-князь, ниспосланный по твоей воле на среднюю землю, не имеет детей. Его две жены лишились способности рожать. Он послал нас с просьбой к тебе — даровать ему детей!»

На это Юрюнг-Айыы ответил (рассказчик добавляет—«шаман говорит за него»):

«Его именитый дед (т.-е. Тыгын—якутский царь) мешал размножению хорошего скота, до-чиста истреблял их, не давая размножаться породистым и родовитым людям, постоянно уничтожая их. Поэтому я живу, не чувствуя к нему (потомкам его) доброго расположения. (В подлиннике — «халыйан олоробун», дословно—«живу, отвернувшись от него»).

Шаман стал неотступно умолять божество. Наконец, оно ответило:

«Ну, пусть будет так: дарую ему сына по имени Айанныыт-Ыстырхан, вторым именитого Айгаан-Кюрююкю, который ро-

дится с назначением благоустроить землю!» (дословно — «кюрюёлюю, хасаалы» — поставить изгороди и построить жеребьячи хлева. Это выражение употребляется в разговоре в смысле — управлять, привести в порядок).

13. Вознесение шамана на небо к Улуу-Тойону.

Говоров Михаил.
17 января 1925 года.

Хагыстаайы до обретения шаманского дара лежал на обучении у Улуу-Тойона (т.-е., душа его). Однажды, лежа там, он был свидетелем явления к Улуу-Тойону одного шамана.

Дело происходило так. Душа Хагыстаайы лежала на наре (в юрте Улуу-Тойона). Когда привели эту душу, сына Улуу-Тойона там не было. Но вдруг он поднялся снизу через середину пола юрты. Он пришел почему-то очень сердитый, не стал даже разговаривать ни с отцом и ни с матерью. Лег на наре-биллирик. Затем, где-то вдали послышались звуки шаманского бубна, ударили три раза. Звуки были такие громкие, что весь дом Улуу-Тойона пришел в сотрясение. Потом протяжно зевнул шаман... От этих зевков юрта стала приподниматься и затряслась еще сильнее. Наконец, послышались отчетливые слова его песнопения:

«Бу тэриллэн...
Улуу-Тойон юрдюк моджоготун
Атыллаан, юс хара кюлюгэр
Юнгэр суктэр кюнюм буолла!»...

Перевод:

«Вот, снарядившись (явился я)...
Настал час перешагнуть
Через высокий порог
Великого повелителя Улуу-Тойона,
Преклонив колена
Пред его темными тремя тенями,
Молить и просить!..

Затем шаман вселил в себя своих духов («сирин тангаратын» — дословно «землю и небо», т.-е. духа земли и неба) и начал воспевать. От этого Хагыстаайы овладел страхом...

Но вот через самую середину пола юрты всплыл он наверх... Глаза его были не меньше полной луны... С шаманской пляской приблизился он к самому Улуу-Тойону и, преклонив перед ним свои колена, обратился с песнью:

«Ваш сын взял там (из средней земли) душу и жизненную силу единственной и любимой дочери... по имени Куочулангнаах Куо Чэмээт... Прошу принудить его вернуть эту душу!»

Улуу-Тойон в ответ на это сказал:

«Эй, мы тут живем, состарившись, и ничего такого не ведаем!»

Затем, он (Улуу-Тойон) стал бранить и порицать своего сына, говоря:

«Разве он из таких, чтобы ходить путем, без проделок?»

Шаман с пляской направился к сыну Улуу-Тойона и тоже стал упрашивать, говоря:

«Ты ведь не вправе был брать... из средней земли?»

Но тот в ответ не издал ни одного звука (дословно — «не дышал ни ртом, ни носом»).

Шаман тотчас же превратился в огромную осу величиной с растянутую суму, сшитую из звериных лапок, и, облетая всю юрту, стал искать. От этого внутри юрты разразился страшный вихрь... Наконец, оса прилетела на передний угол и стала что-то шарить. Сын Улуу-Тойона сидел там, закрыв свои ноздри обоими коленами. Оса вдруг ужалила его в тыльную часть ляжки. Тот с криком — «ой, как больно!» — выпрямился. Оса тотчас же влетела в его ноздри. Тут же следом из ноздрей сына Улуу-Тойона с сиянием выпала на пол серебряная бляха из женской меховой шапки, туосахта. Оса быстро схватила бляху и полетела в нижнюю страну.

Наблюдавший все это Харгыстаайы пытался было разглядеть путь ушедшего шамана, но ничего не увидел, ибо густой туман застилал его дорогу. Только где-то далеко, в глубине земли, на северном углу ея были слышны звуки его бубна...

Тогда Харгыстаайы подумал про себя, что это должно быть шаман из Вилюйского края или тунгусский.

Среди вилюйчан зарождаются всегда замечательные шаманы.

14. Обряд вызывания половой страсти.

Говоров Михаил.

г. Якутск.

25 декабря 1924 г.

В старину, по рассказам, шаманы совершали особое моление духу земли о ниспослании на женщин «джалын» (силы полового влечения). Оно устраивалось совместно несколькими хозяевами, живущими на одном летнике. Когда готовились к этому обряду, заранее распространялась молва, запасали пищу (надо полагать для угощения народа) и делались особые приготовления.

Выбирали место под большим, развесистым деревом. Здесь вкапывали рядом три столба с выпуклой резьбой, обточенные сверху в виде кумысных чаш в честь духа матери земли. Вокруг

столбов втыкались молодые, расцветшие березки; тут натягивали веревку, свитую из белых и черных волос. К веревке привязывали в дар духу земли обрезки материи, пучки конских волос и небольшие модели телячьих намордников. Около столбов ставили урасу (конический шатер, крытый берестой), все это обносилось изгородью.

К назначенному времени собирался народ и приходил приглашенный шаман. Шаман, имеющий кровожадных и злых духов, не мог совершить этот обряд. При путешествии к духу матери земли шаман имел плясунов — трижды девять девушек и столько же молодых парней. Эти девы и юноши, держа в руках березовые шести, плясали вместе с шаманом. Шаман надевал свой плащ, имел и бубен. Камланием (пляской) шаман приходил к духу матери земли и умолял ее даровать «джалын».

Тогда он брал у богини «джалын», половую страсть, держа в руках бубен с колотушкой, с конским ржанием начинал кружиться и издавал призывные крики—хоруу, хоруу! («Хоруутур» — звать криками табун кобылиц или коней).

В этот момент собравшиеся женщины, неожиданно издав раскатистый хохот, начинали ржать по конски—«иннэса сах»! Со ржанием они набрасывались на шамана и делали над ним любово-страстные телодвижения. («Ойуну кибингнээн бараллара юсю»). Будто-бы и валили его на землю. Стоящие тут мужчины отбивали шамана от женщин. Шаман, поднявшись, издавал свист и делал круги своей колотушкой. Тогда женщины мгновенно приходили в себя, успокаивались и садились. («Суудиэн уоскуйан олороллор юсю»). Рассказывают, что при этом на женщинах выступал обильный пот, а их лица от прилива крови делались красными на подобие красной меди.

Это взятие «джалын» шаман повторял трижды с теми же последствиями. По рассказам (разгоряченные) женщины кидались на шамана, даже совсем оголяясь, без всякой одежды.

Это и называется взятием от духа земли половой страсти для людей и скота, или низведением силы размножения. («Ол аата дайды иччититгэн джалын ылар, имэнг огустарар»).

По рассказам, уважаемые и почетные женщины на совершение такого обряда не приходили. Некоторые мужья будто бы и били своих жен (за их поведение на этом шаманском обряде).

Камлание шамана длилось целую ночь, с вечера до восхода солнца.

Мой дед бывал на подобных молениях, а позже они совершались, видимо, очень редко. Я слышал только еще в пору моего детства—в Курбусахском наслеге такой обряд совершил шаман

Муочай на одном летнике под названием «Хабыдал» у основания трех растущих там сосен.

Духу метери земли совершается тоже летом особое моление для испрошения приплода рогатого скота.

15. Голос с неба.

Козлов Василий.

31 июля 1921 г.

Депутат Сыранов был главой над всеми якутами. С ним никто из якутов не смел тягаться; на кого он взглянет косо, того мог подвергнуть телесному наказанию. При нем был даже особый человек, Аврам Корякин, который по его приказам наказывал людей розгами. Местожителство депутата было в местности Бюпют Масары, и все его потомки, в том числе и депутат Сыранов, были нашего Малтанского наслега.

Депутат решил породниться с Таттинским богачем и шаманом Яковом Кыпчыкын, женив своего сына Сыммыт-Егора на его дочери. Сверх колыма при привозе невесты он обязался заплатить так называемое «харамны» в сто штук конного скота. При этом, по старинному обычаю, конный скот загонялся в особую изгородь. Особо избранный и ловкий человек с невестинной стороны голыми руками должен был схватить и остановить любого коня, кобылу или жеребца из целого табуна. Отбирались лишь те, которых удалось поймать таким способом. Поимщик имел право накинуться на одно животное только три раза; если ему не удавалось остановить его в третий раз, то оно оставалось за хозяевами.

Сваты с невестинной стороны остановились станом в местности Кююлэ, раскинув особую урасу. Там же была построена новая изгородь на столбах для загона конного скота. Сначала загнали в изгородь табун, принадлежащий сыну депутата Чюпюю. Его молодой жеребец имел гриву по всему хребту вплоть до хвоста. Поимщик харамны три раза накидывался на этого жеребца, но каждый раз был опрокинут на землю...

Чюпюю, сын депутата, не одобрял тароватость отца, дающего за невесту так много отборного скота. Увидев, что поимщик свата ловит его любимого жеребца, он вскипел и стал упрекать отца:

«Господин депутат, ты у Таттинского шамана Якова Кыпчыкына, видимо, выкрал сына или дочь и за эту покражу теперь отбываешь наказание уплатой дорогой виры?»

С этими словами он в сильном гневе опрокинул одну сторону изгороди и выпустил загнанные табуны.

Шаман сват по поводу поведения Чюпюю сказал:

«Славный Чюппюю, пусть ты и сын депутата, но на будущий год, в пору осеннего подмерзания земли, я прибуду к тебе дорогостоящим гостем...» (Иносказательно говорит об отмщеннии.)

После свадьбы и закрепления родственных связей гости уехали.

Чюппюю был необыкновенно дороден, весил, говорят, 12 пудов. Из многочисленных коней депутата мог сдожить его только один конь темной масти в корпусе, но с белой мордой и с белыми, на подобие неочищенных березовых кольев, ногами. Повод этого богатырского коня был сделан из крепкой лосиной кожи в четыре пальца шириной. На следующий год, поздней осенью, Чюппюю поехал верхом на этом коне осматривать свои табуны.

Когда доехал до урочища «Тангара ыйаабыт» (в переводе — место, где висит икона, изображение чтимого божества), вдруг с западной стороны неба поднялась черная туча, загремел гром, неожиданно засверкала молния над деревьями... Испуганный конь с диким ревом стал неистово биться. Вдруг раздался с неба голос:

«Чюппюю, скорей сходи с коня!»

Чюппюю изо всей мочи сдерживал взбесившееся животное, но вдруг крепкий повод оборвался и конь сбросил его на землю. При падении он повредил себе спинной мозг у затылка. Захворал и умер.

(Дальше рассказчик подробно перечисляет всех потомков депутата вплоть до ныне живущих поколений.)

(Софрон Сыранов, известный среди якутов Кангаласского улуса под прозвищем «Депутат», считается потомком якутского «тойона» (повелителя-начальника) Тыгына. Поэтому все представители этой фамилии, как знатные люди, по якутским воззрениям, должны находиться под покровительством семейно-родовых божеств, духов-предков. Про члена такой семьи якуты говорят — «айыылаах, тангаралаах киси», т. е. человек, имеющий своего духа-покровителя, свое божество. В данном случае голос с неба, предупреждающий о грозящей опасности, конечно, приписывается — «айыы» и «тангара» — родовому духу и божеству. Г. К.)

16. Сошествие шамана к нижним духам за душой больного.

Чепалов Павел Григорьевич.

Джобулга.

17 января 1925 г.

Когда душу человека уносят северные злые духи, шаман, совершив камлание, отправляется в их страну с разными подношениями.

Когда-то давно направились на север женщины из «нучча» (русские), старушки-горбатые, со сгнившими костями на разных.

суставах. Они проплыли (по Лене) на лодках и поселились на горе под названием Джокуо.

Шаманы при этом поминают и извлекают от больных по преимуществу двух старух-Таньахтаах Лаабыралаан (Л. с тростью) и Торуоскалаах Солуонньай-Хотун («Госпожа Солуонньай, имеющая трость». Рассказчик ошибается, относя Солуонньай к северным духам. Она обычно причисляется к девяти небесным девам, требующим конный скот и наводящим сумасшествие. Г. К.).

В качестве подношения этим духам приготавливают девять шербатых пирожков, в деревянные рюмки наливают водки. Из дерева делали фигуру свиньи, индейского петуха («ёндёй бётююк»). Полагается еще шкурка хорька, бичева, свитая из белых и черных волос, и двухразвильчатая вилка (из дерева).

Когда эти женщины переселялись на север, они имели при себе все эти принадлежности.

У этих духов есть дева с кривым лицом. Она служит вроде караульного. При приближении шамана там раздаются голоса (т.-е. все это разыгрывается самим шаманом, который, лежа на полу, ведет диалоги от имени разных духов при так называемом «нырянии в океан смерти». Г. К.):

«Идет он (шаман) с тяжелой ношей, с дорогими дарами, впереди гонит (скот), сзади имеет на привязи (тоже, разумеется, жертвенный скот!..»).

«Эй, вероятно, шествует наш старший сын (шаман, сын, потому, что душа его воспитывалась у них!). Скорей, встречайте его!..».

Затем раздаются крики «суу, саа!». (Восклицания при поимке скота). Дальше, пригнанный скот загоняется в изгороди.

Шаман пред ними держит от себя речь, что вот такой-то князь-человек, захворав, прислал эти дары... Вручите мне его душу!

Те, удовлетворившись принесенными дарами, распоряжаются выдать. Говорят:

«Эй, идите и раскройте двери темницы (где душа больного)!»

Иногда духи не хотят выдать душу. Тогда шаман выражает досаду и отчаяние... Повалявшись около комелька, он превращается в осу и влетает в коровий хлев. Там будто бы лежит голубо-пестрый бык. Оса жалит быка в нос. Бык фыркает носом, и в это время душа, запрятанная в ноздрях быка, выпадает. Шаман тотчас же схватывает душу и поспешно улетает.

Старик (дух или бог) выскакивает следом за ним и бросает в него комьями глины и говорит:

«Вот велика досада, он, только лишь вчера (не особенно давно) воспитавшись у меня самого, осмелился совершить такую покражу!»

После этих слов старик (в отместку) похищает душу 12-летнего сына шамана...

Старик и старуха перебраниваются между собой. Старуха говорит мужу:

«Ты сам виноват, что сделал его, воспитав на 12-й наре, слишком сильным шаманом. Вот и наказание за то, что наделил их такой необычайной силой!»

(Рассказчик поясняет: у них в юрте на каждой наре имеется колыбель, где воспитываются души будущих шаманов. Шаманы, зависимые от нижних, подземных духов, воспитываются у них в этой юрте).

Та старуха после упомянутого преступления шамана замазала глаза воспитываемых шаманских душ детскими экскрементами. Говорят, по этой причине уменьшилась сила шаманов.

У этих нижних духов имеются собаки, которых они кличут Юнюгэс, Хардас, Бэкир.

IX. БУРЯТСКИЕ И ТУНГУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ.

1. Болезнь и бредовые идеи бурятских шаманов.

Степанов Михаил.
Басаевский улус Ользонского хошуна
Эхирит Булагатского аймака.
3 ноября 1926 г.

1. Прежде чем стать шаманом, человек долго болеет, и ему кажется, что души умерших шаманов, его «утха» (предки), приходят и учат.

Когда приходят эти умершие шаманы, тогда делаешься бессознательным, будто и разговариваешь с ними, как с живыми (Никто из) посторонних их не видит. Иногда один приходит, иногда несколько, много, почти все умершие шаманы приходят.

Все эти (приходящие души шаманов) мучают, бьют, режут ножом мясо, вырезают и бросают, колят в живот и требуют, чтобы я стал шаманом.

Когда колят и режут, шаман лежит полумертвый, едва слышно биение сердца, маленько душа есть, руки, лицо делаются синими. Потом поне-многу оживаешь, пальцы начинают шевелиться, побольше дышишь.

Бухашеев Булагат.
Булагатский хошун.
Эхирит-Булаганского аймака.
28 октября 1926 г.

2. Пока человек еще не стал шаманом, его душу (амин) берет утха (те шаманские духи, от которых новый шаман происходит) в «Саайтани суулгандэ» (суулган — собрание, сходка) на небо и там учат. Когда учение кончат, мясо его варят, чтобы он поспел. В старину всех шаманов варили, чтобы они шаманскую грамоту знали («миханг отлот тогондо шанат болосо миха, быйэрэ танжаба»).

(В это время) шаман мертвый семь суток лежал. Когда он полумертвый лежит, собираются родственники, песни поют: «Наш шаман живой будет, будет нас выручать!». Бабы не приходят, только одни мужики.

Когда варят мясо (шамана), посторонним нельзя ходить. Мясо варят утха (духи умерших шаманов-предков).

Сто пятьдесят лет тому назад в 4-м Харанутском роде Кудинского ведомства жил бурят по имени Алдыр-Ареев. Он в течение пятнадцати лет хворал, с ума сходил, сдурел. В зимнее время нагишом пять верст бежал. Потом уже нашел его утха — Баруунай (из Хонггодар-Шошолок). (Утха говорит ему) — «Ты чего дуришь? Нас не знаешь, ты будь шаманом, зависи от нас — утха! Согласен?». — Согласился.

(И дальше говорит утха): «Теперь мясо твое все обрежем, сварим, чтобы ты поспел. Ты мертвый будешь лежать, (а мы твое) мясо прикладем обратно и оживешь, образуешься шаманом. Не одного тебя мясо будет вариться, (поэтому нужно тебе) свое мясо узнавать! Если прикладем чужое, то дурность выйдет!»

Сварили (мясо), приложили к кости (и) он сделался шаманом. Шаманит, везде тащат его, везде хорошо делает, вылечивает.

В Булагатском хошуне десять лет тому назад умер большой черный шаман (хара буо) по имени Мылыксэн Балтаевский. Когда он шаманом делался, отдал своему утха семьдесят человек (из) своих родственников. У него своего утха не было, потому не должен был быть шаманом... Он силой залез, чужое утха взял... Через это его и наказали... семьдесят человек уложил и сделался шаманом.

Булагатов Буин.

Ользонский хошун, Олоевский бул.

Башилханов Багдуй.

Басаевский улус Ользонского хошуна.

29 октября 1926 г.

3. Бурят Мылыксэн дал своему утха из своих родственников семьдесят человек, чтобы стать шаманом. Раньше у него утха не было, а из семидесяти человек образовалось новое утха. Шаман, имеющий утха, не должен давать.

Степанов Михаил.

Басаевский улус.

3 ноября 1926 г.

4. Если шаман долго не выздоравливает, то булук его (односельчане, одноулусники) все время брызгает Буха-Нойыну²⁸ и всем другим заянам — святым предкам и божествам)... (Из своих записей мне не удалось выяснить — говорит ли Степанов о пер-

воначальной болезни призываемого к шаманству или речь идет о простой случайной болезни уже ставшего шаманом. Г. К.).

Тогда девять человек, знающих утха (шамана, т.-е. имена духов, предков-шаманов), поют песни. Один (из них) держит в руках сорби (две деревянных палки-трости, атрибуты шаманского сена) и все поют про утха. В это время шаман сидит и (как только) приходит утха (нисходит, вселяется в шамана), шаман падает в обморок — «унха» (обычно при этом шаманы стремительно падают спиной на пол). (Обе) руки пластом вытянуты в сторону, тело негнется, делается как палка.

Всегда, когда приходит утха, шаман делается деревянным и «унха». Тогда один человек поднимает за голову. Если не поднимет, то (шаман) два, три часа будет лежать. Когда встанет (на ноги), то говорит уже (утха — дух сошедшего шамана), (он как бы) в уши шепчет (а шаман машинально повторяет слова, не давая потом в них отчета). Этот обряд называется «онгго татха» (тянуть, вызывать духа).

(Шаман плохо говорит по-русски, в некоторых местах приходилось прибегать к помощи переводчиков, к сожалению, тоже не особенно хорошо владеющих русской речью. Поэтому, чтобы не исказить смысла рассказов, я воспроизвожу свою запись без изменений, заключив свои комментарии в скобки. Г. К.).

2. Болезнь и бред тунгусских шаманов.

Чолко Иван, шаман.
Нижняя Тунгуска, уроч. Ингаарыкта.
31 мая 1925 г.

1. Прежде чем сделаться шаманом, человек, имеющий быть таковым, долго хворает, у него мешается голова: приходят саарги (злые духи), рубят, раздирают, режут мясо его на куски, пьют его кровь. Голову его отрезают и бросают в печь, где куются разные железные принадлежности его костюма. Духи, которые режут мясо и пьют его кровь, — это духи умерших шаманов.

Семенов Семен, шаман.
Нижняя Тунгуска, устье реч. Снэгниома.
7 июня 1925 г.

2. Человек не может стать шаманом, если у него в роду нет шаманов. Только тот воспринимает дар шаманства, кто в прошлом имеет предков-шаманов, идущих из поколения в поколение. Мой старший брат Илья Семенов был шаманом, умер три года тому назад. Мой родной дед по отцу был большим шаманом. Дед по матери тоже был шаманом. (Само собой разумеется, что эти

шаманы в свою очередь воспринимали дар шаманства от той нисходящей родни, имена которых помнили они. Получается непрерывная нить шаманского предания, идущего из глубины веков. Г. К.). Моя бабушка по матери была якутка из Чиринды из рода Ессейских якутов Джакдакар. (Ессейские якуты, вероятнее всего, — обьякутившиеся тунгусы. Г. К.).

Когда я шаман, приходит дух умершего Ильи и говорит моими устами. Эти-то мои предки-шаманы и принудили меня вступить на путь шаманского служения. До того, как стал шаманить, я целый год прохворал. Сделался шаманом, когда мне исполнилось 15 лет. Болезнь (заставившая стать шаманом) выражалась в том, что у меня вздувался живот и случались частые обмороки. Когда начинал петь, то болезнь обычно проходила. Затем, мои предки шаманят. Они ставят меня как пень и стреляют из луков, пока я не лишусь сознания. Они разрезают мое мясо, отделяют кости, считают их. Мясо мое едят в сыром виде. Считаю мои кости, они признали, что есть лишняя. Если бы нехватало костей, то я не мог бы стать шаманом. Когда производили всю эту операцию, я целое лето не ел и не пил. В конце они (духи шаманов) пьют кровь оленя и дают пить мне. После этой операции у шамана становится меньше крови, и он бывает бледен.

То же самое случается с каждым тунгусским шаманом. Только после того, как предки-шаманы таким образом разрежут его тело и разберут кости, можно начать шаманить.

Много лет тому назад по Тунгуске проезжал ученый, звали его Алексей Макаренко. (По Средней или Нижней Тунгуске? Г. К.). По его просьбе я шаманил.

Мафусугигов Тимофей.

17 января 1925 г.

3. По нашим тунгусским понятиям, человек, прежде чем стать шаманом, хворает умопомешательством в продолжение нескольких лет. Бывают умершие шаманы, они (расказчик понимает, конечно, их души. Г. К.) приводят в сумасшествие. В таких случаях говорится: «Древний-де шаман нашел». У нас шаманы разделяются на тех, сила которых исходит сверху (досл.— «одержимые сверху») и на тех, которые одержимы снизу. Первые приносят пользу при болезни оленей, а последние — при всяких заболеваниях людей (сгнивание костей и проч.).

Тунгусского шамана (духи умерших шаманов) где-то наверху разрубает на мелкие куски, а потом шамана (надо полагать, — разрезанные куски его мяса) садят, продевают, на рожны. Говорят, что из хорошего шамана получается (хватает на) четыре рожна.

3. Шаманское дерево и зверь у тунгусов.

Семенов Семен.
Нижняя Тунгуска, устье реч. Сизэгнома.
7 июня 1925 г.

1. Наверху (на небесах?) есть особое дерево, где воспитываются души шаманов, прежде чем они стали таковыми. На этом дереве на ветвях есть гнезда (в которых лежат, воспитываются души). Дерево это называется «тууру». Чем выше на этом дереве находится гнездо, тем сильнее бывает, больше знает и дальше видит воспитавшийся в нем шаман.

Ободок шаманского бубна откалывается от стоячей лиственницы, а само дерево продолжает стоять в воспоминание и ради почитания того дерева — «тууру», где воспитывалась душа шамана.

В память того же тууру шаман при каждом камлании водружает на дворе около того чума, где происходит служение, дерево с одним или несколькими перекладинами, которое тоже называется тууру, как у нас, на Нижней Хатанге (местное название Н. Тунгуски), так и у ангарских тунгусов. Тунгусы же, соприкасающиеся с якутами, называют его «сэргэ». Дерево это делается из длинной лиственничной жерди. К перекладине прикрепляется белая материя. У ангарских тунгусов на такое дерево вешают шкуру жертвенного оленя. Тууру подобное нашему делают и тунгусы по Средней Хатанге.

По нашим понятиям, когда шаман шаманит, то его душа по этому дереву поднимается к богу, ибо во время его служения дерево это растет и (невидимо) доходит до вершины неба.

Бог при сотворении земли и людей создал два дерева: мужчину — лиственницу и ель — женщину.

Чолко Иван, шаман.
Нижняя Тунгуска, уроч. Ингаарыкта.
31 мая 1925 г.

2. Там, где находится граница дня и ночи, стоит дерево под названием «тууру». На нем в девяти суках имеются гнезда, одно другого выше. В этих гнездах воспитываются души шаманов.

У каждого шамана бывает «ониндар» — матка (они — мать), видом он походит на сохатого, имеет рога.

(Переводил тунгус Даниил Каплин).

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Джобулга — местное название одного наслега в Западно-Кангаласском улусе, вернее — одного рода в нем. Гаслег официально известен под именем 1-го Мальжегарского. Земли этого наслега находятся на острове «Тойн-Арыы» («Главный Остров»), который по своей величине является самым большим по всей Лене и одним из наиболее удобных и плодородных. Население в Джобулгинском наслеге считается богатым и скотоводческим в виду обеспеченности хорошими покосами и лугами.

Старинные религиозные обряды и представления по преимуществу связанные с хозяйственной жизнью якутов, а именно с разведением конного и рогатого скота, лучше всего сохраняются в богатых скотоводческих районах, а из отдельных хозяев старой традиции придерживаются главным образом владельцы крупных табунов конного скота.

2. Слово «арангас» в более широком смысле — наименование всякого навеса, сооруженного на четырех и более столбах для различных хозяйственных надобностей, в узком же смысле — надземное могильное сооружение в виде деревянного сруба, поставленного на столбы, или же в отношении шаманов — гроб, прикрепленный к толстой растущей лиственнице. Погребение шамана на растущем дереве, повидимому, было когда-то одним из основных требований древнего шаманистического мировоззрения.

3. Рассказчик не определяет время этих галлюцинаций — днем или вечером, а также в лесу или в открытой местности. Весь Малтанский наслег живет среди дремучей тайги; до открытых мест Ленской долины, где жил рассказчик, верст 70—80, но, по всей вероятности, его новое видение имело место в сумерках и в лесной полосе, каковая обстановка сама по себе располагает одинокого путника ко всякого рода размышлениям и обманам чувств в силу самовнушения.

4. «Мытаах» — название одного из наслегов Западно-Кангаласского улуса, расположенного на плоскогорьи между Леной и Вилюем по притокам речки Сии. Это один из наиболее глухих углов улуса, оторванный от культурных центров, где сохранились древние понятия и представления якутов. Население исключительно занимается скотоводством и отчасти охотой. Хлебопашеством вовсе не занимаются. Издревле здесь был сильно развит шаманизм. Мытаахские шаманы искони совершали гастролы по ленским наслегам своего улуса, где нет своих шаманов. По сохранившимся народным преданиям главы мытаахских родов были одновременно и шаманами и князьями (родовые, наследные старосты) в течение нескольких поколений. Один аристократический род, а имен-

но фамилия Стручковых, по рассказам стариков, в числе своих предков насчитывает девять поколений шаманов, идущих преемственно один за другим, которые одновременно были главами своей административной единицы. Повидимому, этот порядок вещей господствовал когда-то среди части якутского племени, как обычно-правовое явление.

5. Хара-Суорун — одно из многих имен древнего якутского божества. Хара — черный, суорун образовалось от слова «суор» — ворон. В богатых былинах это божество именуется Мэнгэ-Суорун или Бэкэ-Суорун. Мэнгэ (Бэкэ) — эпитет, обычно прилагаемый к небу, говорят — мэнгэ, или мэнгэ халлаан. В древности говорили и мэнгэ тангара (тангара — теперь употребляется в смысле — бог, но когда-то имело значение тоже неба). Бетлинг совершенно правильно сближает это слово с монгольским «мунгкэ» — вечный, вслед за ним это делает и Пекарский в своем словаре. Однако у современных якутов это значение слова мэнгэ утратилось, в выражении «мэнгэ халлаан» этому слову скорее придается значение — высокий, недостижимый. Если стая птиц летит слишком высоко, говорят — «мэнгэ халлаанга тагыста» — залетела (достигла) в высокое небо.

Якутские мифологические представления заставляют признать, что это слово произошло от слова «мингэ», общее название ездовых, вернее верховых («миннэр» — ездить верхом), животных — быка, коня. Голубое небо когда-то представлялось в образе жеребца, еще ранее, вероятно, в образе быка-пороза. Весь скот представляется детьми пары богов: быка-неба и земли-коровы, позже эта пара сменилась другой — жеребцом и кобылой. Здесь мы сталкиваемся с тотемистическими воззрениями древних скотоводов. Дальнейшей эволюцией этого слова является наверно и слово «монгол», которое было именем божества — покровителя скота «Монгол-Тойон». (У бурят — «монгол» тоже имя божества, покровителя конного и рогатого скота).

В былинах к упомянутому божеству прилагаются эпитеты — «Хасыытыыр — Хара — Суорун, Улуутуйар — Улуу — Тойон», т. е. «Кричащий Черный Ворон» (или Воронов) и «Важничающий (величающийся) Великий Повелитель» (многие «тойон» переводят — «господин»).

Судя по постоянному применению эпитета — «мэнгэ», нужно притти к заключению, что «мэнгэ — суорун» было божеством неба, которое позже вытеснено новым божеством — Айы Тойон, который в религиозных легендах является младшим братом первого.

В настоящее время под именем «Улуу Тойона» он олицетворяет собою скорее злую силу, являясь в роли дьявола антиподом бога. Но тем не менее во всех легендах и религиозных сказаниях отчетливо проступает его прежнее божественное значение.

По распространенным сказаниям якутов — ворон считается сыном Улуу-Тойона, в древности ему поклонялись как божеству, воспрещалось под страхом жестокого наказания убивать ворона. Мертвого ворона якут обязан был поднять и почтить, положить на ветки дерева. Ворон умирающему от холода предку приносит огниво и кремь. По сказаниям северных якутов, он спасает человека, разрядив настороженный на дороге самострел.

6. По объяснению рассказчика под нижней одеждой нужно понимать женские короткие штаны (сыальыйа).

7. «Сёбюргэнэ» — две продольные балки в якутской юрте, которые кладутся вдоль ее стен. Так как потолок якутской юрты настилается покато и в середине юрты приподнят на толщину одного бревна над крайними балками, то с двух сторон юрты эти сёбюргэнэ образуют род полок, куда кладутся разные вещи.

8. «Джаанай» — название одного из главных городов Мытахского наслега.

9. «**Ексёкюлээх—Ёргён**» — имя легендарного шамана, распространенное повсюду среди якутов. Имя это носит нарицательный характер. **Ексёкю** — имя священной шаманской птицы — орла, а **ёргён** — означает свитую из скотской кожи веревку.

10. **Дух**, насылающий оспу, представляется якутам в образе русской женщины. Называют ее просто «**хотун**» (госпожа, княгиня), боясь назвать по имени.

В связи с эпидемиями кори и оспы у якутов сохранилось понятие «**кириэстэтэр**» (налагать крест). Так называют случаи легкого заболевания, гарантирующие человека от повторных заболеваний. **Дух** (болезни) как бы налагает на человека знамение креста в знак того, что он в дальнейшем будет пощажен. Крест — служит символом защиты и спасения. Затем, у древних туранских племен язычников был обычай наложения на лбу креста при эпидемиях.

11. «**Юрюнг-Айыы-Тойон**» — белое (чистое, священное, благое) божество (творец, небожитель), повелитель (владыко, господь) — одно из наиболее распространенных наименований главы якутского языческого пантеона богов, небожителей. В религиозных сказаниях очень часто именуется его кратко «**Юринг-Айыы**», а в обычном житейском разговоре и в молитвенных возгласах «**Айыы-Тойон**» (иногда с добавлением «**тангара**» — бог). В противоположность **Удуу-Тойону** (см. прим. 5). **Юрюнг-Айыы** олицетворяет благодетельные, творческие начала в природе, он — бог-доброджельатель по преимуществу. Понятие об **Юрюнг-Айыы** постоянно ассоциируется с летним теплом и солнечным жаром.

12. «**Эттэни**» от «эт» — мясо, тело, туша: «**эттэнэр**» — глагол — рубить на куски скотское мясо, свежевать, разрубать тушу на отдельные части. «**Эттэни**» или «**эттэти**» — разрубание, рассечение на части.

Второе значение глагола «**эттиир**» — наносить побию, бить, колотить (кого).

13. У северных якутских шаманов сохранился особый обряд, так называемый «**кётгюнюю**» — поднятие самого себя. Шаман, долго не совершающий камлания, иногда хворает, лежит на постели, или, случается, во время мистерии, вселив в себя духа, сказывается больным, якобы духи, обидевшись на что-то, причинили внезапную болезнь (у шаманов много всяких приемов, при посредстве которых они впускают народным массам реальность существования своих духов). Тогда совершается особый обряд «поднятия шамана» с хоровым пением. Веревкой, свитой из волоса (**айыы ситимэ** — божественная нить) обвивают лежащего шамана вокруг талии, а другой конец веревки прикрепляют к крестовине бубна. Пение хора сопровождается боем в бубен. Постепенно шаман начинает подпевать с другими, приходит в себя. Наконец, им овладевает привычное вдохновение, он становится на ноги и долго поет, умоляя, «восхваляя» своих духов. В данном случае хор поющих как бы вызывает в шамане вдохновение, или, как говорят якуты, — **кёгютэр**, т. е. возбуждает, развивает в нем охоту.

Возможно, что обряд «поднятия» рассекаемого шамана с хоровым пением, упоминаемый рассказчиком, совершался так же, как в северном якутском шаманизме, тем более, что и там и тут преследуется одна цель — умиловить духов пением и вылечить шамана. По шаманской идеологии, призываемый к шаманству потому и наказывается духами, что противится их велению, не берется за бубен и не поет священные гимны. Неопиту трудно одному начать священнодействие, поэтому для начала могло требоваться участие хора. Не исключена возможность и того, что в древности мог существовать особый, важный и сложный обряд — поднятия души будущего шамана с его гнезда старыми шаманами, сопровождаемый умиловительными жертвами.

Все представления, связанные с «эттэни» шаманов, рождением их от духов и т. д., очевидно, развились в древнейшую эпоху господства черного шаманизма, в период культа ездовых животных до быка включительно.

14. Якуты вообще придают слову, а особенно складной, гармонизированной речи в песнях, особое, как бы чудодейственное, значение.

Человеческое слово, по их понятиям, «иччилээх», т. е. само по себе имеет какую-то внутреннюю силу и привлекает внимание духов. Поэтому хорошие певцы воздерживаются от пения, а каждый человек должен остерегаться употреблять сильные выражения. По той же причине существует целый ряд предписаний не произносить особенно важные, чтимые имена живых или мертвых людей и даже страшных зверей.

Коллективное же слово, направляясь по одному руслу, может причинить людям страшный вред; «джон тыла хонон кисини кусаган-гнга тиэрдэр» — слово, молва народная (предполагается укор в чем-либо), сосредоточиваясь на человеке, доводит его до несчастья.

Интересна поговорка: «джон тыла—уот кымныы» — слово народное—огненный бич.

С другой стороны, слову придается и обратное значение — благодетельное, возвышающее: «джон тыла кётөгөн баччага тийдибит» — мы дожили благополучно до настоящих дней потому, что слово народное нас ограждало, приподнимало. «Онноогор абазы алгысы ылынар» — даже злой дух и тот приемлет и сдается на славословие и моление.

Духи особенно любят красноречивое слово, образное, складное «юёрэ—джюёрэ» — ритмичное, гармоничное. Иччи (силу и хозяина) — имеет именно такое слово. Вот почему по народным воззрениям знаменитые певцы, сказатели былины бывают несчастливы, ибо складным словом они будят духов природы, «от мас ичтите сосуйар, абасы ылласар» — пугливо вздрагивают духи растительности, подпевают злые духи. (Ср. Серошевский — «Якуты», стр. 593).

Несомненно, у якутов шаманизм находится в теснейшей связи с развитием народной поэзии и с проявлением дара поэтической импровизации. В первых стадиях развития религия и поэзия были не отделены; если говорить о сути вещей — то религия была поэзией, а поэзия была религией.

По древнейшим понятиям якутов, первый признак явления духов это — обретение человеком дара поэтической импровизации. Среди них есть немало скептиков, которые отвергают и шаманских духов, признавая их просто за «тыл иччитэ», — т. е. оживление словесных образов.

Недаром и ораторское искусство у них находится в большом почете. (Ср. с Логосом).

15. «Сиэн уруу» — термин, обозначающий родство, возникающее из брака; так называются нисходящие потомки женщины в отношении всей ее отцовской родни (т. е. ее девического рода), все мужские представители которой для первых будут «таай уруу». У якутов, как у бурят и монголов, «таай уруу» — материнская родня считается выше, дороже отцовской. По родовым традициям, они, независимо от степени близости, всегда почетные гости. Это обстоятельство, повидимому, стоит в связи с идеализацией женщиной-матерью своего девического периода, когда она не знала еще житейских невзгод и гнета супружества. Это чувство передается от матери к детям, тоже привыкающим с особым благоговением относиться к ее отдаленным братьям, дядям и т. д., которые при редких своих посещениях принимаются с исключительным уважением и помпой. В богатых и ро-

довитых семьях, соблюдающих традиции старины, приезд «таай уруу» обычно приурочивается ко времени устройства весенних религиозных праздников, связанных с культом предков. На этих праздниках приезжая родня, в качестве почетных гостей, принимала из рук жрецов первые кубки с божественным напитком — кумысом непосредственно вслед за угощением богов и святых покровителей.

В силу указанных причин у древних якутов, наверное и у других номадов, развился культ материнской родни и обычное представление о том, что души знаменитых шаманов нисходят и чаще перевоплощаются в боковых, дочерних линиях. Где культ, поклонение, похвальные речи, обильное угощение, — там и зарождаются духи, происходит персонификация воспоминаний о давно умерших людях. Негичего удивительно в том, что эти — «психологические персоны», образы умерших сильнее дают на сознание и дольше живут там, где когда-то их принимали как богов, с поклонами и дарами.

16. Слово «аллараа» можно понимать двояко: или это — внизу, в подземном мире, или же, при ориентировке по течению рек или речек, — здесь же на земле, но только ниже по течению. В данном случае по упоминанию полумифической горы под названием Джокуо, которую якуты обычно помещают где-то на Лене ниже устья р. Вилюя, или за Жиганском, нужно думать, что слово «аллараа» употреблено во втором смысле.

17. «Ыйык-мас». «Мас» — значит дерево, а «ыйык», не совсем понятное слово. Но по смыслу оно, как прилагательный эпитет к слову «мас», должно указывать на какое-то особенное свойство или значение этого дерева. В якутском языке имеется близкое по созвучию слово «ыйаах» — указ, приказ, повеление, судьба, рок, предопределение. Если «ыйык» признат видоизменением слова «ыйаах», то все выражение «ыйык мас» означало бы — «дерево судьбы», предопределяющее жизнь человека, в данном случае и шамана, так как он становится таковым, по понятиям якутов, вследствие наследственного предрасположения и принадлежности к древнему шаманскому родословному дереву. Из глубин седой древности идет шаманский род, в отношении которого данный шаман будет только одной из многочисленных его ветвей, одним из отростков.

Вот почему в отношении шаманов излюбленным символическим образом является большое дерево, корни которого теряются в глубине веков, а вершина уходит в даль грядущего. Так как ряд шаманских поколений представляется непрерывным, начиная от мыслимого первошамана, то дерево, символизирующее весь шаманский род, должно казаться действительно величественным.

18. «Кыдай-Бахсы» — мифологическое существо, относящееся к числу хтонических подземных божеств и в дохристианской религии якутов игравшее очень важную роль. Он в настоящее время является специальным богом покровителем кузнецов, их первоучителем и прототипом. По некоторым данным, он в таком же отношении стоит и к шаманам, точно так же и к царям. В богатырских былинах якутов постоянный его эпитет — «предок кузнецов и царей, ханов» («уусхаан тёрдэ»), а у северных якутов, у которых яснее сохранились древние представления, этот сложный эпитет служит и его собственным именем без добавления «Кыдай Бахсы». Между прочим, слово «багши» по-монгольски — учитель, наставник (см. словарь Бимбаева), а по тарскому и джигатайскому наречиям тюркского языка «бахши» — врач-колдун (см. Радлов — «Опыт словаря тюркских наречий»); оно известно также и манжураи.

Северно-якутское имя «Ус-Хан», несомненно, есть общеизвестное южным тюркам имя легендарного Огуз-хана, праотца и Адама всех тюркских племен, но только в слове «огуз» или «огус» — сочетание первых трех звуков — «огу» перешло в долгий гласный «у» и получилось «уус» вместо «огус». Монгольский письменный язык вполне отчетливо сохранил процесс образования долгих гласных — «а», «у», «о», «э» путем сокращения — «ага», «ого», «эгэ», «агу», «угэ», «уха» и т. д. Например, уула—гора—пишется агула, гуун—кобылица—пишется гэгун, аали—тихий—пишется агали, баатор—богатырь—пишется багатор (русский и якутский языки сохранили это слово именно в этой древней форме — «богатырь», якут. — бухатыыр и баатыр). Среди ученых лингвистов по поводу происхождения долгих гласных в тюрко-монгольских языках нет единогласного решения.

Поэтому якутское слово «уус» — кузнец, мастер, умелый, искусный, а также род, поколение, предок (слово «ус» со значением ловкость, искусство, искусная работа — сохранилось и у южных тюрков, а также и в османском наречии — «уз») — нужно рассматривать, как производное от «огус». Древние тюрки по своему легендарному тотемистическому предку называли себя огузами (т.е. быками), а в летописях разных народов известны под общим наименованием огузов, гузов, узов и т. д. Эти слова наверное и понимались в нарицательном значении народа — быков и кузнецов. В русском слове куз-нец слышатся те же звуки — «гуз».

«Кыдай-Бахсы» всегда представляется кузнецом; живет в подземном мире и непрерывно кузнечит. Иногда в богатырских былинах ослабевшие богатыри спускаются к нему и ложатся в его горы, чтобы закалиться и окрепнуть. Он кует все богатырские доспехи, подобно греческому Гефесту.

Несмотря на то, что «Кыдай-Бахсы» живет под землей, где по воззрениям якутов обитают бесы (есть еще и верхние бесы), он представляется благодетельным существом, так как от него люди впервые получили дар кузнечного искусства, повидимому, и шаманства. Иногда он якобы причиняет болезнь своим потомкам, отпрыскам древних кузнецов, чтобы обратить их к забытому родовому ремеслу. Тогда потомок кузнеца должен через шамана принести ему в жертву порога черной масти и приняться за свое наследственное занятие. По понятиям якутов, только при этих условиях болезнь проходит. В этом отношении наблюдается полное тождество кузнецов и шаманов. Последние тоже, как это видно из совокупности всех печатаемых преданий, принимаются за ремесло своих предков только после тяжелой болезни.

В имени этого предка кузнецов и шаманов интересным представляется первое слово — «кыдай», которое иногда звучит — «кудай бахсы». Корень этого слова, — «кут» или «куд» у якутов значит — душа, встречается также в древних и современных турецких наречиях (османском, кара-киргизском, телеутском, в древн. уйгурском и орхонском тюркских наречиях (см. Радлов «Опыт словаря тюрк. нар.», вып. 10, стр. 990) со значением «счастье» и в других производных значениях. Как это ни странно, с таким же значением «счастье» встречается и в тунгусских наречиях (см. «Тунгусско-русский словарь» Е. И. Титова, 85 стр.) — «куту, куты — счастье» у северо-байкальских и витимских тунгусов, зарегистрировано также и у илимпейских тунгусов с таким же значением (мой записи). С тем же значением усвоено и монголами «хутог» — святость, счастье, достоинство, а также «хутугто» — святой, достигший спасения, титул духовных особ и перерожденцев в северном буддизме (см. Бимбаев, «Слов. монг. языка», 71 стр.). Со значением перерожденца это слово встречается и в якутских шаманистических представлениях, а именно, среди северных яку-

тов существует понятие о так наз. «кут-ого» (душа-ребенок), который якобы является вторично рожденной душой ранее жившего человека. В Намском улусе мною записано также предание о легендарном шамане с именем «Кут-Ойун» (шаман-перерожденец).

В богатырских былинах слово «кудай» встречается в смысле счастливый, благодатный, например, «кудай кинэ» — счастливый центр; так поется про широкую равнину, местожительство былинных богатырей. В 4 Мальжегарском наслеге Западно-Кангаласского улуса «кудай» служит собственным именем одной равнины, которая по своему местоположению, удобству и красоте является одним из лучших мест, летников в этом районе. Повидимому, этим именем древние якуты хотели подчеркнуть особо счастливый, благодатный характер местности.

У южных тюрков «кудай», «худай», «худа» значит бог. Ученые лингвисты полагают, что это слово заимствовано тюрками из персидского языка (см. Радлов «Опыт Словаря тюркс. нареч.», вып 10, стр. 998 и вып. 12, стр. 1736), как и все то, что служит признаком какой-либо высшей культуры.

19. Якуты отличают обыкновенное пение от шаманского. Последнее передается словом «кутурар», что значит — быть одержимым душой (кут), бесноваться, т.-е. поет не сам шаман, а будто бы та душа, которая вселилась в него. Напев, при кутуруу значительно отличается от простого пения: поют грубым голосом, порывисто, с беспрестанным мотанием головой и не глядя на людей.

20. Рассказчик в данном случае употребил слово «мэнэрийэр», которое употребляется в отношении пения женщин, одержимых припадками истерии. Это, повидимому, более древнее слово имеет тот же смысл, что и «кутурар», так как в древности душу умерших, по преимуществу шаманов, называли «мэнге, отсюда «мэнэрик» — тоже одержимый душой.

21. «Лу» — дракон. «Lüji, luı — дракон». А. Г. (См. Радлов «Опыт словаря тюрк. нареч.», вып. 15).

Лу — дракон (см. «Русско-монголо-бурятский словарь» Подгорбунского, 79 стр.).

Лоу — дракон, мифическое существо. Лоуин дагун — голос дракона, гром. Лоу сара — третья луна, последний весенний месяц. Лоу цаг — время от 7 до 9 ч. утра (см. Бимбаев «Русско-Монгольский словарь», 108 стр.).

Весьма возможно, что якутское «луо» есть пережиток древнетюркского и монгольского — лу, лоу — дракон, мифическое существо. В настоящее время якуты утратили понимание его смысла. Но у них существует другое слово, близкое по звуковому составу к упомянутому «луо», а именно «улуу» со значением великий, важный, гордый, страшный. Это слово в качестве постоянного, излюбленного эпитета сочетается с мифологическим представлением персонафицированного неба, точно так же и земли, напр., «улуу халлаан» — великое, грозное небо, или «улуу дойду» — великая страна и, наконец, Улуу Тойон — имя древнего грозного божества, олицетворения морозного неба. Несомненно, что в этом последнем значении «улуу» близко к «лу», «лоу» — дракон и гром, которые являлись ближайшими символами неба.

22. Чэнгкэйдөх-Аньага — собственное имя, не имеющее важного значения.

23. Употреблено слово — «дабайар» — подниматься по склону горы.

Современные якуты местожительство так называемых «верхних духов» представляют неопределенно: у одних это вообще страны, лежащие выше по течению реки (на юге), а некоторые поясняют, что это где-то на небесах.

Повидимому, когда-то под «верхней страной» разумеалась в якутской мифологии страна на юге, выше по течению главной реки, куда нужно подниматься как-будто на гору.

Очень возможно, что на старой родине якутов были высокие горы, расположенные в верховьях реки, где предполагалось обычное местожительство духов-предков, на подобие греческого Олимпа. Затем якуты, все время двигавшиеся с далекого юга на север, не могли не сохранить представление о своей прежней родине, где остались души предков, как об оставшейся на юге, выше, в верховьях рек, текущих в Ледовитый океан.

24. «Джагыл» — большие пятна в масти лошади около передних лопаток на шее с обеих сторон, которые в религиозных представлениях якутов символизируют крылья коня. Лошади, отмеченные такими пятнами, являются наиболее излюбленными для посвящения верхнему духу, Куньнаас—Ойун'у или Кинээс—Ойун'у. Этого духа чаще называют «Джатыл—Атырдаах» — т.-е. «имеющий жеребцов с крыланом».

Добавление слова — «бар», может быть, характеризует масть крылана у лошади — «бар-джагыл» — темный крылан, или может означать — поголовно все, т.-е. все жеребцы этого духа имеют такой признак. Слово «бар» в якутском языке употребляется для обозначения: множества, густоты, всей совокупности, всех присутствующих, напр., «бар—дзон истинг» — все люди (присутствующие), слушайте, «или — бар хара тыа» — густой, черный лес. В былинах иногда упоминается «бар-кыыл», какой-то мифический зверь, надо полагать, отголосок воспоминаний о тигре, который у монголов и у южных тюрков известен под названием — бар» или барас, так же как и у бурят. Впрочем, и у самих якутов тигр, иногда забредаящий с Амура, известен под названием — «баабыр», которое можно рассматривать как изменение древнего «бар» (см. Э. К. Пекарский «Якутский словарь» и И. П. Будищев — «Русско-якутский словарь»).

25. Вода источника «гибели и смерти» — древнее мифологическое, или, вернее, поэтическое представление, которое теперь большинство рядовых якутов уже не понимает. Этот образ, как можно полагать, возник в связи с представлением и сравнением жизни с течением реки: жизнь не стоит — она постоянно течет и изменяется; то, что было сегодня, уже не повторится вновь, жизнь — постоянная смена поколений, лиц и новых событий. На этой реке жизни наблюдаются, так сказать, два потока, текущих в противоположные стороны — один поток радости, счастья, обилия роста, размножения, а другой — поток горя, слез, крови, плача и стога. По одному руслу струится молоко, символ довольства и изобилия, а по другому — слезы и кровь. Первый поток является в результате промысла одних духов, заботящихся о жизни, о благополучии людей, а другой поток от демонов, бесов, которые стремятся разрушить все то, что создается первыми.

К явлениям первого порядка имеют отношение так называемые «айыы ойуна» — белые шаманы, жрецы светлых духов, которые должны были уступить свое место христианским попам. (Якуты приняли христианство 150 лет тому назад). К явлениям второго порядка имеют отношение «абаасы ойуна» — шаманы бесов, которые сохранились и до настоящего времени, так как их заместители — врачи, до сих пор далеки и недоступны массам.

26. Очевидно, что медведи, в качестве носителей души шаманки после ее смерти, включены в рассказ для подтверждения тунгусского происхождения ее духов.

27. «Хомусун» — так якуты называют способность некоторых шаманов показывать сверхъестественные фокусы силою своих духов. Они будто бы могут прободать свой живот ножом без вреда для себя,

удлинять шею, перебрасывать предметы на расстоянии по воздуху. Все эти фокусы, существующие только в рассказах, якуты обычно объясняют способностью шаманов действовать на зрение людей, создавая коллективные иллюзии, галлюцинации. Они говорят: «шаман связывает, путает зрение человека». Само собой разумеется, что среди якутов, как и всякого другого народа, наряду с разумными и трезвомыслящими, немало и простаков, которые все рассказы о шаманах принимают за чистую монету.

Во всяком случае знакомство со всем складом мышления якутов, с общим мировоззрением их доказывает, что современный черный шаманизм является только пережитком давно прошедшей древности, который бытует до настоящего времени в силу консерватизма большинства народной массы, тогда как верхушка народа, может быть, позднейшие его завоеватели, давно, возможно несколько тысяч лет тому назад, выработала иное религиозное мировоззрение.

Шаманские мистерии у якутов всегда совершаются ночью в юрте, где царит полумрак, так как при камлании не разрешается поддерживать пылающий, яркий огонь. Затем, шаманы свои фокусы показывают только в конце долгих, утомительных мистерий, когда и без того уставшие за день люди под действием мерных, однообразных звуков бубна и тоже однотонной, гармонизированной песенной речи находятся в особо благоприятных условиях для внушения. Обычно к тому времени некоторые уже дремлют, и нет ничего удивительного в том, что ими воображаются всякие чудеса, которые находятся в согласии с бытующими в народе легендарными сказаниями о так называемых великих шаманах. Post factum господами положения часто оказываются наиболее легкомысленные субъекты с развитой фантазией, которые пускают слухи о том, что якобы они сами видели своими глазами, слышали собственными ушами. Нередко якуты для большей убедительности своих рассказов прибегают к приему создания «были» о том, чему они сами и такие-то (имя рек) были «очевидцами». Первоначальная полусознательная ложь позже по мере повторения превращается в непреложную истину даже и для самого рассказчика.

28. «Буга» у южных тюрков и у монголо-бурят — название быка-производителя. В якутской речи это слово утрачено, быка-производителя называют «атыр огус» (атыр — самец, а огус — бык вообще). В виде пережитка слово «буга» сохранилось, однако, в некоторых выражениях, напр., про сильного человека говорят «буга киси» — крепкий, мощный, сильный человек. Повидимому, пороз — «буга» был символом силы и мощи. Тюрко-монгольское слово богатырь, усвоенное и славянами, имеет своим корнем именно «буга». У якутов богатырь, буха тыыр, или сокращенно «баатыр», «боотур»; у монголов — багатор, баатор. От «буга» у якутов наверное происходит и слово «бёгё» — крепкий, сильный, отсюда и бёгёс — силач, богатырь. (Наверное отсюда и бек, беки — древне-тюркское дворянство; в орхонском тюрк. языке — бэг, бэглэр).

29. «Буха-Нойын» (пороз — князь) — мифологический предок бурятского народа, один из сыновей главного бога Эсэгэ-Малаан-Тэнгри, спустившийся с неба на землю, чтобы защитить бурят от козней злых северо-восточных богов. Буха-Нойын обычно представляется в образе быка-производителя и считается главою доброжелательных духов-покровителей, так называемых юго-западных Хатов. В честь Буха-Нойын — Баабай (Б. Н. — отец), его жены Будан-Хатан-Иби (Будан — царица — мать) и других Хатов (повидимому, потомков этой пары богов) буряты шаманисты в начале лета устраивают общественные моления, так наз. тайлганы, с кровавыми и бескровными жертвами.

ДАнные о личности сказителей

Алексеев Гавриил Тихонович, 58 лет, якут 1-го Мальжегарского наслега. Неграмотный, постоянный житель своего наслега. Один из лучших знатоков старины и хранитель ее заветов. С ним встречался два раза — летом 1921 года и в январе 1925 года. Оба раза записал от него интересные легенды и сведения по героическому эпосу и по религии. Стр. 41, 45.

Алексеев Иван Алексеевич, 42 лет, неграмотный, якут Сюльского наслега Нюрбинского улуса. Стр. 52, 92.

Алексеев Михаил Семенович, 68 лет, якут Кэнтикского наслега Верхне-Вилюйского улуса. Неграмотный, постоянный сельский житель. Один из наиболее надежных свидетелей. Стр. 58, 63.

Андреев Егор, якут Мархинского улуса, неграмотный. Сельский житель. Сведений о его летах в моих записях не сохранилось. Стр. 25.

Барахов Никифор, 65 лет, якут Харбалахского наслега Верхне-Вилюйского улуса. Неграмотный. С ним случайно встретился в городе Вилюйске. Производит впечатление делового практического человека, не любящего всякие рассказы; скуп, в немногих словах передает только то, что положительно знает и слышал. Стр. 52.

Башилханов Багдуй, бурят Басаевского улуса Ользонского хошуна. Неграмотный сельский житель. Стр. 102.

Борисов Василий Егорович, якут 1-го Кангаласского наслега Мархинского улуса. Неграмотный сельский житель, человек преклонных лет, но точных данных о его годах в моих записях нет. Стр. 26.

Борисов Михаил Иннокентьевич, 66 лет, якут Кангаласского наслега Мархинского улуса. Неграмотный постоянный житель своего наслега. По своему возрасту и положению тоже один из важных свидетелей старины. Стр. 26, 55, 67, 91.

Булагатов Буин, 31 года, бурят Ользонского хошуна, Оловеского булука Эхирит-Булагатского аймака. Неграмотный улусный житель. Стр. 102.

Бухашеев Булагат, 70 лет, бурят Булагатского хошуна Эхирит-Булагатского аймака. Неграмотный. Постоянно живет в улусе. Стр. 701.

Васильев Адам, 90 лет, якут 2-го Удюгейского наслега Верхне-Вилюйского улуса, неграмотный. Рядовой сельский якут. По своему почтенному возрасту является одним из наиболее важных свидетелей древних якутских понятий и представлений. Его улус и наслег один из наименее тронутых культурой; хлебопашеством занимаются

очень мало, живут главным образом скотоводством, отчасти охотой и рыболовством. Влияние Ленских приисков еще не докатилось. Стр. 52.

Васильев Евдоким Васильевич, 65 лет, якут Баппагайского наслега Средне-Вилуйского улуса. Неграмотный, в прошлом состоятельный человек, владелец оленьих стад, служил и в должностях по сельскому административному управлению. Во время своей вилуйской поездки у него в доме я провел два дня, пользуясь его гостеприимством, чтобы наиболее полно использовать его знания по всем пунктам намеченной мною программы. Ориентировочные сведения об особенностях духовной культуры вилуйских якутов, полученные от него, принесли мне большую пользу во всей моей дальнейшей работе по Вилую. Они служили мне вехами при расспросах случайно встреченных лиц, заранее преуведомляя о том, на какие темы нужно ждать положительных ответов, о чем расспрашивать в первую очередь. Полевому этнографу бывает очень трудно использовать мимолетные встречи с разными лицами, если нет общих ориентировочных сведений о данном районе. Вдумчивый, осторожный, основательный — Васильев производил самое благоприятное впечатление. Бросается в глаза его умение быстро понять суть вопроса и давать краткие, точные ответы, не пытаясь выдумывать ответы на то, чего он не знает. Стр. 66, 69.

Говоров Михаил, 61 года, якут 1 Ольтекского наслега Боргогонского улуса. Неграмотный, постоянно живет в своем наслеге. С ним случайно встретился в декабре 1924 г. в г. Якутске. Знает много легенд о старине, интересен, как представитель отдаленного Боргогонского улуса. За два вечера бесед мною записано с его слов несколько рассказов о шаманах и героях, носящих ясный колорит древности. Стр. 19, 21, 94, 95.

Данилов Иннокентий Иванович, 71 года, якут 3-го Мальжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный. Постоянно живет в своем наслеге. В молодости бывал на Ленских приисках. Встретился с ним случайно во время поездки в 1-й Мальжегорский наслег, куда и он приехал по своим делам. Несмотря на свои лета, — бодрый старик, один из лучших знатоков старины и умелый рассказчик. Стр. 22, 62, 75.

Данилов Никифор, 59 лет, якут 3-го Мальжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный, безвыездно живет в своем наслеге. Мною лично опрошен не был. Рассказ его записан моим сотрудником Семеном Даниловым. Стр. 47.

Данилов Петр Данилович, 58 лет, якут 3-го Мальжегарского наслега. Постоянный житель своего наслега. Помнит некоторые рассказы своего умершего родича, известного знатока старины, Дзёсюёл-Огонньор, с уст которого многие старики передают сказания о былом. Стр. 14, 42, 64.

Догоюков Иван Павлович, 80 лет, якут Накаского наслега Нюрбинского улуса. Неграмотный. Постоянно живет в своем наслеге. Известный певец-импровизатор, завсегдатай ысыахов (повсеместно распространенный у якутов праздник освящения кумыса в начале лета). Стр. 55.

Егорова Матрена Ивановна, 88 лет, якутка Качикатского наслега Восточно-Кангаласского улуса. Постоянно живет в своем наслеге. От ее рассказов веет подлинной стариной, но, к сожалению, она многое перезабыла и быстро устает. Стр. 49, 65, 73, 74, 77.

Егоров Семен Алексеевич, 70 лет, якут 1-го Чечуйского наслега Верхне-Вилуйского улуса. Неграмотный, прежде несколько лет прослужил улусным головой и потому, как человек везде бывалый и принимаемый с почетом, имеет обширные сведения о нравах и обычаях старинных якутов, слышал много рассказов. Два дня в течение

нескольких часов он очень любезно и охотно делился со мной своими познаниями по разным отраслям якутского быта, начиная с юридических обычаев по системе применявшихся якутами уголовных наказаний и свадебных обычаев и кончая преданиями о шаманах. К сожалению, недостаток времени не позволил мне еще более подробно использовать как его охоту, так и обширные познания по народному быту, соединенные с редкой осторожностью и вдумчивостью в тех или других утверждениях. Стр. 56, 66.

Емельянов Егор Николаевич, 70 лет, якут 4-го Мальжегарского наслега. Неграмотный, постоянный житель своего наслега. Стр. 49.

Ефремов Николай Григорьевич, 55 лет, якут 2-го Мальжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный, сельский житель. Стр. 14.

Затеев Софрон Семенович, 42 лет, якут 1-го Мальжегарского наслега того же улуса (З.-Канг.), неграмотный, постоянно живет в своем наслеге. Стр. 44, 62, 71.

Захаров Иуда Иннокентьевич, якут Быраканского наслега Верхне-Вилуйского улуса. Неграмотный, пожилых лет. Рядовой якут, мало задетый русской культурой. Точных данных о его возрасте в моих дневниках не сохранилось. Стр. 86.

Иванов Петр Степанович, 61 года, якут 1-го Мальжегарского наслега, хорошо грамотный, бывалый, речистый человек. Поэтому его показания подлежат проверке другими параллельными данными. Стр. 45, 63, 83.

Ильин Николай, 73 лет, якут 2-го Одуинского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный сельский житель. Одуинский наслег, местожительство Ильина, расположен среди глухой тайги, вдали от культурных центров. Население живет скотоводством и охотой, с земледелием совершенно не знакомо. Здесь больше, чем где-либо, можно ожидать следов древних понятий и представлений якутов. Стр. 29.

Козлов Василий, 34 лет, якут 1 Малтанского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный, постоянный житель своего наслега. В качестве отпрыска когда-то богатой и родовитой фамилии по семейной традиции является хранителем народных легенд о прошлом, и, несмотря на молодость, может считаться опытным рассказчиком. Стр. 30, 93, 97.

Лукин Александр Алексеевич, 66 лет, якут Мытахского наслега Западно-Кангаласского улуса. Живет безвыездно в своем отдаленном и глухом наслеге. Неграмотный. Стр. 60, 69.

Марков Николай, 59 лет, якут 1-го Мальжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный, постоянно живет в родном наслеге.

Рассказ Маркова о его бредовых переживаниях представляется весьма характерным и интересным для изучения шаманистической психологии. По поводу всего пережитого сам рассказчик находился в состоянии какого-то недоумения, повидному усматривая в них элемент чудесности и сверхъестественности. Еще до встречи со мной он нарочито позвал своего соседа, интеллигентного якута Петра Иванова, и также подробно исповедывался перед ним, как бы желая услышать от него подтверждение своего убеждения, что все это стряслось с ним не совсем спроста.

Несомненно, в основе веры в «духов» отчасти лежит значительная доля веры в реальность подобного рода переживаний. Обыкновенным сновидениям якуты придают лишь смысл символических предзнаменований, и то в редких случаях, но цельные картины бредовых видений

с открытыми глазами когда-то могли рассматриваться, как таинственное общение с миром невидимых духов. Своих шаманов, в отличие от простых смертных, они всегда отмечают, как более зрячих («харах уоттах» — с огнем в глазах). Стр. 36.

Мафусуилов Тимофей, 28 лет, тунгус Буюгирского рода 7-ми Кангаласских родов, которые бродят между Леной и Алданом. Говорит хорошо и по-якутски. Стр. 104.

Михайлов Степан Данилович, 47 лет, якут Кэнтикского наслега Верхне-Вилуйского улуса. Неграмотный, постоянно живет в своем наслеге. В его показаниях выступает новый момент в страстях шамана, а именно, возведение его на гору и искушение духами, обстоятельство очень важное в культе страдающих сынов божинх. Необходимо проверка параллельными расспросами в других местах. Стр. 56, 58, 61.

Никифоров Иннокентий, 58 лет, якут 4-го Мальжегарского наслега. Малограмотный, постоянно живет в своем наслеге, сельский хозяин. В молодости живал на Ленских приисках и в низовьях Лены. Большой знаток шаманства. Стр. 48.

Павлов Капитон, 45 лет, якут 4-го Малтанского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный, безвыездно живет в своем отдаленном от всех культурных центров наслеге. Стр. 53, 65, 78.

Павлов Николай Устинович, 76 лет, якут 2-го Мальжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный, живет в своем наслеге.

Происходит из знатного рода, служил очень долго в улусных должностях — выборным и имел возможность бывать во многих углах улуса, вести беседы с знатоками старины. Постоянное общение с лучшими людьми улуса и с разным начальством развило в нем способность вести занимательные и интересные беседы. В молодости, по его словам, умел сказывать былины и славился, как известный певец. Но после того как во сне и наяву стали чудиться звуки пения, он бросил петь и сказывать былины. Среди якутов распространено суеверное понятие, что избранный, особо талантливый певец вызывает соперничество певца-духа. Эта борьба с духом якобы порождает несчастье.

Павлов особенно почтительно отзывается о своих отдаленных предках, культовое почитание имен которых ему, повидимому, по натуре присуще. Его отец, Устин Павлов, был головою улуса. Стр. 15, 18, 43, 46.

Павлов Платон Устинович, 70 лет, якут 2-го Мальжегарского наслега. Постоянно живет в своем наслеге. Стр. 44.

Петров Иван, якут 2-го Хоринского наслега Верхне-Вилуйского улуса. Неграмотный. Стр. 81.

Попов Василий Федорович, 45 лет, якут 2-го Бордонского наслега Хочинского улуса. Грамотный, известный в своем районе певец-импровизатор, хороший рассказчик. Когда я, во время своей поездки через Виллой зимой 1925 года, на неделю остановился в Хаданском наслеге Хочинского улуса, он сам приехал ко мне и терпеливо диктовал хороводные песни Виллойских якутов, сохранившие отчетливый колорит древности, и сообщил несколько интересных преданий, слышанных им когда-то от стариков и удержанных им в памяти с замечательной точностью. Подобную напечатанной легенду о перерождении шамана со всеми ее деталями я слышал и записал в самом отдаленном и северном улусе, Жиганском, от одного намского якута, некоего Атласова, с которым случайно встретился в чуме бродячего туземца на реке Эбитизм. Стр. 78.

Попов Иван Николаевич, 30 лет, неграмотный, якут 1-го Бордонского наслега Нюрбинского улуса. Стр. 81.

Попов Прокопий Николаевич, якут 2-го Одуинского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный. Я застал его в Верхне-Виллойском улусе. К сожалению, в моих заметках не сохранилось сведений о том — живет ли он там постоянно, или приехал туда недавно. Стр. 57.

Протодьяконова Евдокия, 27 лет, якутка Качикатского наслега. Стр. 50.

Романов Тимофей, 53 лет, якут 3-го Мальжегарского наслега. Неграмотный, живет в своем наслеге. Стр. 45.

Руфов Александр, 64 лет, якут Удогейского наслега Верхне-Виллойского улуса. Неграмотный, постоянный житель своего наслега. Стр. 68.

Рыкунов Осип, 72 лет, якут 1-го Мальжегарского наслега. Неграмотный, постоянный житель своего наслега. Бодрый старик, много знающий о прошлом. Стр. 14, 51, 73.

Самсонов Спиридон, 83 лет, якут Одейского наслега Мархинского улуса. Неграмотный, постоянный житель своего наслега. По почтенному возрасту, сделавшему его свидетелем многих лет, его показания должны быть признаны наиболее важными и серьезными доказательствами в ряду других разноречивых данных. Стр. 54, 62, 64, 69.

Семенов Семен, 60 лет, тунгус из рода Чапогир Туруханского края. Жил в момент встречи у устья речки Сизктома, впадающей в Н.-Тунгуску. Раньше, по его словам, давал сведения по шаманизму этнографу А. А. Макаренко. Стр. 103, 105.

Слепцов Кузьма, 65 лет, якут 4-го Мальжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный, постоянно живет в своем наслеге, известен в ближайшем районе, как хороший сказитель богатырских былин. Рос и воспитался в Немеюгинском наслеге, который считается культурным центром всего Кангаласского улуса. С раннего детства он болен глазами и в течение ряда лет обращался к помощи шаманов, которые предписывали ему держать скот определенной масти, посвященный шаманским духам. В виду этого он издално проникся шаманистическими воззрениями и является одним из лучших знатоков религиозных мифов, обычаев и обрядов. Стр. 77, 85.

Пишущий эти строки первые обстоятельные сведения по демонологии и фольклору якутов получил от К. Слепцова, который в качестве его ближайшего соседа и своего человека был всегда терпеливым истолкователем народных обычаев и религиозных воззрений.

Степанов Иван, 55 лет, якут Хоринского наслега Верхне-Виллойского улуса. Неграмотный, сельский житель, самый рядовой якут по наружному виду и духовному облику, и в этом смысле — надежный объект для изучения по нему якутской обыденщины. Стр. 89.

Степанов Михаил, 53 лет, бурят Басаевского улуса Ользонского хошуна, Эхрит-Булагатского аймака. Неграмотный, известный во всем околотке шаман. Почти каждый день его сородичи возят его для исправления шаманских треб. Степанов очень охотно дает сведения по шаманскому культу и не боится их опубликования. Зимой 1923 года по просьбе проф. Б. Э. Петри на его публичной лекции в г. Иркутске перед большой аудиторией он показывал шаманский обряд вызывания и вселения в себя духов предков. Кроме того, как видно из опубликованных работ Б. Э. Петри, он давал последнему много интересных данных по шаманизму. В ноябре 1925 г. я провел целую неделю у Степанова и разъезжал вместе с ним, наблюдая и записывая совершаемые им обряды. В течение нескольких дней он

терпеливо диктовал мне бурятские тексты своих шаманских молений от начала до конца, стараясь не пропустить ничего существенного. К сожалению, Степанов плохо владеет русским языком и с ним приходится разговаривать через переводчика. Стр. 101, 102.

Устинов Константин Прокопьевич, 82 лет, якут 5-го Мальжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный, безвыездно проживает в своем наслеге. Несмотря на свой глубокий старческий возраст, поражает полной сохранностью умственных способностей и отчетливой памятью. И по внешнему виду не особенно заметны признаки дряхлости. В общем Устинов должен быть причислен к числу наиболее важных свидетелей седой старины. От него мы в праве ожидать самые интересные показания с отчетливым колоритом большой давности. Стр. 48.

Чолко Иван, тунгус Чапогирского рода Туруханского края. По профессии шаман, живет на реке Нижняя Тунгуска в урочище Ингаарыкт. При мне совершил камлание над одним больным. Говорит только по-тунгуски, его показания переводили служащие Ербогаченского кооператива «Тунгус» В. С. Пежемский и Н. Л. Зелинский, вместе с которыми я совершил плавание на лодке от Ербогачена (большое селение в верховьях Н. Тунгуски, входящее в Киренский округ) до гор Ново-Туруханска весной 1925 г. Правление Ербогаченского кооператива оказало большую услугу, приняв меня бесплатно в качестве пассажира на лодку, снаряженную ими для торговой экспедиции по реке Н. Тунгуске. Вышеназванные служащие кооператива, прекрасно владеющие тунгусским языком, за время нашего долгого плавания, продолжавшегося 25 дней, были переводчиками. Кроме того, при каждой остановке на стойбищах тунгусов они давали мне возможность и время заниматься расспросами и наблюдениями, оказывая всяческое содействие. Стр. 103, 105.

Чепалов Павел Григорьевич, 72 лет, якут 1-го Мальжегарского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный, постоянно живет в своем наслеге. Типичный якутский простолюдин, совсем не тронутый культурой. Стр. 98.

Шадрин Николай Степанович, 76 лет, якут 5-го Мальжегарского наслега. Неграмотный, безвыездно живет в своем наслеге, старозаветный якут. Встретился с ним во время своей научной поездки в его наслег. Рекомендовали — как знатока старины. Стр. 50.

Шепелев Федор, 28 лет, якут Хоринского наслега Западно-Кангаласского улуса. Неграмотный. Стр. 64.

Яковлев Иван, 68 лет, якут наслега Элэмтэ Средне-Виллюйского улуса. Неграмотный, сельский житель. Стр. 27.

Библиотека Владивосток. Р. В. ВКО (6)
Демидовский пр. 25 Октябрь 1926.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Общая о шаманстве.

Веселовский Н.—Шаманизм (Энцикл. Словарь Брокгауза-Эфрона, полутом 77, сс. 119—121).

Михайловский В.—Шаманство. Сравнительно-этнографический очерк. В. I. М. 1892 г.

Подгорбунский В.—Материалы для изучения шаманских бубнов туземцев Сибири (Сборн. трудов Иркутск. Гос. Ун-та, в. 4, 1923 г., сс. 209—240).

Спицын А.—Шаманизм в отношении к русской археологии (Записки Русского Археологич. Об-ва, т. XI, в. 1—2, нов. серия, Труды Отд. Славянской и Русской Археологии, кн. 4, П. 1899 г.).

Спицын А.—Шаманские изображения (Записки Отделения Русской и Славянской Археологии, т. 8, в. I, 1906 г.).

Урсынович С.—Религии туземных народностей Сибири. М. 1920 г.

Харузин Н.—Этнография. Т. 4. Верования. П. 1905 г.

Шашков С.—Шаманство в Сибири (Записки Русского Географич. Общества, 1864 г., кн. 2).

Штернберг Л.—Избранничество в религии (Этнография, 1927 г., № 1, сс. 3—56).

Щукин Н.—Шаманство у сибирских инородцев (Журнал Министерства Народн. Просвещения, 1846 г., кн. 2, сс. 48—61).

Casapowicz J. — Shamanism of the nation of Siberia (Smithsonian Report, 1924 pp. 415—434).

Mac Culloch J. — Shamanism Encyclop. of Religion and Ethics. edited by Hastings, v. XI, 1920, pp. 441—6).

Nioradze G. Der Schamanismus bei den sibirischen Völkern. Stuttgart, 1925.

2. О шаманстве у якутов.

Алексий — иеродиакон. — Краткий очерк современного религиозного состояния якутов (Православный Собеседник, 1900 г., июль—август, сс. 45—52).

Васильев В. — Шаманский костюм и бубен у якутов (Сборник Музея Антропологии и Этнографии Ак. Наук, т. I, в. 8, П. 1910 г.).

Васильев В. — Изображения долгано-якутских духов как атрибуты шаманства (Живая Старина, год 18, 1909 г., в. 2 — 3, сс. 269—88).

Виташевский Н. — Материалы для изучения шаманства у якутов (Записки Вост.-Сибирского Отдела Русского Географического Общества по этнографии, 1890 г., т. 2, в. 2, сс. 36—42).

Виташевский Н. — Из области первобытного психонейроза (Этнографическое Обозрение, кн. 88—9, 1911 г., № 1—2, сс. 180—228)

Виташевский Н. — Из наблюдений над якутскими шаманскими действиями (Сборн. Музея Антропологии и Этнографии, т. 5, в. I, П. 1918 г.).

Вруцевич М. — Обитатели, культура и жизнь в Якутской области (Записки Русск. Географич. Общества по отд. этнографии, т. 17, в. 2, П. 1891 г.).

Горохов Н. — Материалы для изучения шаманства в Сибири. Следы шаманства у якутов (Известия Вост.-Сибирского Отдела Русского Географ. Общества, т. 13, № 3, 1882, сс. 36—9).

Ионов В. — Обзор литературы по верованиям якутов (Живая Старина, г. 23, в. 3—4, 1914 г., сс. 317—372).

Ионов В. — К вопросу об изучении до-христианских верований якутов (Сборн. Музея Антроп. и Этногр., т. 5, в. I, П. 1918 г.).

Корнилов И. — Из якутских поверий (Известия Восточно-Сибирск. Отдела Русского Географ. Об-ва, т. 39, 1908 г., сс. 82—5).

Ксенофонтов Г. — Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. Иркутск, 1928 г.

Ксенофонтов Г. — Хрестес. Шаманизм и христианство. Ирк. 1929 г.

Маак Р. — Вилюйский округ Якутской области. Ч. 3, П., 1887 г.

Мицкевич С. — Мэнэрик и эмиряченье. Формы истерии в Колымском крае. Лен. 1929 г.

Овчинников. — 1) К народной медицине; 2) Якутской области. (Этнографич. Обозрение, кн. 12, 1892 г., № 1, сс. 185—7).

Описание якутов, их происхождение... и т. д. (Северный Архив, 1822 г., ч. 3, сс. 204—221, 273—300, 367—380).

Пекарский Э. и Васильев В. — Плащ и бубен якутского шамана (Этнографич. Отдел Русского Музея, Материалы по этнографии России, т. I, П., 1910 г., сс. 93—116).

Попов А. — О верованиях якутов Якутской области (Известия Вост. Сибирск. Отдела Русск. Географич. Об-ва, т. 17, № 1—2, 1886 г.).

Попов Л.—Сведения о языческих верованиях и обычаях прежних якутов (Якутские Епархиальн. Ведомости, 1893 г., №№ 22, 23).

Приклонский В.—Шаманство у якутов (Известия Вост.-Сиб. Отд. Русск. Географ. Об-ва, т. 17, № 1—2, 1886 г., сс. 84—118).

Приклонский В.—Три года в Якутской области (Живая Старина, 1890—91 г., в. 1, сс. 63—83, в. 2, сс. 24—54, в. 3, сс. 48—84, в. 4, сс. 43—66).

Припузов.—Сведения для изучения шаманства у якутов Якутского округа (Изв. Вост. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Об-ва, т. 15, № 3—4, 1884 г.).

Сарычев Г.—Путешествие флота капитана Сарычева с 1785 по 1793 г. Т. I, П., 1802 г.

Серошевский В.—Якуты. Опыт этнографического исследования. Т. I. 1896 г.

Соловьев Ф.—Остатки язычества у якутов (Сборник газеты «Сибирь», I, 1896 г.

Стефанович Я.—На шаманстве. (Землеведение, 1897 г. № 1—3).

Трощанский В.—Эволюция черной веры у якутов. Казань, 1902 г.

Худяков И.—Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и т. д. Иркутск, 1890 г. (Записки Вост. Сиб. Отдела Русск. Географ. Об-ва по этногр., т. I, в. 3).

Шукин Н.—Поездка в Якутск. Изд. 2-е. П., 1844 г.

Шукин Н.—Якуты (Журнал Министерства Внутренних Дел, 1854 г., № 7, отд. 3, сс. 1—46).

Ястремский.—Остатки старинных верований якутов (Известия Вост.-Сиб. Отдела Русск. Географ. Об-ва, т. 28, № 4, Ирк. 1897 г.).

Gmelin J. Reise durch Sibirien. 2-г Teil. Göttingen, 1752.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие : : :	3
Предисловие автора к 1-му изданию	9
Предисловие автора ко 2-му изданию	11
 I. СЛЕДЫ ОБОЖЕСТВЛЕНИЯ ШАМАНОВ.	
1. Возобновление гробницы шаманов	13
2. Шаман — «дух покровитель»	14
3. Видение шаманиста	15
4. Почитание умерших шаманов жертвами и общественными играми	17
5. Моление духу шамана	18
6. Правление шаманов	21
 II. МИФЫ О РОЖДЕНИИ ШАМАНОВ.	
III. ИДЕЯ БОГООТЦОВСТВА.	
1. Сын бога Улуу-Тайона	29
2. Сыновья бога белого и черного	30
 IV. ШАМАНСКАЯ БОЛЕЗНЬ И БРЕДОВЫЕ ИДЕИ ШАМАНОВ.	
1. Одержимый «шаманскими духами»	36
2. Из биографий живых шаманов	44
3. Страдания шаманов	44
Показания якутов Кангаласского улуса	44
Показания якутов Вилюйского уезда	52
 V. ДЕРЕВО, ЗВЕРИ И ПТИЦЫ В ШАМАНСКИХ МИФАХ.	
1. Шаманское дерево и воспитание души шамана	60
2. Шаманские звери и птицы	63
3. Бык в шаманских мифах	66
 VI. ПОСВЯЩЕНИЕ В ШАМАНЫ.	
VII. ЛЕГЕНДЫ О ДРЕВНИХ ШАМАНАХ.	
1. Шаман Сынгаага-Суох	74
2. Шаман Бюкэс-Юлэйээн	75
3. Шаманка Кюёгэйэр-Мотуруона	77
4. Шаман Бётюрюю	77

5. Шаман Бютэй-Илии	78
6. Шаманы-перерожденцы	78

VIII. ШАМАНСКИЕ «ЧУДЕСА».

1. Отыскание дороги в темноте	83
2. Вызывание смерти скота	84
3. Исцеление бесноватого	84
4. Вознесение на небо	85
5. Хождение по водам, как по суше	85
6. Чудесное доставание пищи	85
7. Исцеление бесноватых	86
8. Превращение коры дерева в живую рыбу	86
9. Возвращение сбежавших коней	87
10. Воскрешение умершей женщины	88
11. Воскрешение мертвого	89
12. Испрошение детей шаманами	92
13. Вознесение шамана на небо к Улуу-Тайону	94
14. Обряд вызывания половой страсти	95
15. Голос с неба	97
16. Сошествие шамана к нижним духам за душой больного	98

IX. БУРЯТСКИЕ И ТУНГУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ.

1. Болезнь и бредовые идеи бурятских шаманов	101
2. Болезнь и бред тунгусских шаманов	103
3. Шаманское дерево и зверь у тунгусов	105

ПРИМЕЧАНИЯ	106
----------------------	-----

ДАнные о личности сказителей	115
--	-----

ЛИТЕРАТУРА.

1. Общая о шаманстве	121
2. О шаманстве у якутов	121

НОВИНКИ

ПУТИНЦЕВ — «Кулацкое светопреставление». Ц. 35 к.
СТЕПАНОВ-СКВОРЦОВ — «Беседы о вере». (7-е сокр. изд.). Ц. 10 к.

КАНДИДОВ — «Религиозная травля в Польше». Ц. 25 к.
ОЛЕЩУК — Пятилетие Союза Воинствующих Безбожников. Ц. 08 к.

ЯРОСЛАВСКИЙ — Единый фронт труда и науки против мракобесия. Ц. 04 к.

КАРЛО РОССИ — Церковь и фашизм. Ц. 20 к.

ШЕЙНМАН — Крестовый поход против СССР. Ц. 35 к.

ЗЫБКОВЕЦ — Безбожники и социалистическая перестройка деревни. Ц. 06 к.

НИКОЛИН — За молодежь против поповщины. (2-е изд.). Ц. 10 к.

КАНДИДОВ — Религиозная контрреволюция 1918 — 1920 гг. и интервенция. Ц. 80 к.

ГРАНТ — Канада в плену у религии. Ц. 70 к.

ЕГО ЖЕ — Религия на службе у американского капитала. Ц. 1 р. 20 к.

ЯРОСЛАВСКИЙ — Человек с гнильцой. Ц. 04 к.

ХАТТАВЕЙ — Американские негры и религия. Ц. 90 к.

КАЛИНЧЕНКО — Миссионеры — агенты капитала. Ц. 12 к.

РЕЗОЛЮЦИИ 2-го ПЛЕНУМА СВБ. Ц. 10 к.

ОЛЕЩУК — Как бороться с религией. Ц. 15 к.

ЛУНИН — Федоровцы-крестоносцы. Ц. 10 к.

ОСТРОВСКИЙ — Терциары и католическая контрреволюция. Ц. 10 к.

ЗОЕВ — Империализм и религия в колониях. Ц. 20 к.

КОСТОМАРОВ — Бог и его подвижники. Ц. 60 к.

ОРЛЕАНСКИЙ — Закон о религиозных объединениях РСФСР. Ц. 2 р.

Заказы высылаются нал. платежом при задатке в 25%.
Продажа во всех книжных магазинах и в изд-ве
«БЕЗБОЖНИК», Москва, Сретенка, 10.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ И ВЕРБУЙТЕ ПОДПИСЧИКОВ

НА ИЮЛЬ И ДО КОНЦА ГОДА
НА ГАЗЕТУ и ЖУРНАЛ

„БЕЗБОЖНИК“ И ЕЖЕМЕСЯЧНИК АНТИРЕЛИГИОЗНИК

Вербовщики подписки изд-ва «БЕЗБОЖНИК» примут участие в четвертом большом конкурсе 1930 г. Конкурс состоится в июле с. г.

С 1 июля журналы „Атеист“ и „Деревенский Безбожник“ передаются в изд-во „Безбожник“.

БЕСПЛАТНО АНТИРЕЛИГИОЗНУЮ БИБЛИОТЕКУ ИЗ 5 БРОШЮР получают все подписчики на газету и журнал «БЕЗБОЖНИК» и журнал «ДЕРЕВЕНСКИЙ БЕЗБОЖНИК», подписавшиеся с июля до конца года.

Подписные листы и др. материалы для работы по распростран. БЕСПЛАТНО высыл. по пер. требов. Акц. Изд. О-во „БЕЗБОЖНИК“, Москва, Сретенка 10.

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ:

	12 мес.	6 мес.	3 мес.	1 мес.
Газета «БЕЗБОЖНИК»	2 р. 40 к.	1 р. 20 к.	60 к.	20 коп.
Журнал »	3 » 60 »	1 » 80 »	90 »	30 »
Журн. «АНТИРЕЛИГИОЗ- НИК»	6 р. 50 к.	3 р. 50 к.	1 р. 80 к.	60 к.
Журнал «АТЕИСТ»	7 р. 50 к.	4 р. —	—	75 к.
Журнал «ДЕРЕВЕНСКИЙ БЕЗБОЖНИК»	2 р. 40 к.	1 р. 20 к.	60 к.	20 к.

**Товарищи! Подписывайтесь и помогайте
распространять БЕЗБОЖНУЮ ПЕЧАТЬ**

Подписку сдавайте почте или посылайте в изд-во «БЕЗБОЖНИК»
МОСКВА, Сретенка, 10.

Цена 65 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БЕЗБОЖНИК“
МОСКВА, Сретенка, 10. Тел. 37-81.